

Ю Л И Я Т Е Р Е Х О В А

ХРОНИКА СМЕРТЕЛЬНОГО ЛЕТА

Юлия Зиновьевна Терехова

Хроника смертельного лета

Серия «Хроники», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8986808
Хроника смертельного лета / Терехова Юлия: Accent Graphics
Communications; Москва; 2021

Аннотация

Вы уверены, что ваш сосед, мирно шагающий утром на работу— не кровавый садист? Вы точно знаете, что близкий знакомый, который с милой улыбкой треплет по щеке вашу маленькую дочь – не маньяк-педофил? А благообразный мужчина в консерваторском кресле, внимающий с наслаждением изящному Мендельсону – не ищет выход своему депрессивному психозу в кровавых играх? Вы в этом убеждены? Наслаждаетесь безоблачной жизнью и призрачным счастьем? Не обольщайтесь – все может рухнуть в любой момент и вы лишитесь самого дорогого. Так есть ли в мире справедливость? Возможно ли наказать зло?.. Или все старания напрасны?..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

224

Терехова Юлия

Хроника смертельного лета

*«Лучше истечь кровью и умереть, чем жить с
гнилой кровью».*

Федерико Гарсия Лорка «Кровавая свадьба»

2007 год. Лето. 88-е отделение милиции города Москвы

За металлической решеткой окна уже давно рассвело, и бойко щебетали птицы. Утро обещало быть ясным, но страшная боль чугунным колоколом гудела в затылке молодого мужчины. Один из его друзей пьяно храпел, скорчившись на соседнем деревянном настиле. Количество виски, вылаканного в ночном клубе, свалило того замертво, как только дежурный впихнул их компанию в обезьянник, и теперь оглушительные рулады не давали заснуть ни ему, ни третьему из них, который ворочался рядом, мучимый похмельем и ревностью. Кроме их троицы, в клетке находился еще и бомж — кишащий вшами, сонно похрюкивал в углу, куда они втроем его загнали, едва ввалившись внутрь.

Молодой мужчина в очередной раз повернулся со спины на бок, устав пялиться в испещренный трещинами грязный потолок. Что будет с ними дальше, его мало волновало — конечно, их отпустят утром, содрав штраф за нарушение общественного порядка. И надо же было этим двум деби-

лам сцепиться и устроить безобразную драку в ночном клубе. Именно он пригласил туда всю компанию отметить свой день рождения. Нечего сказать – отметили! Чем теперь аукнется эта вечеринка – одному богу известно.

Но все это шелуха. Важно другое – женищина, которую он еще несколько часов назад держал на плечах, ощущая тепло ее тела, а руки его до сих пор помнили упругость обтянутых шелком бедер, за которые он осторожно ее ухватил, чтобы она не навернулась с высоты. Одно из тех мгновений, что бережно хранятся в укромном уголке души, и сладкое воспоминание о ее близости до сих пор волнует до замирания сердца. Та женищина – его судьба, а один из его друзей – мерзавец и тварь... И он с этой тварью покончит – когда придет время. Осталось подождать немного. Совсем немного. Как там у Эжена Сю? *La vengeance se mange tres-bien froide*¹... Итак, приготовим кровавое блюдо.... поаппетитнее.

11 июня 2010 года, Москва, 23 °С

– Это будет – что? – от неожиданности Борис приподнялся на паркете, где расслабленно лежал после репетиции. За восемь лет партнерства с Анной Королевой он ко многому привык. Она была непредсказуемой, жесткой, но Борис на многое закрывал глаза, благодаря ее фантастическому трудолюбию, творческому потенциалу и надежности. Но тут он, откровенно говоря, ошалел.

¹ Мечь это блюдо, которое подается холодным (фр.)

– Танго, – коротко ответила Анна, снимая заколку и распуская светлые волосы. – Аргентинское танго. Не бальное, а именно такое... с милонги²...

– Ты сейчас с кем разговариваешь? – Борис покрутил пальцем у виска. – Я ничего не смыслю в танго. Я – балетный танцовщик, ты в курсе? Я умру на балетной сцене.

Анна, заведя руку назад, помассировала себе шею. Она сидела на полу, скрестив ноги, держа спину абсолютно прямо.

– Ну надо же, какой пафос! Не дергайся, это будет балетный номер, на пуантах, все как полагается.

– А без меня никак? – заныл Борис. – Может, ты кого-нибудь другого найдешь?

– Нет, мой золотой! – Анна не собиралась на него давить. Зачем? В итоге он все равно уступит. – Без тебя – никак невозможно. Посмотри на себя – настоящий аргентинский мачо! Где я еще такого найду?

Борис покосился на нее, чувствуя подвох. Жгучий брюнет, с правильными тонкими чертами лица – интеллигентный еврейский мальчик, в паре с Анной он собрал все мыслимые балетные премии, победил на всех возможных конкурсах. Он и Анна были звездами, востребованными и высокооплачиваемыми, и поэтому он, на всякий случай, решил обидеться на «аргентинского мачо».

– Это комплимент или оскорбление?

² Вечеринка, где танцуют танго

Анна рассмеялась:

– Вставай давай!

Борис, однако, не соизволил двинуться с места. Тогда она настойчиво потянула его за руку. Борис неохотно поднялся. Анна подвела его к зеркалу. Там она положила правую руку партнера себе на талию и он, вздохнув – спорить было бесполезно – принял нужную позицию.

Откинув голову, Анна взглянула в зеркало и хихикнула. Вид и правда потешный – она в юбке-шопенке, а он в трико...

– Ну и что это? – хмыкнул Борис. – Позорище.

– Да, тебя придется приодеть, – с легким разочарованием в голосе протянула Анна. – Ничего, мы тебе хвостик завяжем.

– Ага, – кивнул танцовщик, – и бантик заодно. Совсем сбрендила!

– Я бы попросила вас, милорд! – Анна тряхнула белокурой головкой. – Выбирайте выражения.

– Вот я и выбираю – идите на фиг, леди! На меня не рассчитывай.

– Подумай хорошенько. Это и в твоих интересах.

– Это еще почему? – сощурился Борис.

– А потому! Мы приняли приглашение на гала-концерт в Буэнос-Айресе 17 августа? Приняли! Так надо показать что-то особенное, чтобы все дар речи потеряли!

– И ты собираешься сразить тамошний высший свет ис-

полнением танго? Ты смеешься? Тоже мне – тангера³! Кто ж тебе его ставить будет? Или сама?

– Сама, представь себе! – гордо вздернула нос Анна. – Но у меня есть приглашенный консультант.

– И кто это? – с издевкой поинтересовался Борис – Очередной завсегдатай э-э... ми-ми-ми... как там его... а, милонги!

– Я могла бы обидеться, но буду выше этого, – миролюбиво заметила Анна. – Летом в Москве мастер-класс дает Клаудиа Эстер Перейра – слышал про такую?

Безусловно, Борис слышал. Одна из лучших преподавателей танго в Европе, сама в прошлом всемирно известная тангера, Клаудиа Эстер – легенда, как Майя Плисецкая в классическом балете. Попасть на ее мастер-класс – большая удача, и то, что Анна умудрилась заполучить ее в качестве хореографа и преподавателя-репетитора, казалось невероятным. Клаудиа Эстер была той, кого в невоздержанной на язык России назвали бы «старой каргой». Язвительная и надменная, она славилась исключительно крутым нравом. Поговаривали, мадам била учеников по ногам палкой, едва ей казалось, что они недостаточно прилежны. Потом «нерадивые» ученики хвастались следами от этих ударов.

– Я вела с ней переписку два месяца. Она приезжает через три дня, как раз после дня рождения Антона.

– И она согласилась на эту авантюру? – спросил Борис с

³ Танцовщица, исполнительница танго

сомнением.

– А то! – гордо провозгласила Анна. – Ей самой интересно, как это – коня и трепетную лань в одну телегу.

– Ну-ну, – пробормотал Борис. – Как пить дать – втравишь ты меня в историю.

Скверный день выдался у Антона Ланского. Сначала – долгие и утомительные переговоры с канадскими партнерами, потом банкет с этими же канадцами, которые к финалу непотребно напились. Затем пришлось ехать в Шереметьево и грузить их на борт самолета как багаж. К неприятностям добавился локальный конфликт с таможней, обнаружившей у одного из не вязавших лыка гостей запрещенную к вывозу икону. Это задержало Антона еще на час.

Он пытался дозвониться Анне и предупредить, что задерживается, но абонент оказался, как назло, недоступен – она выключала телефон, когда работала у балетного станка. Класс, по расчетам Антона, давно закончился, но она, скорее всего, забыла о выключенном телефоне. Он ясно представлял себе, как Анна сидит на паркете в мокром от пота трико, время от времени выписывая рукой брасео, а иногда встает, задумчиво подходит к станку – плие, батман, опять плие, гран батман. И вот уже она снова сидит на полу, растирая натруженные ступни. В это время дождь хлещет в окно репетиционного зала, от низкого давления у нее начинается головная боль и хандра. При этом она абсолютно не раздражена из-за его опоздания – Анна всегда знает, чем себя за-

нять, а если уж она в репетиционном зале, то может повторять одно движение несчетное количество раз, оттачивая до только ей понятного совершенства то, что давно совершенно. Плие, батман, плие, гран батман.

Вспомнив, что Антон уже часа два как должен был за ней заехать, Анна встрепнется, метнется к низкой скамье вдоль зеркальной стены, начнет торопливо шарить в сумке, осознавая, что ее мобильный молчит как-то подозрительно долго, обнаружит, что телефон выключен и.

Когда белый «лексус» Ланского, рассекая лужи, подплыл к зданию театра, Анна ждала у служебного подъезда, с трудом удерживая в руках зонт, терзаемый порывами ветра. Не вылезая из машины. Антон открыл ей дверь.

– Как это я тебя еще терплю, – хмуро бросила Анна, усаживаясь и отряхивая длинные светлые волосы. Антона обдало веером брызг. – Мокро? Так тебе и надо. Другая бы уже орать начала.

– Ты – не другая, – ответил Ланской и нежно поцеловал ее во влажный белокурый завиток у виска. – Ты – моя половинка. Но телефон включай иногда – для разнообразия.

– Я – твоя четвертинка, – невесело отшутилась Анна. – С половинками так не обращаются.

– Я хорошо с тобой обращаюсь, – улыбнулся Ланской. – Спроси Катрин. Она повторит – кстати, в который раз? – что тебе со мной повезло.

– Сказать-то она скажет, – кивнула Анна, – но что она при

этом подумает?

Антон охватило радостное возбуждение от того, что она рядом – эта красивая и утонченная женщина, невеста что в нем, скучном юристе, нашедшая. Он познакомился с ней на приеме, который устроил его холдинг по поводу открытия выставки современного абстрактного искусства. Анну представили ему, главному юристу компании, как восходящую звезду российского балета. Скромный и даже застенчивый, что всегда служило предметом для шуток его друзей, он остолбенел от ее изящества, красоты и врожденного благородства. Коктейльное платье-футляр цвета слоновой кости оттенялось ожерельем из белого жемчуга, который впоследствии оказался призом за победу на каком-то японском балетном конкурсе. Он обратил внимание, что она так и простояла весь вечер с одним бокалом шампанского в руках, время от времени поднося его к губам.

Но больше всего Антона поразили ее ладони, маленькие, легкие, с длинными пальцами и аккуратными, коротко обрешенными ногтями, без малейшего намека на лак – он ненавидел яркий лак на женских руках – такие руки его пугали. Антон был настолько ошеломлен, что ему даже в голову не пришло попросить у нее номер телефона, и он потом долго, смущаясь и придумывая смехотворные предлоги, доводил до белого каления секретаршу, заставляя ее найти хоть какие-нибудь контакты прекрасной балерины.

– Завтра большой сбор, как я понимаю? – услышал Ан-

тон голос Анны, Уже несколько минут он молча вел машину. Лобовое стекло заливало водой, и Ланской сосредоточенно пытался разглядеть дорогу. Погода меньше всего подходила для середины июня, сильный затяжной дождь начался рано утром, и ему не было видно конца...

– Что? – Он словно очнулся. – Ах да!.. Надо заехать в магазин и купить что-нибудь. В холодильнике пусто.

– Нам нужно не «что-нибудь», а прорва еды, – отозвалась Анна. – Завалится толпа... Эту толпу, между прочим, надо кормить и поить. Ты никого не приглашал кроме своих?

– Нет, – буркнул он, – наша компания не для слабонервных. Особенно.

– Катрин с Орловым, – подсказала, хихикнув, Анна.

– Ну да, – вздохнул Антон с обреченным видом. – Не всякий это шоу выдержит. И с каждым годом оно становится все забавнее.

– Забавнее? – фыркнула Анна. – Ты находишь это безобразие забавным?

– А ты – нет? – на мгновение повернулся к ней Антон.

– Не вижу ничего забавного в том, что двое любящих людей не могут ужиться.

– И что им мешает? Лишь собственная дурость.

– Катрин не дура! – вступилась Анна за подругу. – Она несчастная! А Орлов над ней измывается!

– Это ты так думаешь, – хмыкнул Ланской. – Непонятно еще, кто там над кем измывается!

– Он ее провоцирует!

– Да, да, – засмеялся Ланской, – а она, наивная, ведется!

– Добром все это не кончится, – протянула Анна. – Дождется Орлов, что Катрин его бросит.

Анна поискала в сумочке сигареты, ничего, однако, там не нашла и полезла в бардачок. Антон поморщился – обсуждение взаимоотношений Катрин и Орлова, в которое он по неосторожности оказался втянутым, хотелось отсрочить, чтобы собраться с мыслями и не ляпнуть ничего такого, что будет непременно доложено Анной ее ревливой подружке и вывернуто наизнанку – потом перед Орловым не оправдаться.

– Однажды она его убьет, – произнес он вслух.

– Что ты! – вздрогнула Анна, копаясь в бардачке. – Что ты говоришь!

– Или он ее – какая разница?..

Анна наконец нашла сигареты и закурила.

– Но все это продолжается уже очень давно, – спустя пару затяжек сказала Анна. – Мне кажется, она привыкла – то есть, хочу сказать, для нее это в порядке вещей. Катрин – как ребенок, родившийся под бомбежкой во время долгой войны и не имеющий представления, что такое мирная жизнь. И вечный бой, покой ей только снится. Нормальные люди давно бы уже разбежались. А эти, словно сиамские близнецы – и врозь смерть, и вместе погибель.

Анна стряхнула пепел и, не дождавшись ответа Антона,

спросила:

– Я не права?

Антон неохотно кивнул, снова не проронив ни слова, и тогда она продолжила: – Знаешь, когда ты меня с ними познакомил, я подумала – какая красивая пара! Как они друг друга, должно быть, любят! Чуть позже, услышав в первый раз, как они скандалят, решила – ну, им недолго осталось быть вместе. И вот – четыре года минуло, а воз и ныне там.

– Да уж, – ответил Ланской, – находятся же любительницы пощекотать себе нервы. – он замолчал, осознав, что сболтнул лишнее. Но было поздно.

– Лю-би-тельни-цы? – раздельно произнесла Анна. – Как интересно. О ком это ты?

– Да так, – пробубнил Антон невнятно, но Анна дернула его за рукав:

– Ну-ка, ну-ка! С этого места поподробнее.

– Да была одна сто лет назад. Первая любовь Орлова. А может и вторая. Черт его разберет, может и третья. Ольга, если память мне не изменяет. Вернее, все ее звали Олечка. Олечка Вишнякова, нет. Вешнякова, точно! Катрин тебе не рассказывала?

– Нет, – ответила Анна. – Никогда не слышала этого имени.

– Видимо, для нее до сих пор болезненная тема, – заметил Ланской серьезно.

– Ей будет неприятно услышать это имя от тебя. Вернее –

именно от тебя. Так что помалкивай.

– Ладно, – кивнула Анна. – Но неужели Катрин до сих пор к ней ревнует? Сколько лет прошло?

– Больше пятнадцати, – ответил Ланской, – и сейчас Олечка разве что воспоминание для него, не больше. Катрин слишком много места занимает в его никчемной жизни.

– Почему – никчемной? – удивилась Анна. – Он, в общем-то, преуспевает. На мой взгляд, он абсолютно благополучен. И она благополучна. Им бы еще научиться сосуществовать. Или разойтись, наконец.

– Никак невозможно, – улыбнулся он. – За эти годы он привык к ней, как к любимой вещи, которая в дырках, а выбросить – рука не поднимается.

– Твой цинизм отвратителен, – Анна возмутилась. – Как ты можешь так о ней говорить!

– Но это ж правда, Аннушка. Горькая, но правда. Ну, насчет дырок, может, это я и загнул, но в целом – все так и есть.

«Старая вещь! – с содроганием подумала Анна. – Вот этим все и кончается... Любовь, нежность – все кончается. И никто не виноват.»

– Анна, нельзя приказать себе пылать от страсти. Ты ведь знаешь это лучше, чем кто бы то ни было, я прав?

Она подняла на него прозрачные глаза. Глаза Жизели и Одетты. За этот взгляд можно было отдать весь мир.

– Я тебя порой не понимаю, но ты всегда оказываешься прав. Даже смешно.

Антон чуть сильнее сжал в руках руль, но она даже не заметила: «Смешно ей!».

В первый раз он увидел Анну на сцене в партии Китри. Перед ним явилась гордая, страстная, задорная красавица – совершеннейшая противоположность той, какой она впоследствии оказалась в жизни – сдержанной, старавшейся держаться в тени. Когда в первом акте она вылетела в короткой вариации с кастаньетами – зал замер, а минуту спустя взревел, многие даже поднялись с мест. Сидевший рядом Мигель, его давний друг, как-то по-особенному вздохнул и ошарашено выдавил из себя: «Н-да.».

Вот еще и Мигель!

– Кортес вернулся, – произнес Ланской. – Завтра тоже явится.

– Сколько он отсутствовал? – откликнулась Анна. – Год?

– Больше. Если не считать отпуска – помнишь, он приезжал на Рождество – его не было ровно полтора года. Я даже думал, он с концами там увяз.

Там – это в Аргентине, где их другу предложили длительный контракт на весьма выгодных условиях. Мигель был специалистом по вину, а безупречное знание языка делало его незаменимым на сложных переговорах.

– Он привез тебе шаль, – сообщил Антон.

– Какой милый, – улыбнулась Анна. – Умеет сделать приятное.

– Пожалуй, даже слишком милый, – скривился Ланской.

Он тайно ревновал свою белокурую подругу к Мигелю. Тот иногда – то ли в шутку, то ли всерьез – пытался приударить за Анной. И, по мнению Ланского, Анна могла бы поактивнее отвергать эти ухаживания.

Ланской перевел на нее напряженный взгляд, отвлекшись от дороги, еле видной за ветровым стеклом, по которому барабанил ливень.

– Значит, еще и Мигель, – констатировала Анна. – Превосходно. Шаль придется кстати для моего костюма. Я говорила тебе? Буду ставить танго. Вместе с Борей.

– С Борей. Ага, – ухмыльнулся Ланской. – Он будет ставить или танцевать?

– Ставить буду я сама. Я сама вижу, как надо. Не хочу, чтобы мне диктовали, что делать.

– А Борис в курсе? Или это ему такой вот сюрприз?..

– В курсе с сегодняшнего дня, – злорадно хихикнула она. – Брыкался, конечно. Явно не в восторге.

– Равно как и я. Опять тебя дома не будет сутками.

– Ну, я тебе не жена пока еще, – Анна отвернулась, – так что переживешь.

– Переживу, куда ж я денусь.

За этим разговором они, в итоге, доехали до гипермаркета и еще долго ходили по бесконечным рядам, из-за позднего вечера – почти пустым. Ланской прокручивал в голове их разговор, и что-то в нем ох, как ему не нравилось, только он не мог понять – что. То ли рассуждения об отношениях Ка-

трин с Орловым, изъеденных, как ржой, жгучей ревностью и непрощенными обидами, то ли упоминание о Мигеле Кортесе, персонаже исключительно неоднозначном в их уравновешенной жизни, то ли известие о новой идее Анны. Антон, конечно, гордился любимой, но вместе с тем прекрасно сознавал, что для нее он всегда – номер два, а номер один – Его Величество Танец. Мысли были грустны и тревожны, и хотелось поскорее добраться до дома, лечь в постель, обнять Анну – только в эти часы у Ланского появлялось хоть какое-то подобие уверенности, что она принадлежит ему...

Катрин проснулась от резкого звука, не сразу осознав, что именно ее разбудило. О том, который час, оставалось только догадываться, но июньская ночь коротка, и тьма вокруг еще не прореживалась белесым рассветом. Полуночный звонок не грозил неприятностями, лишь в фильмах и книгах сухой голос сообщает дурную весть или свистящий шепот шантажиста угрожает разоблачением. Но выплывая из омута сна, Катрин уже знала, чей голос услышит – ей предстояло либо очередное выяснение отношений, либо же – в лучшем случае – категоричное требование явиться в то или иное место. «Послать бы его куда подальше раз и навсегда», – с досадой подумала Катрин, но шальная мысль мелькнула и испарилась столь же стремительно, как и возникла. Итак, можно брать трубку. Ну естесственно...

– Это я. Спишь?

– Сплю, – сонно прошептала Катрин.

– Уже не спишь.

Ну и наглость!

– Ну и наглость! – пробормотала она, в точности зная, что услышит в ответ. Например: «Да, я такой».

– Я такой, – согласился Орлов миролюбиво, – гадкий и противный. Чем занимаешься?

Убила бы! Так, взяла себя в руки!

– Любовью, разумеется, – промурлыкала она. – Чем еще я могу заниматься в это время суток. Тут два знойных.

– Не желаю слушать порно по телефону, – грубо прервал он ее. – Кому-нибудь другому расскажи!

– Если кто другой позвонит, то расскажу, – продолжала мурлыкать Катрин. Ее голос становился все более томным по мере того, как Катрин представляла себе – вот она отвечает ему одну пощечину, затем вторую. А потом с наслаждением царапает его физиономию – бессовестную и самодовольную. Как, однако, славно.

– Эй, – услышала она, – ты и правда – чем там занимаешься?..

– Разговор с тобой, любимый, заводит почище секса, – сдерживая бешенство, процедила Катрин. – Чего тебе надобно?

– Да так, – последовал ленивый ответ. – Хотел узнать, что новенького.

Катрин закусила губу, и тут фантазия завела ее совсем да-

леко – ее несносный любовник летел без парашюта с Эйфелевой башни. Каждый их разговор начинался с этих нелепых фраз. Спрашивается, что нового могло произойти за те двое суток, пока они не виделись – и каким чрезвычайно важным должно это быть, чтобы интересоваться им так поздно. Впрочем, только для Катрин ночь была глухой и крошечной, а для Орлова самое время завалиться в кабак, слопать стейк и выпить коньяку. На работе Орлов сидел допоздна, без перерыва на обед, в лучшем случае, ему удавалось хлебнуть кофе и съесть бутерброд, приготовленный милосердной секретаршей. Орлов был ночное животное – приходил на работу, когда за окном еще темно и уходил в одиннадцатом часу вечера. Впереди маячили язва и инфаркт, а пока час обеда наступал за полночь. Но есть в одиночестве он не любил, и поэтому главное, Катрин знала, впереди.

– Приезжай, я тут в кабаке завис, – услышала она и не удивилась.

– Ну и виси дальше. А мне лень. И вообще, я так поздно не ем.

– Это правильно, – ничуть не обиделся он.

Катрин понимала, спорить бессмысленно. Орлов любил повторять: «Женщина должна быть похожа на фарфоровую статуэтку, а не на статую Свободы».

– Я не похожа на статую Свободы! – возмутилась она заранее. – Что тебе надо? Говори быстрее!

– Ты не хочешь разговаривать?

– Я спать хочу, – промямлила Катрин жалобно. Ее боевой настрой куда-то улетучился.

– Тебе Ланской звонил? Он обещал тебе перезвонить.

Катрин мысленно чертыхнулась. Ночь на дворе, какие звонки! Для ее друга слова «хорошее воспитание» не пустой звук – в отличие от ее любовника.

– Завтра собираемся у него.

Катрин молча ждала продолжения. Зачем задавать вопросы – она и так получит ответы.

– Мы завтра собираемся у него, – повторил он таким тоном, словно это дело решенное, а Катрин никто и не спрашивает. А она лихорадочно соображала, кого она на сей раз забыла с чем-нибудь поздравить. Она хронически не могла запомнить дни рождения друзей. Исключение составлял сам Орлов. Его угораздило появиться на свет 8 марта, и такое мог забыть лишь человек с полной амнезией. В какой-то момент Катрин показалось, что она вот-вот схватит ускользающую мысль за хвост, но ей не хватило времени:

– Надеюсь, ты не забыла про его день рождения? – злобно спросил Орлов. Итак, она забыла про день рождения Антона!

– Я не сомневался, – удовлетворенно заметил Орлов.

– Много работы... Совсем замоталась, – И это было правдой – в тот день Катрин провела три пары на курсах, два урока дома и, вдобавок, на столе ее ожидали два срочных технических перевода из издательства. Но она знала – для Ор-

лова это не аргументы.

– Угу, – промычал он недоверчиво, – много работы... Вся ты в этом, Катька – безответственный и черствый человек. Как бублик недельной свежести – с виду ничего, а есть невозможно.

Назревала неприятная дискуссия о ее черствости и отзывчивости Орлова. Лучше прикусить язычок и попробовать перевести их нервный разговор на мирные рельсы. Итак, народ собирается у Антона. Обычное дело. Почти все события в их компании, как правило, отмечались в просторной квартире Антона. По сути, в квартире его родителей, но они давно работали по контракту где-то на краю света, в жарких песках Аравийского полуострова. В связи с этим Антон и не подумал озаботиться покупкой собственного жилья – родовое гнездо его вполне устраивало.

– В пять забереешь меня от «Проспекта Мира», – потребовал Орлов.

А встретить ее по дороге, тем более, заехать за ней, хотя бы на такси, он не в состоянии! Она должна везти его на эту вечеринку? Катрин снова завелась. Который раз мирной беседы не получалось.

– Я не знаю, во сколько освобожусь, – отчеканила она злым голосом. – Наверно, сильно опоздаю.

– Ну, тогда приезжай прямо к Ланскому, – Орлову, казалось, было все равно.

– А что у тебя завтра?

Завтра у Катрин было – ничего. Но наглый тон Орлова взбесил ее, и она противоречила просто из злобного стремления поставить того на место. И в итоге – что она имеет из-за своего упрямства? Дорогу в одиночестве. Почему бы не сказать прямо – Орлов, хочу, чтобы ты заехал за мной! И все дела. И ведь заедет, никуда не денется.

– Возможно, я не смогу приехать, – храбро заявила Катрин. – У меня есть планы.

– Интересно, – его голос стал ледяным, – какие это у тебя планы?

– Что значит – какие? Другие. Может, у меня свидание.

– Ах, свидание. – протянул Орлов и повторил: – Интересно.

– Что тебе «интересно»? – она не смогла сдержаться и передразнила его.

– Интересно, какую дурную болезнь подцеплю я после твоего свидания? – услышала Катрин и задохнулась от гнева.

– Да как ты смеешь?! – завопила она. – Ты!..

– Как я смею – что? – сухо откликнулся он, тем не менее, довольный произведенным эффектом. – Как я смею возражать против того, что женщина, с которой я сплю, шляется по мужикам, как последняя.

Катрин не дала ему закончить.

– Как же ты мне надоел, Орлов, – выпалила она. – Меня тошнит от тебя и.

– Тебя – от меня – тошнит? – произнес он бесцветным

ГОЛОСОМ.

– Тошнит! Тошнит! – продолжала Катрин упрямо.

– Ну что же, – равнодушно бросил Орлов. – Наверно, тебе пора спать. Пока.

– Пока, – каменным голосом произнесла Катрин и повесила трубку. Первая.

Ну и чего добилась? Идиотка несчастная. Расстроенная Катрин долго не могла заснуть. Каждый раз одно и то же. При любой ее жалкой попытке выбраться из-под жесткого диктата она проигрывает по всем статьям, а хлипкие отношения грозят оборваться окончательно. Мама права – надо бросить этого невозможного человека и жить собственной жизнью. Выйти замуж, завести детей. Кандидатуру можно обдумать на досуге.

Но сама мысль о том, что Орлов исчезнет из ее жизни – пусть ревнивый, пусть такой неласковый – пугала Катрин до колик. Начиная копать в себе и в их с Орловым отношениях, она не находила практически ни одной причины «за», чтобы оставаться вместе. Жить с ним оказалось невозможно, единственная попытка семь лет назад кончилась катастрофой. Он изводил ее подозрительностью – она и шага не могла ступить без его контроля. Однажды они скандалили всю ночь – по пустяковому поводу, когда в отсутствие Катрин той позвонил Мигель и наварлся на Орлова. В отчаянии Катрин грохнула об пол тяжеленую хрустальную вазу, а наутро, когда он, уже успокоившись, ушел на работу, сложила его вещи

и собственноручно отвезла их к нему домой. Вернувшись, вздохнула с облегчением, а потом ночь напролет рыдала, поняв, что рядом его нет и, наверно, никогда не будет.

Но они снова оказались в одной постели – кстати, довольно быстро, и месяца не прошло. Как это случилось – не мог вспомнить ни он, ни она. Друзья и знакомые ужаснулись, потом посмеялись, потом стали пожимать плечами и воздерживаться от комментариев. Все это длилось пятнадцать лет, и конца не было видно, да никто его, в общем, и не хотел, этого конца. Ни она, ни Орлов.

«Наверно я не создана для семейной жизни. Что в ней хорошего? Себе не принадлежишь, вечно перед кем-то отчитываешься, а уж если рядом такое чудовище, как Орлов, то вообще можно повеситься».

Придя к такому незамысловатому выводу, Катрин некоторое время бессонно таращилась в потолок:

«Конечно, он гад. Но проблема не только в нем. Даже прежде всего – не в нем. Когда тебя гладят против шерсти, выпускаешь когти. А потом забываешь втянуть их обратно. Так и клацаешь по паркету. А кончается все слезами в подушку. И не говори, будто не подозревала, что он собой представляет. Вспомни слова твоей бывшей подруги Олечки Вешняковой. Она же предупреждала, помнишь?»

Подмосковье, поселок Мамонтовка, март 1995 года

Тогда ее еще звали Катей Астаховой. Ей было всего сем-

надцать, и она училась на первом курсе. В начале марта, поругавшись с матерью из-за какой-то ерунды, она в одиночестве поселилась на даче, в плохо протапливаемом доме, в котором можно было жить разве что летом. И именно туда она неосторожно пригласила Олечку Вешнякову, и та заявила с толпой незнакомого народа отмечать международный женский день.

Катя страшно мерзла, кутаясь сразу во все теплые вещи, которые у нее с собой были. Натянув на себя три свитера, а поверх еще и обмотавшись парой теплых платков, она недовольно следила за веселой толпой, неумолимо распolzавшейся по ее дому. Вешнякова, девица бесцеремонная, но незлая и по-своему интересная, училась с Катей в одной группе. Дочка высокопоставленного дипломата, Олечка Вешнякова, не пройдя по конкурсу в МГИМО, не сдавая экзаменов, каким-то образом оказалась на филфаке МГУ. Среди однокурсников Олечка выглядела, как экзотическая птица в среднерусском лесу.

Кляня себя за неосторожное приглашение – и дернул же ее черт дать Олечке свой адрес – Катя с раздражением наблюдала, как шумная компания с хохотом выгружает еду и выпивку.

Привычный порядок на кухне был беспардонно нарушен. Кто-то лез в буфет за посудой, кто-то, не спрашивая разрешения, закурил и, в общем-то, все они, человек десять, вели себя так, словно ее, Кати Астаховой, в помещении не было.

Словно она – пустое место. Хотя это именно то, чего ей в ту минуту хотелось больше всего – стать пустым местом. Или сбежать от них подальше.

Раздался грохот – уронили гору из трех кастрюль, поставленных одна в другую, и сразу за грохотом – радостное ржание. Ерунда какая-то... Зачем ей нужны эти чужие люди, да еще в таком количестве...

– Ты здесь живешь? – услышала она неторопливый голос, как ей показалось, с легким акцентом. На самом деле присутствовал не акцент, а лишь какая – то аура акцента. – Ты кто?

– Сосулька, – проворчала она, едва взглянув, – или, по крайней мере, скоро в нее превращусь. Печка совершенно не греет.

– Ты замерзла? – спросил он и быстро стянул с себя куртку. – Надень.

Катя опешила настолько, что послушно сунула руки в зеленый пуховик, потрясаяще легкий и красивый. Затем она подняла взгляд на хозяина пуховика и натолкнулась на темно-серые глаза, полные удивления и восторга.

«Что ты испытала тогда? – спросила себя Катрин. – Вспомни: казалось, тебя лягнули в солнечное сплетение – так сбилось дыхание». Она куталась в его куртку, а он все глубже и глубже тонул в ее бархатных глазах, оглохнув и не воспринимая ничего вокруг.

– А у меня сегодня день рождения, – заявил владелец

куртки.

Катя недоверчиво подняла бровь:

– Серьезно?

– Вполне. Я – подарок на женский день.

– И сколько подарку стукнуло?

– Девятнадцать. Совсем старик уже.

– Ну и что ты здесь стоишь? – голос Олечки пробился откуда-то издалека. – Андрей!

– Да? – он словно очнулся. – Что?

Олечка сделала вид, будто не заметила, что куртка ее парня переместилась на плечи однокурсницы, однако бровки нахмурила и прижалась к нему всем телом. Она явно решила взять ситуацию под контроль.

– Это Орлов. Личность замечательная во всех отношениях. Единственный недостаток – он совершенно несносен.

Олечка по-хозяйски схватила парня за руку, повиснув на нем, словно опоссум на ветке. Он не отстранил ее, но вел себя так, словно ее и не было рядом.

– Андрей, – протягивая Кате свободную руку, парень смотрел на нее испытующе, словно оценивал.

– Катя, – ее ладонь предательски дрогнула. Так это и есть знаменитый Андрей Орлов, о котором Вешнякова прожужжала ей уши. «Я люблю его, – мелькнула бредовая мысль. – Что ж мне делать теперь, я люблю его!». Ей следовало добавить: «Помоги мне, Боже!!!» Если б она только знала!

«Если б я знала, – прошептала она сонно. – А что бы это

изменило?»

Ничего бы это не изменило...

– Привет, красотка, – Еще один юноша, крепкий, с правильными чертами лица и обаятельной улыбкой появился возле них. Светлая прядь волос падала на чистый лоб. – Я – Антон.

Ланской часто вспоминал момент их знакомства. «Слушай, – хохотал он, – ты хоть что-нибудь соображала тогда?! Вид у тебя был совершенно отсутствующий. Я сначала подумал – обколотая или, как минимум, обкурилась. Потом сообразил: она же в Орлова втрескалась по „самое не могу“. „И когда ж ты это сообразил?“ – мрачно спрашивала его Катрин. „Да через минуту. И не я один“. Именно так. Не он один – Олечка приволокла на дачу всю компанию – но Катрин не помнила никого, кроме Орлова и смутно – Антона.

– Катя, – машинально протянула она руку. – Привет.

– Тебе это имя не подходит, – объявил Ланской, с удовольствием ее разглядывая. – Я буду звать тебя Катрин.

Ей показалось или по лицу Орлова пробежала тень? Он сдвинул к переносице темные брови и стал смотреть на нее еще пристальнее.

– Катрин? – ревниво переспросила Олечка. – Почему, собственно, Катрин, а не Кэт, не Кэти или как-нибудь еще?

– Катрин, – повторил Ланской настойчиво. – Я человек франкоязычный. Слушай, где я тебя видел?

Как выяснилось позже, он учился на юрфаке МГУ, в том

же гуманитарном корпусе, этажом выше и курсом старше, и потом они часто обедали вместе в студенческой столовой. Имя Катрин прилипло к ней с той, первой встречи. Так она обзавелась новым именем, новым другом и новой проблемой на долгие годы.

– Я позвоню тебе, – сказал Орлов в тот день на прощанье. Шумные гости собирали манатки, один за другим вываливаясь за порог и рассаживаясь по трем машинам. Олечка давно сидела за рулем одной из них и нетерпеливо бибикала, а он застрял в дверях, держа Катю за руку.

– Здесь нет телефона, – прошептала она в отчаянии. Мобильники были редкостью – и роскошью.

– Тогда я приеду, – тон Орлова не допускал возражений. Он приехал через пару дней, поздно вечером, когда она уже легла спать. Ввалился в дом, промерзший до костей, так как ему пришлось идти от станции пешком, и он заблудился, и часа два бродил по поселку, стучась в пустые дачи. Она отпаивала его горячим чаем с черносмородиновым вареньем и с замиранием сердца думала о том, что будет, когда он согреется.

Когда же он согрелся, она постелила ему внизу, а сама побрела на второй этаж – она не могла себе представить, как просто постелет им вместе – у нее никогда еще не было мужчины. Она долго ворочалась у себя наверху, пока наконец не забылась тревожным, неглубоким сном. Сколько прошло времени? Катя проснулась от того, что он рядом, его руки

обнимают ее, а губы ищут ее губы и с удивлением осознала, как отвечает ему, обнимает его, целует его, выпускает его в себя...

А когда Катя вернулась в Москву, они стали встречаться почти каждый день и вскоре не мыслили жизни друг без друга. Все продолжалось замечательно целый год – до первой ссоры. Узнав, что она едет работать в Испанию, да еще по наводке Мигеля, Орлов устроил грандиозный скандал, а после ее возвращения не разговаривал с ней целый месяц.

„И все же – как сложилась бы моя жизнь, скажи я тогда „не приезжай“? – спросила себя Катрин. – Он все равно бы приехал. Орлов всегда поступает так, как считает нужным“ – последнее, о чем она успела подумать, перед тем, как провалиться в сон. Начинало светать.

12 июня 2010 года, Москва, 24 °C

Сергей сделал последнюю запись в историю болезни и, потягиваясь, откинулся на спинку стула. Стоило Булгакову закрыть глаза, как он начинал проваливаться в сон. Нескончаемое суточное дежурство. Пять пулевых ранений, шесть черепно-мозговых травм в пьяных драках. Потоки крови, пролившиеся сегодня в приемном отделении Склифа, наводили на мысль о Риме эпохи Нерона и Калигулы. Хотя, какой, к черту, Рим? Ночь с пятницы на субботу всегда самая тяжелая, а с учетом грядущего праздника – ничего удивительного, что народ пошел в отрыв.

– Сергей Ростиславович, кофе хотите? – голос медсестры Алены вырвал его из полудремы. – Вода закипела.

– Спасибо, хочу, – зевнул Сергей. – И покрепче.

– Тоже засыпаете, – с пониманием откликнулась Алена. – Какое тяжелое дежурство! Я прямо с ног падаю. Скорее бы восемь, поеду домой, завалюсь спать.

– Хорошо бы, – мечтательно произнес Булгаков. – Но облом... у друга сегодня пьянка по случаю дня рождения. И поспать мне светит от силы часов пять – не больше.

– День рождения? И сколько ему?

– Сколько? – Сергей задумался лишь на мгновение: – Тридцать четыре. Ну да, правильно. Он моложе меня на три... или на четыре года?..

– А что вы ему подарите? – поинтересовалась Алена как бы между прочим.

– Тьфу, черт, – в сердцах сказал Сергей. – Я и забыл. Вот еще за подарком ехать. Плакал мой сон...

„Подарю-ка я Ланскому, – пришло ему в голову, – тот шикарный французский галстук, ему он будет кстати, не то что мне... Для него костюм – униформа, а я в последний раз костюм надевал, дай бог памяти. На чью-то свадьбу? Ах да, еще на конференцию. На кой он мне сдался, этот галстук. Как принес из магазина, так нераспакованный и валяется. Куплю бутылку хорошего коньяка и Анне – цветы“. Тут его взгляд остановился на Алене – хорошенькой, рыженькой, с россыпью мелких конопушек на курносом личике. Его осенило.

– Аленка, – выпалил он практически произвольно. – А у тебя какие планы на вечер?

В ее зеленых глазах зажегся вопрос, а на щеках – румянец.

– Не знаю, – пролепетала она.

– Хочешь пойти со мной?

– Ой, – смутилась девушка. – Неудобно как-то...

– Ерунда, – отмахнулся Сергей. – Это просто вечеринка.

– Неудобно, – повторила девушка. – Одна в мужской компании...

– Какие глупости, – удивился Сергей. – Кто говорит про мужскую компанию? Ланской, можно сказать, почти женат, они с Анной живут вместе давно, да и еще есть одна парочка... – он поморщился. – Так что присутствие как минимум двух дам я гарантирую... если, конечно, тебе это так важно.

– Ну, если вы считаете, что это удобно...

И чего ломается? Ведь все равно поедет, он в этом не сомневался ни минуты. Надо сказать, Сергей Булгаков, один из ведущих хирургов отделения неотложной нейрохирургии Склифа, придерживался весьма невысокого мнения о женщинах вообще и медсестрах в частности. „Покажите мне женщину умную и верную, и клянусь, я женюсь на ней!“ Никто не показывал Булгакову такой женщины, и его женитьба откладывалась на неопределенный срок, но не заметить влюбленность девушки он не мог никак. Алена совсем недавно работала в отделении, и угораздило же ее втрескаться в Булгакова. Она застыла с открытым ртом, впервые увидев

его высокую, под два метра, фигуру с мощным разворотом плеч. Юная медсестра не могла отвести взгляда от его чеканного римского профиля и веселых васильковых глаз. Когда он смеялся, то морщил чуть широковатый в переносице нос и ерошил светлые волосы.

Способные соображать пациентки в его присутствии становились сразу же томными и кокетливыми, даже если из них хлестала кровь. Когда Булгаков появлялся в приемном покое, дамы замолкали – как медперсонал, так и пациентки. Надо отдать ему должное, Сергей Булгаков не оставался безучастным к такому вниманию. Любая хорошенькая мордашка могла рассчитывать на его благосклонность, но другой вопрос – что за этим следовало. А следовал равнодушный поцелуй на прощание и фраза типа „Пока, детка, я позвоню как-нибудь“. Понятно, он не звонил.

– Сергей Ростиславович, – в ординаторскую заглянула вторая медсестра, – там девочку привезли, под машину попала. Травма черепа. На экзамен шла, наверное. В сумке конспекты...

– Где она? – спросил Сергей, нехотя поднимаясь со стула, и залпом допивая остывший кофе.

– Во второй операционной... Снимок мы сделали.

– Черт, я надеялся, на сегодня все... – устало пробормотал он.

– Теперь уж точно все, – утешила его Алена. – Без пяти восемь...

... – Объявляется посадка на рейс 411 Аэрофлота „Москва-Рига“, – ему показалось, чувственный голос раздался прямо над ухом, заглушив музыку. Бар был почти пуст. Звучало страстное танго в исполнении Грейс Джонс – воспоминание о роковой и порочной любви. „Tu cherches quoi? A rencontrer la mort?“⁴ Молодой мужчина, лет тридцати пяти, потягивая коньяк, смотрел на сидящую перед ним девушку с грустью.

– Почему ты молчишь? – спросил он.

– Потому что меня раздражает выражение твоего лица, – ответила девушка, но в ее голосе звучало не раздражение, а скорее, недоумение и печаль. Девушка была невысокая, худенькая, с темно-золотистой гривой волос. Чуть косящие зеленовато-карие глаза придавали ее взгляду выражение диковатой отрешенности.

– Мне жаль, что ты едешь без меня, Лисик, – сказал он, накрывая ладонью ее пальчики, унизанные множеством тонких серебряных колец.

Девушка сделала глоток дайкири – крепкого коктейля с ромом.

– Я предлагала тебе ехать со мной. Ты отказался. Но я не смогу поехать в другое время. Я так давно мечтала побывать у друзей в Майори.

– Сейчас – никак, – с искренним сожалением покачал го-

⁴ Чего ты добиваешься? Хочешь повстречать смерть? (фр)

ловой ее визави. — У меня работа.

— Это я уже слышала, — уронила она, вставая. — Объявили мой рейс, пойдем.

— Послушай, — в глазах мужчины светились нежность и грусть. — Я не хочу, чтобы ты уезжала. Как я тут без тебя?..

Девушка, которую он назвал Лисик, снова опустилась на стул, не выпуская из рук небольшого кожаного рюкзака. Ей показалось на пару секунд — сейчас он скажет те самые важные слова. Но мужчина молчал, покачивая в руке круглый бокал, в котором плескались остатки коньяка. Он продолжал молчать, когда повторно объявили посадку на ее рейс. Наконец она поняла, что ждать — пустая трата времени.

— Ты идешь? — девушка вновь поднялась.

Они покинули бар и направились к паспортному контролю. Ее сандалии под длинной юбкой шелкали по гранитному полу. Каждый подыскивал слова прощания, которые не оставили бы в душе тоскливого осадка. Их отношения длились два года, но была ли это только привязанность или уже что-то большее — не знали ни он, ни она. Это была их первая разлука, и расставание давалось нелегко.

Тут девушка повернулась к своему спутнику. Ее макушка едва доходила до его груди.

— Милый, — она словно решилась, — я не поеду без тебя. Я сейчас сдам билет. Ты правда не хочешь, чтобы я уезжала?

Его взгляд мгновенно потеплел, и на губах мелькнула улыбка.

– Я не хочу разлучаться с тобой, милая, – ответил он. – И мне важно, что ты сейчас сказала. Правда, важно. Поезжай, – он склонился к ней и коснулся поцелуем ее губ. – Поезжай, и ни о чем не думай. Хорошо отдохни, но поосторожнее с латышами. Я имею в виду мужчин. Боюсь, ты не устоишь.

Девушка с облегчением рассмеялась.

– У меня есть мужчина. Так что можешь быть спокоен.

– Я буду ждать тебя, Лисик, – улыбнулся он в ответ, и вновь поцеловал ее. И на этот раз это был поцелуй прощания. После него следует лишь последний взмах рукой. Что она и сделала.

Катрин с трудом заставила себя подняться в десять, совершенно разбитая после ночного разговора. Но переводы могли потребовать скоро, и дальше откладывать было невозможно. Наскоро позавтракав, она села за компьютер в компании литровой кружки кофе и, испытывая тошноту от технической терминологии, в которой ничего не смыслила, к двум часам все же перевела пять страниц текста – характеристики электронасосов.

Около четырех заглянула мать. С утра Галина Васильевна, большая любительница распродаж, бегала по магазинам – почти во всех магазинах появились соблазнительные скидки – устоять было трудно. Катрин критически окинула взглядом ворох пакетов из недешевых бутиков.

– Ты не хочешь хотя бы в выходные отдохнуть? – беззлоб-

но проворчала мать.

– Хочу, – кивнула дочь. – Но не могу. Мне скоро перевод сдавать. Я и так со своей ленью дотянула до последнего.

– А к Антону поедешь? – с утра Катрин успела понять ей в трубку по поводу ночного звонка Орлова, и Галина Васильевна была в курсе ее сомнений. – Или решила покапризничать?

– Не знаю, – искренне ответила Катрин, и помрачнела от ее вопроса еще больше, чем от технических характеристик электронасосов.

– Ну смотри, – Галина Васильевна прошла на кухню и оттуда крикнула: – Я сварю кофе – будешь?

– Буду, – обрадовалась Катрин. – Кофе – то, что нужно, а то от этой растворимой бурды мутит. А самой варить – лень.

Тяжко вздохнув, Катрин открыла словарь синонимов и стала искать подходящее по смыслу слово, обозначающее то ли падение напряжения, то ли повышение давления... Листая словарь, она слушала, как на кухне надывается оставленный там мобильник. Наконец, мать принесла телефон в комнату. Глянув на экран, сообщила: „Это Анна“.

И кинула мобильник на диван. Катрин взяла трубку.

– Работаешь? – услышала она ехидный голос подруги.

– Угу, – буркнула Катрин.

– Ты сама себя на каторгу сослала? А смысл? Медаль тебе все равно не дадут.

– Не дадут, – вздохнув, ответила Катрин. – И, что самое

обидное, даже спасибо никто не скажет. Зато – вдруг денег дадут? Мне медали не надо.

– А к нам во сколько приедешь? Мне бы помощь не помешала, знаешь ли.

– Извини, – произнесла Катрин после короткого размышления. – Но скоро меня не жди. Приеду часам к семи, не раньше. Я сегодня Орлова воспитываю. Совсем, знаешь, от рук отбился.

– Понятно, – хмыкнула Анна. – Дело полезное, но совершенно безнадежное.

Катрин с досадой поморщилась. Надо же – у Анны, оказывается, тоже есть по этому поводу особое мнение.

– Может, тогда посоветуешь, что мне делать?

Анна рассмеялась.

– Делать мне больше нечего – воду в ступе толочь.

– Вот так всегда, – заныла Катрин. – Все настроение испортила, танцорка несчастная.

– В данный момент – я не танцорка, а кухарка. Вся готовка на мне. Антон сказал, вернется к пяти. Там и народ начнет подходить. Ладно, до вечера.

– До вечера, – Катрин нажала отбой, одновременно кликнула на „сохранить“, и отправилась в ванную. Электронасосы электронасосами, но в данный момент задача номер один – выглядеть безупречно. Сногсшибательно. В полном смысле этого слова.

Раздвинув дверцы бездонного шкафа, Катрин лениво ко-

палась в нем – никакого вдохновения. И чего бы надеть – чтобы у Орлова дыхание перехватило? Хотя какая разница – он все равно не заметит, в чем она. Хоть голая иди. А может и заметит, но ничего не скажет – Орлов хвалить ее внешность не любил или не хотел, а может и то, и другое вместе. „Какого черта, – возмутилась про себя Катрин. – Словно кроме Орлова, там больше никого не будет. Взять хоть Мигеля – вот уж кто не поскупится на пламенный взгляд и изысканный комплимент! Хотя иногда не по себе делается от его дерзости. Или Булгаков – красив, как бог, и я ему нравлюсь. Или когда-то нравилась. А Орлов бесится, вот уж собака на сене, сам не ам и другому не дам“

Размышляя таким образом, Катрин вытащила на свет первое, что попало ей под руку – жемчужно-серое шелковое платье до колен, с глубоким треугольным вырезом. Платье подарила ей мама на последнее Рождество – они бегали по магазинам после Нового года, и в роскошном бутике Катрин затормозила у манекена, облаченного в это самое платье, застыв, как лотова жена и потеряв дар речи. Галина Васильевна, не заметив, что Катрин безнадежно отстала, ушла вперед, а когда обнаружила, что разговаривает с пустотой, обернулась. Нашла взглядом Катрин и возвратилась к ней.

– Что? – спросила она дочь, подойдя, но та ей не ответила, а только перевела дыхание и ткнула пальцем в манекен.

– Ах, какое чудо! – Галина Васильевна любила красивые вещи и мгновенно оценила волшебное платье. – Купи себе –

оно словно для тебя сделано.

– Угу, – мрачно кивнула Катрин. – Сделать-то его для меня сделали, только насчет цены посоветоваться забыли, – она кивнула на табличку рядом с манекеном, словно тот – ценный музейный экспонат. На табличке была обозначена цена, сопоставимая со средней зарплатой по Москве – за полгода.

– Ничего себе, – охнула Галина Васильевна.

– А я что говорю... – простонала Катрин.

Они покрутились около манекена еще минуты три, после чего Галина Васильевна втолкнула упирающуюся дочь в кабинку с бархатной портьерой и заставила ее примерять платье, приведя обнадеживающий довод: – Может оно тебе не подойдет, тогда и страдать нечего!

Но платье, снятое с манекена, село на Катрин словно вторая кожа, как будто она родилась в нем. Идеальное в своей простоте – скромный кусок жемчужного шелка – платье приняло ее в объятия нежным любовником. Прямые плечи, высокая грудь и тонкие щиколотки молодой женщины были словно созданы для него. Галина Васильевна одобрительно оглядела дочь, не скрывая гордости.

– Мам, я не могу, – прошептала Катрин. – А что потом? Зубы на полку?

Тем временем Галина Васильевна достала из сумки карту и решительно двинулась к длинноногой продавщице, приказав той: – Выписывайте!

– Мама, – завопила Катрин. – Ты сошла с ума!

– Мне заплатили перед Новым годом за работу в МЧС, – заявила Галина Васильевна. – Признаюсь, внушительную сумму. Могу я подарить единственной дочери платье?

Через несколько минут продавщица вручила Катрин красивый пакет с платьем, завернутым в тонкую бумагу. Все еще не веря, что она таки стала его счастливой обладательницей, Катрин заглянула в пакет и, убедившись, что вожделенное платье там, в восторге повисла у матери на шее. С тех пор прошло несколько месяцев, а оно все висело в шкафу в ожидании звездного часа. И вот – кажется, дождалось.

Надев белье и подколов длинные, ниже пояса, густые темно-каштановые волосы, она присела к трюмо. Итак, что бы ей нарисовать? Немного коричневых теней на веки, тушь на ресницы, но без подводки, чтоб не выглядеть вульгарной. Хорошо, что кожа у нее белая, чистая, не нуждается в тональном креме. Немного пудры, совсем чуть-чуть, чтобы нос не блестел. Черты Катрин строгий критик назвал бы скорее классическими, чем красивыми – высокие скулы, чуть длинноватый, но идеальной формы нос. Блеск темно-карих глаз гасился стрельчатыми ресницами.

Она с удовольствием окунулась в прохладу шелкового платья, стянула с полки бледно-розовый, шелковый же палантин. Обмотала длинное жемчужное кольцо вокруг узкого запястья. Получился довольно-таки массивный браслет. Теперь волосы. Может, распустить? Катрин вынула шпильки,

придерживавшие ее шевелюру, пока она одевалась, и длинные пряди упали ей на спину. Нет, пожалуй, это уже слишком.

И она собрала тяжелую массу в низкий узел над самой шейей. Туфли на высокой шпильке, Serge Noire⁵ в качестве заключительного аккорда. Все костры средневековья в этом загадочном аромате. Повертелась у зеркала и осталась довольна. Мать перед уходом заглянула в комнату, одобрительно покивала и испарилась со всеми пакетами и пакетищами.

Мобильник призвал ее голосом Милен Фармер „Fuck them all“. Очень вовремя и очень актуально.

– Катрин?

– Серж? – откликнулась она.

– Тебе извозчик не нужен? Или ты сама поедешь? Или за тобой Орлов заедет?

„Ой, как кстати!“ – мелькнуло в голове Катрин.

Булгаков работал под началом ее матери – заводчиком Склифа. Галина Васильевна не возражала бы заполучить его в качестве зятя. Но Катрин и Сергей оставались всего лишь хорошими друзьями. По мнению Катрин, Булгаков вел себя отвратительно по отношению ко всем женщинам, с которыми заводил романы, и ни одну она не видела более двух раз. А когда она спрашивала Сергея про кого-либо из них, он лишь рассеянно откликался: „О ком это ты?“. Сам Булгаков прекрасно сознавал, что в тот момент, когда он совершит

⁵ Аромат от французского парфюмерного дома Serge Lutens

хоть одно двусмысленное телодвижение в сторону Катрин, и она расценит его не как дружеское, их теплым отношениям придет конец.

– Мне как раз нужен извозчик, – с благодарностью произнесла Катрин и начала сбивчиво объяснять. – У меня шпильки высокие, в метро точно в дырку какую-нибудь провалюсь, за рулем каблук сломаю, а такси вызывать лень.

– Все с вами ясно, леди, – проговорил Булгаков насмешливо. – Короче, во сколько за тобой заехать?

– Полседьмого. И зайди, ладно, чтобы мне на улице не ждать, а то ты знаешь, я в таком виде, – тут она прикусила язык.

– Да ты что там, голая собралась ехать? – радостно заурчал Булгаков в трубку.

– Ага, размечтался, – фыркнула она, и на этом их разговор завершился.

... – Послушай, – говорил Булгаков, пока они спускались в лифте, – у меня в машине барышня сидит. Уж будь с ней поприветливее, а то она какая-то испуганная.

Катрин чуть не взвыла от досады.

– Я ее знаю?

– Нет. Это медсестра из нашего отделения.

– Серж, ты докатился – соблазняешь средний медперсонал, – ехидно хихикнула Катрин, дабы скрыть разочарование. До этого она предвкушала, как взбесится Орлов, когда она появится у Ланского под руку с Сержем. Ее ревнивый

любовник кривился, замечая плотоядные взгляды Булгакова. Грех не воспользоваться возможностью прицелиться ему в хвост. Увы! Все ее планы рухнули из-за какой-то медсестры, невесть откуда нарисовавшейся на горизонте.

Сергей тем временем наблюдал за лицом Катрин, как на экране отразившем всю гамму обуревавших ее чувств. Он ни на секунду не обманывался насчет ее отношения к нему. „Бабы! – презрительно подумал он. – Даже лучшие из них – хитрые и расчетливые стервы!“.

– Да, в таком виде на улице лучше не стоять и такси лучше не ловить, – Булгаков старался оторвать жадные глаза от глубокого выреза ее платья.

– Что-то не так? – вскинула она голову.

– Все не так, – дернулся он. – Ты вся – одна сплошная провокация.

Катрин подняла бровь и грустно усмехнулась.

– Будет мне сегодня за мою провокацию, – тихо обронила она. Выходя из лифта, Сергей пропустил Катрин чуть вперед, специально, чтобы исподволь полюбоваться на крутой изгиб, которым ее тонкая талия перетекала в бедра.

Катрин недовольно скользнула взглядом по смущенной рыженькой девушке, но после того, как Булгаков, не колеблясь ни мгновения, пересадил ту на заднее сиденье, снисходительно ей кивнула. Н-да, как некстати. Интересно, как объяснил Булгаков новой пассии его отношения с ней, Катрин? „Сейчас мы заедем за женщиной, которая мне нравит-

ся“? Или – „Я только заберу тут одну – она живет с моим другом уже черт знает сколько лет и на потеху всей компании они все никак не могут расстаться“? Тоже ничего. Катрин мельком глянула в зеркало дальнего вида – на симпатичном личике, усыпанном веснушками, было ясно написано отчаяние.

„Почему меня должно это занимать? Она не моя проблема, а Булгакова. Девочку жалко, милая девочка. А собственно, что мне ее жалеть, сама виновата!“, – с неожиданным раздражением подумала она. Булгаков молча вел машину. Он бы с радостью поболтал с Катрин, но мешала рыжая за спиной. Нечего посвящать ее во внутренние дела королевства.

Так, в гробовой тишине, они доехали до дома Ланского.

Этот дом построили в начале восьмидесятых, для государственной элиты в одном из самых престижных в то время районов Москвы – в начале Олимпийского проспекта. Ланские занимали отличную пятикомнатную квартиру на втором этаже. Кроме них на площадке жила только одна семья – дипломата высокого ранга.

Отец Антона – именитый ученый-нефтяник – вечно пропадал с женой то в Сибири, то за полярным кругом, то в далеких восточных странах. Антона воспитывала бабушка. Она умерла, когда тот учился в университете.

Родители продолжали жить за границей, а их просторная квартира превратилась в пристанище для друзей Ланского в трудные моменты жизни.

Дверь прибывшим открыла Анна. Как всегда, вся в черном, она, однако, закуталась в огромную испанскую шаль алого шелка с длинными полуметровыми кистями. Но, против обыкновения, Анна не улыбалась гостям. Пропустив в квартиру Сергея с Аленой, бесцеремонно оттеснила Катрин на лестничную клетку, к лифту.

– Подожди-ка! На пару слов! – с трудом разыскав под шалью карман на брючках, она достала пачку сигарет и закурила.

– Что случилось? – испугалась Катрин.

– Катрин, – Анна запустила руку в водопад светлых распущенных волос. – Ты что, опять с Орловым поругалась?

– С чего ты взяла? – удивилась Катрин, но потом растерянно кивнула:

– Ну да... поругалась... сегодня ночью... – И продолжила мямлить:

– Представляешь, позвонил за полночь, я уже спала. Нес какую-то чушь.

– Катрин! – Анна не могла сдержать досады на подругу. – Он, конечно, свинья, но ты тоже хороша! Когда-нибудь научишься держать себя в руках? Представляешь, он снял ее где-то на улице!

– Что? – пробормотала Катрин. – Кого снял?

– Твой Орлов приволок какую-то девицу.

– Нет! – Катрин не поверила. – Не может быть!

– К сожалению, может, – отрезала Анна. – Достукалась!

Несколько мгновений Катрин молчала, и лицо ее теряло краски. – За что?.. – наконец прошептала она. – За что он со мной так?

– Катрин! – Анна тряхнула ее за плечо. – Очнись! Какая разница теперь – за что?

К горлу Катрин подступили жгучие слезы, она ощутила себя смешной, несчастной и никому не нужной. Не ответив Анне, ринулась к лифту.

– Куда? – схватила ее за руку Анна.

– Мне лучше уйти. Не хочу быть посмешищем.

– Глупости. Ты роскошно выглядишь. Он забудет об этой девице, как только тебя увидит. Хотя он, по-моему, уже про нее забыл. Она сидит грустная и в полном одиночестве, а Орлов курит на лоджии. По-моему, тебя ждет. Скушно ему, гаду.

– Сил моих больше нет, – заскулила Катрин.

– Кончай ныть. Ну привел и привел. Мало ты от него пакостей видела – в первый раз, что ли? Сигарету хочешь?

Катрин сжала кулаки так, словно Орлов находился рядом, и она могла вот сейчас прямо съездить ему по морде.

– Я сдохнуть хочу, Анька!

– Катрин, какая же ты идиотка. Это удивительно, что он тебя так любит.

Катрин истерически расхохоталась.

– Любит! Любит! – убеждала ее Анна.

– Ну, может, и любит! Но словно ненавидит меня за это!

Пошел он к черту с его любовью!

– Пожалуй, тебя можно впускать – по крайней мере, не разревешься. Антон мог бы выставить его вон – только что это изменило бы?

Катрин горестно закатила глаза.

– Ничего, ровным счетом, он бы притащил ее ко мне домой, я думаю...

Анна натянуто рассмеялась: „Пожалуй, у него наглости хватит!“.

Катрин спросила с кислым выражением лица:

– Она красивая? Наверняка блондинка.

– Красивая, – ответила Анна, – и даже очень. И она блондинка, правда, крашеная.

– А ты натуральная? – поинтересовалась Катрин желчно.

– Ну, подруга, вперед, в бой, – с облегчением выдохнула Анна. – Ты готова.

– Я знаю эту прелестную женщину? – вдруг услышали они веселый голос и обернулись. Перед ними стоял Мигель Кортес де Сильва.

Шикарное имя ему досталось от деда. Тот был из тех „испанских детей“, которых спасали от франкистских бригад в годы гражданской войны в Испании. Их везли тысячами далеко на восток и они находили в далекой холодной стране новую родину. Так и остался малыш из Астурии в Москве, и казалось, никто из его семьи не стремился обратно, даже после объявленной Франко амнистии. Лишь спустя много лет

его внук, удивив всех, отправился на историческую родину. Однако не прошло и пары лет, и Мигель вернулся в Россию. Когда же на вечеринке, устроенной в честь его приезда Антоном, кто-то из друзей поинтересовались причиной столь скорого возвращения, выражение лица Мигеля стало таким, что остальные уже не приставали к нему с расспросами.

Антон, однако, высказал предположение, весьма правдоподобное: Кортес, самолюбивый и гордый, попросту не смог смириться с необходимостью заново завоевывать место под солнцем. Мигель был экспертом в производстве вина – виноградники Валенсии и Эстремадуры он знал, как свои пять пальцев. И рынок сбыта – Россию. Здесь его высоко ценили в определенных кругах, он успел заработать себе репутацию блестящего сомелье и опытного энолога⁶, но в Испании оказался лишь одним из многих. И поэтому Мигель, типичный московский плейбой, предпочел вернуться в Москву, где продолжал жить в свое удовольствие, не обремененный семьей и заботами. Приличные деньги, престижная работа – как специалист по виноделию, он был нарасхват.

– Мигель! Привет, амиго, – грустно улыбнулась Катрин. – Рада тебя видеть. Как Буэнос-Айрес?

– На месте Буэнос-Айрес, что ему сделается, – ответил испанец и поцеловал ее в щеку. – Прекрасно выглядишь, принцесса! А ты, – он повернулся к Анне.

⁶ Энолог – специалист, который занимается оценкой виноградников, пробой почвы, воды и вина.

– Какого черта ты куришь? И как ты танцуешь с такой привычкой? Крутишь свои тридцать три фуэте?

– Тридцать два, – ехидно поправила Анна. – Легко! Вот тридцать три было бы проблематично...

– Что вы здесь застряли? Вас там все ждут. Булгаков сообщил, что тебя привез, – Мигель уставился на Катрин, дерзко осматривая ее с головы до ног.

– Проводим рекогносцировку! – сказала Анна. – Поможешь нам?

– Я готов, – Мигель с трудом оторвал взгляд от выреза жемчужного платья. – Что от меня требуется? Орлову по морде съездить? Так это я с радостью.

Катрин безмолвствовала, не в силах объяснять унижительную ситуацию. Но Мигелю и не были нужны ее объяснения.

– Надо проучить этого засранца, – он протянул руку бледной Катрин. – Сеньора, не соблаговолите ли вы быть моей дамой сегодня вечером? – он сделал акцент на слове „моей“. – Позвольте предложить, прелестная, вам руку... Это Гете, между прочим. Мефистофель соблазняет Маргариту.

– Ты б полегче, Мефистофель, – поморщилась Анна.

– А что? – лицо Катрин запылало. – Накормим Орлова его собственным ядом!

Анна понимала – перед нею разворачивается какое-то подозрительное действо, которое по определению не может хорошо закончиться. Господи, во что она ввязывается? Ее милое лицо помрачнело.

– Катрин! Ты же знаешь, чем чреваты подобные сюрпризы! – она старалась остановить подругу и Мигеля, но с таким же успехом можно было попытаться остановить потерявший управление танк. Точнее – два танка.

– Ничего, пускай почувствует на своей шкуре! – у Катрин появилось ощущение, что в нее вселился бес. Бес был юрким, лохматым, с двумя острыми рожками и пяточком вместо носа. Он шурил свинячьи глазки и задорно посмеивался прямо ей в лицо. Его цепкие ладошки щекотали ей нервы.

– Катрин! Подумай о последствиях! – увещевания Анны летели в пустоту.

– Отстань! – та повернулась к Мигелю, с усмешкой слушавшему, как они препираются.

– Ну что? – он взял Катрин за локоть. – Ты готова? Пошли!

– Я готова! – Катрин мстительно улыбнулась.

– Катрин!

Но Катрин не слушала. Правая рука Мигеля обвила ее талию, левая – крепко сжала ее пальцы, и вот в так они предстали перед Ланским и его гостями. Это было эффектное появление.

„Ни дать, ни взять – Ротбарт и Одилия⁷ в третьем акте“ – подумала Анна, которая уныло плелась в арьергарде. Разве что аплодисменты не прозвучали, и па-де-де грозило вступить сразу, без зажигательного испанского танца. Ка-

⁷ Ротбард и Одилия – персонажи классического балета “Лебединое озеро” П.И.Чайковского

трин со злорадством отметила, как перекосило лицо Орлова. Она была почти удовлетворена. И даже более того.

Катрин украдкой рассмотрела девушку, которую привел Орлов. Красивая, молодая, ухоженная. Но что-то неуловимое – то ли запах набивших оскомину модных духов, то ли манера держаться, то ли вызывающая одежда – настораживало Катрин. Как оказалось, и Анну тоже. „Я уверена, – шепнула та, улучив момент, – я уверена, она – эскорт!“. „Много ты видела эскротов“, – отмахнулась Катрин. „Много, не много – но приводить подобную публику в дом!“ – Анна в очередной раз с досадой покосилась в сторону насупленного Орлова. Катрин не успела ответить – зазвучало танго *Alcoba Azul*, и Мигель потянул ее танцевать.

Катрин выучилась танцевать танго – не профессионально, но недурно – на московских вечеринках – милонгах, куда ее таскал Мигель, страстный милонгер⁸. Вот сейчас она покажет класс – да заодно Орлова поставит на место. Танго – самое подходящее для этого средство.

Больше, чем танец – порыв ветра, обжигающий солнечный свет, биение сердца! Послушная и гибкая, она чутко отзывается на ритм и малейшую пульсацию в руках искусного партнера. Смуглый, с черными как смоль волосами, с хищными чертами лица и небольшим шрамом на виске, Мигель двигается вкрадчиво и чуть небрежно, точно камышовый кот. И женщина, с которой он танцует – словно мышь, он

⁸ Милонгеро – участник милонги

играет с ней цинично и жестоко. Его рука скользит по тонкому шелку ее платья и в тот миг, когда кажется – Катрин вот-вот вырвется из плена – цап! Она оказывается плотно прижатой к телу испанца – так, что между ними не остается ни миллиметра – и тут короткий взгляд – зрачки в зрачки – который не ускользает ни от кого из окружающих, и вгоняет их в краску, словно они заглянули в чужую спальню в неподходящий момент. И Мигель снова плавно выпускает Катрин из жадных объятий, осторожно, будто испытывая свою жертву – успеет ли сбежать? Нет, не успеет. Мягкая лапа кота опускается молниеносно, не оставляя никакой надежды на спасение. И вновь эта непозволительная близость – смущающая и опасная.

– Ты восхитительна сегодня, принцесса! – прошептал Мигель.

– Я старалась... – чуть слышно выдохнула она.

– Все оценили, – еще тише прошептал он и прижался губами к ее открытой шее. Катрин дернуло, как лягушку под током.

– Прекрати немедленно, – прошелестела она чуть слышно.

– Молчи, принцесса, – он стиснул ее еще крепче. – На нас смотрят. Не порть впечатление, – он резко развернул Катрин, словно вкопанный застыв в кебраде⁹. Теперь она могла увидеть, о чем он говорит. Вернее, о ком.

⁹ Кебрада – в танго – резкая остановка и фиксация позы. (от исп quebrada)

Катрин могла наслаждаться победой. Орлов пристально следил за ними из угла, словно вросший в глубокое кресло, и хранил угрожающее молчание. Так же, исподлобья, он наблюдал за Катрин, когда та, собрав все свое самообладание, с любезной улыбкой здоровалась с Полиной – с блондинкой, которую он привел. Катрин прекрасно держалась – воплощенная принцесса Диана, посещающая голодающих детей Сомали. Достоинство и такт! До сей минуты Орлов не удостоил Катрин ни единым словом – только жег взглядом ее и Мигеля.

Бесстыдный танец завершился, и Катрин, не без облегчения освободившись от жарких рук испанца, гордо прошествовала к столу. Ланской налил ей вина.

– Тебе не кажется, подруга, что ты пережимаешь? – негромко спросил он.

– А тебе не кажется, мне дали чудный повод? – огрызнулась Катрин, делая глоток, и мило улыбнулась Мигелю, который картинно поклонился ей, приглашая на очередной танец.

– Прошу, Катрин, избавь меня от скандала на сегодня, – взмолился Антон.

– Я не собираюсь устраивать скандал, – с усмешкой сказала Катрин. – С чего бы это мне? Я прекрасно провожу время!

Краем глаза она заметила, как Орлов опрокинул в себя рюмку водки. Мигель потянул ее за руку, но в этот момент появилась Анна. „Катрин, умоляю, прекрати, – медленно и

четко, словно Катрин плохо слышала, произнесла она, – он совсем пьян и ничего не соображает. Амиго, это и тебя касается. Ну, Катрин, понятно, в бешенстве, но ты-то способен здраво мыслить?”

– Относительно способен, – хмыкнул Мигель. – Не люблю останавливаться на полдороге.

– Ты о чем? – подозрительно глянула на него Анна.

– О танце, – его лицо было совершенно непроницаемо, – о чем же еще?

– Катрин, будь благоразумной, – сказал Антон. – Прекрати это безобразие.

– Безобразие? – шепотом возмутилась она. – Ты лучше на этого козла посмотри!

Ланской повернулся – на подлокотник кресла, в котором развалился Орлов, пристроилась Полина. Обнаженные руки девушки обвили вокруг его шеи. Тут Катрин увидела нечто, от чего взбеленилась окончательно. Рука Орлова, до этого безжизненно свисавшая почти до пола, лениво скользнула Полине под короткую юбку.

– Пошли, – вцепилась Катрин в Мигеля. Он мгновенно обхватил рукой ее талию.

– Танцевать?

– Нет, пошли на лоджию, пусть думает, что мы трахаемся! – выпалив эту непристойность, она потащила его прочь из гостиной.

– Как скажешь, – пробормотал Мигель себе под нос, сле-

дуя за ней. – Трахаемся, значит.

– Антон, надо что-то делать, – прошептала Анна. – Может, мне с ним поговорить?

– Не ввязывайся, – зло бросил Ланской. – Сам разберусь.

С этими словами он направился к Орлову, который жадно и с каким-то остервенением целовал прижавшуюся к нему Полину. Ее прямые светлые волосы скрывали их лица, словно занавесью. Антон кашлянул, чтобы привлечь к себе внимание.

– Друзья, – начал он. – Почему бы вам не уединиться? Комнат много.

Орлов оторвался от Полины и вытаращился на него.

– Что?!

– Я говорю – почему бы вам не пойти в спальню? – продолжал Ланской совершенно серьезно, даже с ноткой заботы в голосе. – Там вам никто не мешает. А то вы подаете дурной пример юному поколению, – он кивнул на Алену, мирно танцующую с Сергеем посреди гостиной. – Девушка совсем еще зеленая, не надо ее шокировать.

– Ну да, шокировать... – злобно хмыкнул Орлов и добавил с угрозой: – Значит, я шокирую публику! А шлюха эта – публику не шокирует?! – вдруг зарычал он в ярости, отпихивая от себя Полину так резко, что она упала с кресла на пол.

– Я тебя спрашиваю!

– Полина! – кинулась к ней Анна. – Ты не ушиблась?

– Нет... Вроде. – испуганно ответила та. – Андрей, ты с

ума сошел? Что я сделала?

– Он не о тебе. Пойдем, я все объясню!

– Давай! – рывкнул Орлов. – Объясни ей! Объясни ей все про свою суку-подружку! Где она?!

Анна возмутилась:

– Ты же сам виноват!

– Не хочу ничего слушать! – заорал Орлов. – Я ухожу! Передай этой стерве, что она мне не нужна и никогда не была нужна! В гробу я ее видал! Ненавижу!

– Андрей, – воскликнула Полина, – а как же я?

Потерянная и несчастная, она попыталась взять Орлова за руку, но он в исступлении оттолкнул ее.

– И ты! Отвали от меня. Тебя только не хватало!

Девушка заплакала, не понимая, за что этот мужчина так обижает ее.

– Я – домой, – заявил Орлов, поднимаясь с кресла. – Мне тут все опротивело.

– Уже поздно, Андрюша, а ты не в себе, – ласково проговорила Анна. Орлов нервно сглотнул.

– Единственный человек в этом гадюшнике. Анька, ну почему ты не со мной? Пойдем! – он с силой потянул ее за руку.

На этом терпение Ланского иссякло, и он повернулся к Булгакову:

– Серж, mon ami¹⁰. Помоги транспортировать этого господина в спальню. Пусть проспится.

¹⁰ Мой друг (фр)

Вдвоем они попытались скрутить Орлова, но тот, худой с виду, отшвырнул их от себя. Однако руку Анны выпустил.

– Отстаньте от меня! Анна! Запри за мной, я уйду! – отрывисто бросил он.

Анна в нерешительности повернулась к Ланскому.

– Пусть катится к черту! – сухо проронил Антон. – Пропишись – позвони!

Анна последовала за Орловым в прихожую. Видимо, в ее глазах мелькнула жалость, потому что он вышел, не попрощавшись и хлопнув дверью с такой силой, что Анна вздрогнула. „Вот ведь гад!“ – подумала она, но отвлеклась на зеркало, вернее, на свое отражение. Пару минут девушка внимательно разглядывала себя, выискивая только ей заметные несовершенства. От этого занятия ее отвлек звонок домофона.

– Орлов, иди домой, – произнесла Анна в микрофон.

– Это не Орлов, Аннушка, – услышала она в ответ. – Это я, Олег.

– Ах, Олег, – живо откликнулась она. – Входи. Наконец-то.

Анна искренне обрадовалась его приходу, надеясь, что он разрядит обстановку. Олег это умел.

Через минуту из лифта появился Рыков. Все в этом холерном молодом мужчине было немного слишком – слишком долговязый, слишком худощавый, слишком длинные золотисто-русые волосы, густые и волнистые, забранные в пыш-

ный хвост. Светло-голубые глаза с ироничным прищуром за дорогими круглыми очками в золотой оправе, высокий лоб без единой морщины, прихотливо очерченный рот, всегда готовый мягко улыбнуться и продемонстрировать отличные ровные зубы. Безукоризненный смокинг и безупречные манеры. Он умудрялся не вступать ни с кем в конфликты – но никто бы не смог вспомнить случая, чтобы Рыков вышел из спора побежденным. Айтишник с блестящим образованием и IQ под 200 баллов, он являл собой желанную добычу для хедхантеров.

– Привет, Аннушка, – Олег переступил порог и вручил Анне крупную багровую розу на длинном стебле. Со словами „Осторожно, не уколись“, он наклонился и поцеловал ее в щеку. – Где Тоха, где все?

Анна неопределенно махнула рукой в сторону гостиной:

– Все там! Спасибо за розу – прелесть. А что ты так поздно?

– Прости, раньше никак не мог. А Орлов почему ушел? Я его встретил у лифта – пьян в хлам, злой как собака!

– С Катрин поцапался, – ответила Анна, не вдаваясь в подробности.

– Ну, с кем же еще, – фыркнул Рыков и, вытерев ноги в идеально чистых ботинках, проследовал в гостиную. Через несколько мгновений Анна услышала оттуда дружный смех и, покачав головой, отправилась в так называемую „родительскую“ спальню. Там на лоджии она обнаружила Катрин,

которая курила крепкую сигарету, позаимствованную у испанца, и плакала, размазывая тушь по щекам. Мигель обнимал ее за плечи, посмеиваясь.

– Он ушел, – сообщила Анна.

– Как?! – ахнула Катрин.

– Уймись, он ушел один и совершенно взбешенный. Обзывал тебя шлюхой и сукой. Велел передать, что он тебя ненавидит. Передаю. Можешь быть довольна. Ты довольна?

Мигель хмыкнул.

– Я его тоже ненавижу, – произнесла Катрин с чувством. – Пусть провалится.

Она сделала паузу. А потом спросила:

– А эта?..

– Осталась, – кивнула Анна. – Как это в духе Орлова! Бросить ее на нас! – и не удержалась от сарказма: – Устроили вы Антону день рождения... Спасибо, родные. Фу, навоняли тут своим Голаузом¹¹.

– Я не виновата, – пробурчала Катрин. – Не я первая начала.

– Детский сад какой-то, – Анна устало покачала головой. – Ведь взрослые люди.

– А роза откуда? – спросила Катрин мрачно.

– Олег подарил. Прелесть, правда?

Мигель оживился.

– Пойду, поздороваюсь. Сто лет его не видел. Я тебе еще

¹¹ Gauloises – марка сигарет французского производства.

нужен, Катрин? – он взял ее руку и поднес к губам.

– Спасибо, дорогой, – всхлипнула Катрин.

– Спасибо, дорогой! – передразнила ее Анна. – Иди, иди. Все, что мог, ты уже совершил!

– Надеюсь, не все... – пробормотал испанец и ушел.

– Ну что? – резко спросила Анна. – Добилась, чего хотела?

– Я ничего подобного не хотела, – мотнула головой Катрин. – Но почему я должна все это терпеть?

– Пойди умойся, и приведи себя в порядок, – раздраженно посоветовала Анна.

– На кого ты похожа. У меня в ванной косметика лежит. И перестань ныть!

– Что же мне делать, Анька?! Я люблю его... Я жить без него не могу... – Катрин снова расплакалась.

Анна, ничего не ответив, вздохнула. А что она могла сказать – „Как вы мне оба надоели“?

Спустя несколько часов все разбредись по комнатам спать. Катрин злорадно отметила, что Олег Рыков, не будучи свидетелем безобразной сцены, разыгравшейся перед его приходом, лихо подкатил к новенькой, совершенно свободной девушке. И предложил ей, недолго думая, разделить с ним роскошный, размером с небольшую комнату, диван в гостиной. „Так этому козлу и надо“ – подумала Катрин, имея в виду, конечно, Орлова, и отправилась на кухню.

Нашпигованная современной техникой и обставленная

дорогой итальянской мебелью темного дерева, просторная кухня Ланских не была похожа на типичную московскую кухню, где обычно собираются близкие друзья – ее совсем не приспособили для этого. Ни удобного диванчика, ни кресел, где можно, расслабившись, поболтать с приятелями – ничего такого. В центре возвышался гигантский стол для разделки и готовки с гладкой мраморной столешницей черного цвета.

Катрин сбросила высоченные шпильки и, не помня себя от злости, швырнула их в угол кухни. Примостилась на высоком барном табурете, стараясь не касаться ногами холодного мраморного пола. Макияж она подправила, но если бы так же легко, с помощью туши и помады, можно было привести в порядок чувства – припудрить любовь, подкрасить нежность.

Три года назад она бросила курить, но тут, не справившись с переполнявшими ее горечью и унижением, выпросила пачку у Анны. Жадно затягиваясь, Катрин курила сигарету за сигаретой, щедро заливая алкоголем еще тлевшую обиду. На столе возвышалось серебряное ведро со льдом и бутылкой, а прямо перед Катрин – высокий бокал цветного венецианского стекла.

Старинные часы в холле пробили три. Катрин повертела в руках пустой бокал. Зачерпнув льда прямо из ведерка, вновь до краев наполнила его мартини. Закурила очередную сигарету, соскользнула с табурета, немного поежилась – пол прохладный – и с бокалом в руке подошла к окну. На ули-

це начинался сильный ветер – деревья оглушительно шумели листвой, а по небу гнались друг за другом облака, время от времени закрывая собой ярчайший узкий серп луны. Катрин прислонилась лбом к оконной раме, стараясь сдержать малодушные слезы. Но тщетно – вот они уже текут по лицу. Одним глотком махнув половину бокала, она тыльной стороной ладони вытерла щеки и выглянула за окно. Облака опять на какое-то время рассеялись, и стало настолько светло, что, казалось, можно спокойно читать. Тоска охватила Катрин с такой силой, что ей захотелось завывать на эту луну, как голодной волчице.

„Может, уехать домой?.. – подумала она. – Нет, безумие... так поздно... Я совсем пьяная... А может, все ж уехать?.. Надо вызвать такси. Но пока это такси приедет, я напьюсь до положения риз. Не хочу здесь оставаться. Что это там, внизу?.. Кто это там расселся?.. Ой!“

Катрин перегнулась через подоконник, и порывы ветра стали трепать ее волосы. Она пыталась удержать их рукой, но у нее это плохо получалось. Локтем она задела стекло, и человек на скамейке около дома, поднял голову. Ну вот, теперь можно праздновать настоящую победу. Он вернулся. Враг разбит.

Орлов увидел ее у окна. Катрин подняла руку и, чуть помедлив, поманила его. Сначала он резко отвернулся, но потом медленно, словно нехотя, встал и зашел в подъезд. Отперев дверь, Катрин подождала, и, когда из лифта показал-

ся Орлов, не сказав ни слова, бесшумно прошла обратно на кухню. Орлов последовал за ней, прикрыв за собой дверь с затейливым цветным витражом.

– Ну, и?.. – уронил он, подойдя к ней вплотную. Она повернулась и подняла на него торжествующие темные глаза. То, что она увидела, Катрин не понравилось. Выражение его лица было жестким и презрительным. Он разглядывал ее, словно уродливое экзотическое насекомое.

– Где Кортес? – спокойно произнес он, но в его безразличном голосе Катрин услышала что-то зловещее.

– Спит, я полагаю... – прошептала она.

– А ты?

– Я? – растерялась Катрин. – Я тут мартини уничтожаю.

– Алкоголичка, – пригвоздил Орлов и сухо добавил: – Ты же не сомневалась, что я вернусь?

– Я не думала об этом. – Катрин была почти уверена, что говорит правду. Его возвращение говорило ей о многом. А прежде всего о том, что она для него – главное. Хотя, наверно, не сама Катрин, а то, что она – не в постели Мигеля.

– Не думала?!

Неожиданно Орлов толкнул Катрин к кухонному столу, прижав ее своим телом. Край столешницы впился ей в поясницу. – А о чем, с твоего позволения, ты думала? О чем ты думала, когда разыгрывала свой омерзительный спектакль? Ты уверена – я схожу с ума от ревности?! Дорогая, ты глубоко заблуждаешься! Да мне плевать, трахаешься ты с этим

кретином или нет!

– Плевать? – уронила ядовито Катрин. – О да, я обратила внимание – тебе плевать! Так, знаешь, бросается в глаза. А ну, отпусти меня, – Катрин попыталась освободиться. Хоть она и храбрилась, ее сердце колотилось с такой силой, что ей казалось – он должен слышать его удары. С одной стороны, ситуация ее забавляла – дразнить его было интересно, а с другой – в воздухе разливалась опасность – так нарастает душливая тяжесть перед грозой.

– Отпусти, – повторила Катрин и искоса посмотрела на Орлова из-под длинных ресниц. Этот возможно и неосознанно манящий взгляд взбесил его окончательно.

– Сейчас, – глухо откликнулся Орлов. Он запустил палец за вырез ее платья и слегка потянул. Катрин замерла, полущенная щекочущей самолюбие мыслью – ну, может, и не покорный раб, но все же оторваться от нее не в силах, как бы ни грызла его проклятая ревность.

– Значит, плевать? – Ее насмешка уже не маскировалась под невинность.

Он помедлил лишь одну секунду, а потом рванул вниз декольте. Тонкий шелк моментально треснул.

– Ты порвал мне платье! – завизжала Катрин в гнев. – Убери руки, скотина! Уматывай к своей проститутке!

Лицо Орлова перекосила язвительная ухмылка.

– Что, Кортес делает это лучше меня? Аккуратнее? – пробормотал он. – Но если он притомился и спит, почему бы

тебе не дать мне?

– Дать тебе?! – ее губы свела нервная гримаса. – Это что за тон?.. Пошел вон!

Она уперлась руками ему в грудь и попыталась отстраниться – не получилось. Но тут произошло нечто, чего Катрин совсем не ожидала. Орлов ударил ее по лицу, настолько сильно, что у нее зазвенело в голове. Такое он позволил себе впервые за долгие годы их связи.

– Скотина, – она держалась рукой за немеющую щеку, – пьяная скотина.

– Да, я скотина, – он выламывал ей плечи с такой силой, что она вскрикнула:

– Мне больно!

– Больно? Ах, тебе больно? – хищно оскалился он и засмеялся. – Ты еще не поняла – **как** тебе сейчас будет больно, прекрасная и гордая Катрин... Ты ведь гордая? Тогда ты заткнешься, и будешь терпеть. А впрочем, можешь орать – все равно тебя никто не услышит.

Как ни печально, но Катрин знала, что он прав. Кричать бесполезно – отец Антона давным-давно отгородился от шумной компании сына идеальной звукоизоляцией, угробив на нее уйму денег. Витражная дверь кухни – единственная брешь в этом бастионе, но с учетом остальных преград практически бесполезная. Катрин чуть не расплакалась. Плохи ее дела. Но возможно, ей удастся образумить его?

– Андрей, давай поговорим, – дрожащим голосом про-

изнесла она, но он ее не слышал. Орлов был занят. Его рука оказалась у нее под платьем, и он опять злобно ухмыльнулся.

– Ого, принцесса! Что у тебя здесь? Для кого ты это нацепила? – он начал сдирать с нее чулок.

– Пусти! – Катрин попыталась лягнуть его ногой, но неудачно. Тончайшая паутинка неслышно упала на мрамор. Потом туда же полетело и ее белье.

– Так-то лучше! Ближе к твоей сути. И кто же здесь, с позволения сказать – про-сти-тут-ка? – последнее слово он произнес с видимым удовольствием, отчеканив его по слогам прямо ей в лицо. – Быстро, Катрин, ноги раздвинь. У тебя это хорошо получается.

– Да как ты смеешь! – оскорбилась Катрин, все еще пытаюсь отпихнуть его. – Я уж и чулки надеть не имею права без того, чтобы меня обозвали шлюхой?!

– О правах ты хорошо помнишь. А как насчет обязанностей? Ты собираешься выполнять обязанности? Обслужила Кортеса? Теперь моя очередь.

– Андрей, что ты говоришь, ради бога! – взмолилась Катрин. Наконец до нее дошло, что в стремлении отплатить ему она явно перестаралась. У Орлова, похоже, помутился рассудок. Грубость любовника не просто удивляла, Катрин по-настоящему испугалась. Она не знала его таким. Ироничный и язвительный, он никогда не был жестоким, словно революционный матрос. Его взгляд, неподвижный и ледяной, в котором вообще отсутствовали какие-либо чувства, приводил

Катрин в ужас.

– Не надо. – прошептала она без всякой надежды, что он ее услышит. Но он услышал и натянуто рассмеялся.

– Не надо? То есть как? Ну ты и лицемерка, Катрин! Весь вечер вела себя, как течная кошка – так сейчас ты у меня получишь!

– Тебе следует поучиться хорошим манерам, – процедила она. – Мне осточертело твое хамство.

– Неужели?..

Тут он ударил Катрин в грудь и опрокинул ее на холодную мраморную столешницу – прямо обнаженной спиной, грубо задирая на ней платье. Что-то с грохотом упало на пол и разбилось. Ее колье, намотанное на руку, порвалось, и жемчуг фонтаном разлетелся по кухне, щелкая по мрамору и рикошета от всего подряд, словно пулеметная очередь. Несколько жемчужин хрустнули под его ногами.

– Пусти меня, – вновь рванулась она, но он держал ее крепко, будто в тисках.

– Не дергайся, – прохрипел Орлов. – Может, еще на помощь позовешь, устроишь представление для всей компании? Ну, давай зови! Они прибегут и спасут тебя... Мне надают по физиономии. Не-ет, не прибегут. Никто тебя не услышит.

Катрин отчаянно пыталась освободиться из его рук, понимая – он унижает ее намеренно и безжалостно.

– Ты только бесишь меня, идиотка, – тихо сказал Орлов,

зажимая Катрин так, что она с трудом могла дышать. – Я же тебе сказал – не дергайся. Тогда, может, будет не так больно.

От его холодных слов Катрин стало совсем страшно. Но к страху примешалось гадливое ощущение постороннего присутствия. Ей удалось немного повернуть голову, и сфокусировать мутный взгляд на двери. Жаркая волна стыда затопила Катрин, когда она различила неясный силуэт, замерший в темноте за полупрозрачным пейзажем в кухонной двери. Кто-то осмелился наблюдать за тем, как Орлов мучает ее. „Помоги-и.“ – с губ сорвался невнятный крик, и тут же был впечатан в ее рот железной рукой.

– Пшел вон, урод, – прорычал Орлов. – Я здесь мою женщину люблю...

И тень растаяла в глубине темной квартиры, не издав ни звука, словно тот, кому она принадлежала, был бестелесным призраком.

– Ты вот это называешь любовью? – прорыдала она.

– Прости, оговорился, – он с треском разорвал ее дорогое платье, а вернее – окончательно превратил его в жалкие лохмотья. – Следовало сказать – я тебя здесь. – гнусная брань завершила хамскую фразу.

Катрин оцепенела. Ее вдруг охватила апатия. Осталось одно лишь вялое тусклое желание – чтобы этот кошмар поскорее остался позади. Она закрыла глаза и постаралась выбросить из памяти всю мерзость, исторгнутую им, все оскорбления, ей нанесенные. В конце концов, она любила этого чело-

века долгие пятнадцать лет и любит до сих пор – если только жалкий страх перед ним можно назвать любовью.

– Я умоляю тебя, Андрей, – выдавила она. – Остановись.
– Заглохни.

Он сипел ей прямо в лицо, и Катрин начала задыхаться от перегара и острого запаха его пота. Еще немного и ее стошнит. Нет, она не может, не должна терпеть, ей надо избежать этого любыми средствами. Она вцепилась зубами в его плечо – как разъяренный зверь, которому уже нечего терять, кроме своей шкуры.

– Сука! – взвыл Орлов и ударил ее наотмашь. – Ты пожалеешь!

Он швырнул Катрин на черный мраморный пол, так, что она стукнулась затылком. В последней отчаянной попытке защититься она выставила перед собой руки, но безуспешно – он несколько раз ударил ее ногой, целясь в лицо. Кровь ручьем хлынула из разбитого носа. Орлов, обрушившись на Катрин, распластал ее по полу, словно бабочку, наколотую на булавку. Он выворачивал ей бедра под невозможным углом, впиваясь жестокими пальцами в ее тело и игнорируя хруст суставов. Заливаясь слезами, Катрин кусала губы и старалась сдерживать рвущийся из груди крик, когда металлическая молния его джинсов вгрызалась в нежную кожу. Чуть слышно жалобно скулила: „Не надо, пожалуйста, не надо“. Это продолжалось бесконечно долго, словно он никак не мог утолить свою злобу. Наконец, тяжело переводя дыхание, Ор-

лов скатился с нее и произнес:

– Вот так. Сама виновата...

Казалось, безумие постепенно отпускало его, как отпускает болезненная судорога. Он окинул взглядом Катрин – кровь все еще текла из носа и разбитой скулы. Дыхание хрипло срывалось с ее пересохших губ. Катрин повернулась со спины на бок, закрыла окровавленное лицо руками и со стоном сжалась на мраморных плитах. Ее объял невыносимый холод, а низ живота свело тянущей болью.

Орлову стало неудобно. Все его торжество – удалось же подчинить эту женщину, заставившую терзаться от столь оскорбительной для него ревности – все торжество улетучилось, и от мстительного чувства не осталось и следа. Он повторял в уме все доводы в пользу совершенного им насилия, но омерзение к самому себе не отпускало.

– Послушай меня...

– Я тебя ненавижу, – он еле разобрал ее шепот.

– Неправда, – лениво возразил он. – Ты меня любишь. Просто ты шлюха.

– Я тебя ненавижу, – повторила она, и горло ее перехватил спазм.

– Ну, ну, – буркнул Орлов, поднимаясь и застегивая молнию на джинсах. Пару мгновений он брезгливо смотрел на нее, раздавленную и смятую, словно грязный клочок бумаги, а потом, взяв с барной стойки бокал, плеснул туда martini и опрокинул в себя одним махом. Скривился – фу, гадость.

– Вставай! – приказал он.

– Я тебя ненавижу, – вновь услышал он в ответ – словно это были единственные слова, оставшиеся в ее лексиконе.

– Я сказал, вставай, – упрямо повторил Орлов, пытаясь заглушить в себе страх, поднимавшийся в груди холодной волной. Больше всего ему хотелось повернуться и бежать со всех ног из этой квартиры, но он не мог оставить ее так лежать на полу. – Поднимайся, иначе я тебя понесу.

Он потянулся к ней, но Катрин в ужасе отпрянула: – Не трогай меня!

– Тогда вставай, – уже довольно грубо велел он.

Катрин попыталась – ее влажные пальцы скользили по мрамору, не давая даже приподняться. Чудом ей удалось встать на подламывающих ногах – она качалась, словно былинка. Орлов метнулся поддержать ее, но Катрин вновь отбросила его руки: – Прочь!

И, согнувшись пополам, побрела с кухни. Орлов медленно шел за ней. За порогом она смогла сделать всего несколько шагов и стала оседать на пол – Орлов еле успел подхватить ее. И потащил в спальню родителей Антона. Часто оставаясь ночевать у друга после вечеринок, Андрей и Катрин в отсутствие родителей обычно занимали именно ее, и Анна по привычке постелила подруге там.

К спальне примыкала отдельная ванная. Затолкав Катрин в душевую кабину, Орлов сорвал с нее лоскуты, оставшиеся от платья, и открыл воду.

Она вскрикнула и опустилась на корточки, мгновенно сжавшись, и струи воды били по ее телу, смывая кровь и слезы. Катрин смотрела в одну точку, и продолжала трястись в ознобе под горячим душем. Орлов стоял рядом и наблюдал за ней, пока ему это не надоело, и тогда он, схватив Катрин за руку, выволок ее из кабинки.

Оказавшись на кровати, Катрин повернулась к Орлову спиной. Она не хотела его видеть, не хотела его слышать, не хотела чувствовать его запах. Орлов был растерян – он не представлял, что ему делать дальше. Выключив свет, лег рядом, осторожно обнял ее за талию и прижался лицом к узкой спине.

Женщина содрогнулась от его прикосновений, и он понял, что она все же плачет.

– Катрин, – позвал он шепотом. Она не ответила.

– Катрин, – повторил он, – поговори со мной.

– За что? – бесцветным голосом произнесла она. – Боже мой, за что? Что я сделала?

– А ты так и не поняла? – спросил он, искренне удивляясь. – Неужели так и не поняла? Сама же спровоцировала меня. Ты прекрасно осознавала, на что идешь.

– Неправда, – всхлипнула Катрин, – это неправда.

– Правда, – сухо сказал Орлов. Ему чертовски не хотелось оправдываться. Он чувствовал сожаление, что применил свое жестокое право сеньора, но не чувствовал вины, поскольку искренне полагал, что это его право.

– Надеюсь, случившееся послужит тебе уроком, – холодно проронил, словно подводя итог. Орлов старался, чтобы голос его звучал максимально уверенно – главное не показать ей, что он сожалеет, что ему тревожно.

А Катрин казалось, что если она сейчас начнет перечить ему, то он вновь придет в ярость. Еще одной вспышки его гнева ей не выдержать. Больше всего хотелось освободиться от обхвативших ее грубых рук – и немедленно. Но на это тоже требовались силы – а она была словно убитый и освеженный зверь. В конце концов выпитый martini сделал свое дело – она заснула тяжелым, пьяным сном.

...Ей снился тяжкий кошмар – она, маленькая девочка, бредет по незнакомым улицам, прижимая к себе плюшевую собачку. Ей страшно и неудобно – она заблудилась, а улицы темны и безлюдны: одни только черные подворотни и заколоченные подъезды. И ее неотступно преследует ощущение, что кто-то крадется за ней, она слышит чужие шаги, но посмотреть назад страшно... а шаги все слышнее и отчетливее... кто-то зовет ее маняще и бархатно: „Катрин... Катрин...“. А шаги по асфальту все ближе и ближе... А у липкого ужаса, сжимающего ее сердце, такие холодные пальцы. Она хочет обернуться, но обернуться не может, понимая, что когда увидит того, кто крадется за ней и зовет ее этим мягким низким голосом – это будет последняя минута в ее жизни.

13 июня 2010 года, Москва, 25 °С

Ее разбудил деликатный стук в дверь, и в комнату заглянула Анна, свежая, словно весенний лист. На ее милом лице не осталось и следа от вчерашней вечеринки.

– Катрин, вставай! – она осеклась, увидев рядом с подругой Орлова. – Ничего себе, – присвистнула Анна.

– Шокирует? – усмехаясь, спросил он. Катрин тем временем резко отвернулась, чтобы Анна не заметила плачевное состояние ее лица.

– Ничего, дело, как говорится, житейское. Ладно, поднимайтесь! – улыбнулась она, в общем-то, довольная, что конфликт между „этой парочкой“ исчерпан.

– Завтракать идите.

– А как начет завтрака в постель? – Орлов с хрустом потянулся.

– Обойдешься. Вконец уже обнаглел. У меня, представь, сервировочный столик сломался. Так что вставайте. Я вам что, ночной портье, каждого будить?

– Послушай, – Анна уже собиралась выйти, но Орлов ее остановил: – Ты не могла бы... словом, вчера Катрин вылила кофе на платье... Найди ей, что надеть.

Анна удивленно посмотрела сначала на него, потом – на подругу, все так же прятавшуюся под простыней. – Когда это ты кофе пила?

– Ночью, – пробубнила Катрин.

– Ночью, говоришь? – Анна с сомнением покачала голо-

вой. – И что же случилось?

– Ты действительно хочешь знать? Уверена? – осклабился Орлов.

– Еще как, – Анна рассердилась. – Это моя кухня и я желаю знать, что на ней происходит. Что за погром вы там устроили? Бокал расколотили! Просто слов нет. Катрин, твой жемчуг я собрала и высыпала в банку...

Туфли – в прихожей. Ну и ну... Чем вы там занимались?

– Так как насчет одежды? – нетерпеливо перебил ее Орлов. Ему крайне не хотелось развивать тему ночных событий.

– Мои шмотки на нее не налезут. Я у Антона что-нибудь поищу, – с этими словами она вышла.

– Катрин, – Орлов потряс ее за плечо. – Кажется, я нагрубил тебе вчера...

Катрин не шевелилась. „Ему кажется, черт возьми, – пронеслось у нее в голове. – Он *это* называет грубостью!“ Ей захотелось оказаться как можно дальше от него, на другом конце света, ну, или хотя бы на другом конце города – а лучше всего, дома. И может, получится убедить себя, что все произошедшее ночью случилось не с ней, а с другой женщиной – по легкомыслию перебравшей алкоголя.

– Я хочу тебе кое-что сказать, – Катрин услышала напряженный голос Орлова. – Это касается Кортеса. Будь осторожна в своих играх с ним. Он не такой, каким кажется. Ты многого о нем не знаешь.

– Неужели? – пробормотала она.

– Слушай меня внимательно, Катрин! – он снова начал злиться. – Ты считаешь его другом, так? Напрасно. Он испытывает к тебе не больше дружеских чувств, чем к бездомной кошке.

– Иди к черту, – прошептала она.

– Он, не задумываясь, затащил бы тебя в постель, просто из спортивного интереса, – отчеканил Орлов. – Вспомни ночной клуб – когда нас замели за драку.

– При чем тут ваша драка?..

– Уже забыла, как он провоцировал тебя? Ему было абсолютно все равно, чем все для тебя кончится. И вчера ему было плевать!

– Чтоб ты провалился, – Катрин снова зарылась лицом в простыни.

Орлов сел на кровати, и, развернув ее к себе лицом, весьма ощутимо встряхнул. Она отвернулась, не желая видеть его презрительных серых глаз.

– Слушай меня! – рявкнул он. – Повторять не стану. Не дойдет – тебе же хуже. Да, я не твержу, как попка, что люблю тебя. Думаешь, не вижу, как ты лопаешься от злости? Не твержу и не собираюсь: любовь, да еще любовь к тебе – это что-то из разряда невыносимых извращений. Иногда мне кажется, что я тебя люблю, и мне становится страшно, иногда – я просто хочу твоё тело, иногда ты меня элементарно раздражаешь и бесишь. Но если узнаю, что ты мне изменила –

убью. И это не фигура речи. Поняла?

Катрин резко опустила руки. Орлов хмуро смотрел на нее – с запекшейся кровью на распухших губах и разбитой скулой. Но еще больше его поразила ее тон – раздраженный и холодный.

– Я что – твоя собственность? – сухо спросила она.

– Если тебя больше устраивает такая формулировка – то да, ты моя собственность. И я моей собственностью не собираюсь ни с кем делиться.

– А ты? – спросила она серьезно. – А ты – мой? Или ничей? Я – имею на тебя право?? Или я *должна* любить тебя? Зачем я живу на свете, как не для того, чтобы любить вас, Ваше Величество Андрей Орлов? А когда посмею отказать тебе – ты меня проучишь парой пощечин?!

– Честно говоря, не понимаю, чем ты недовольна, – сухо произнес он. – Мы пытались жить вместе, и только ты виновата в том, что ничего не получилось. Я прекрасно помню, как ты вышвырнула мои вещи из своего дома. Думал, ты и меня решила выкинуть из жизни.

– Так может, настало время?

Неужели она это сказала?! Катрин перевела дух.

– Как я смогу остаться с тобой после того, что ты сделал? Лицо Орлова потемнело, а пальцы, которыми он сжимал ее плечи, свела судорога. – Что?!

– Что слышал! А ты думал, я это проглочу, и все будет как прежде, словно ничего не произошло? Ты действительно так

думал? – Катрин горько усмехнулась. – Потрясающе!

Орлов не успел ничего ответить. Катрин снова нырнула в укрытие, так как вернулась Анна с ворохом одежды.

– Выбирай, – и, кинув вещи в кресло, заявила: – Я жду вас через пятнадцать минут, голуби. Кстати, Орлов, что это у тебя на плече, а?

Орлов машинально скосил глаза к правому плечу, куда взглядом указала Анна, и, пока за ней закрывалась дверь, с возмущением оглядел фиолетовый след.

– Вот мерзавка, – пробормотал он, – кусается, как бешеная лиса. Ты что наделала?!

Не удостоив его ответом, Катрин спустила ноги с кровати и, поплелась к зеркалу. Посмотрела в него – и ужаснулась.

– Как я выйду к ним с таким лицом?

– Так тебе и надо, – злорадно отозвался Орлов, но по спине его пробежал холодок, и он поежился – мало ему не покажется, и след от ее зубов станет не оправданием в глазах Антона и остальных, а лишним доказательством его, Орлова, жестокости и варварства. Что и говорить – физическое и сексуальное насилие как метод воспитания в их среде не поощрялось.

– Ничего, замажь чем-нибудь, – пренебрежительно посоветовал он.

– Чем? – криво усмехнулась она. – Блеском для губ? Я не рассчитывала, что мне придется замазывать кровоподтеки.

Катрин отвернулась от зеркала, и вяло порылась в вещах

Антонна. Из кучи, принесенной Анной, она выбрала обрезанные джинсы, больше смахивавшие на шорты, и белую трикотажную майку. Кривясь от ломоты во всем теле, она медленно одевалась. В мужских джинсах было неудобно – они болтались вокруг талии, грозя вот-вот с нее свалиться. Катрин подтянула их повыше и огляделась вокруг – чем бы подвязать. Орлов несколько минут следил за ее возней, а потом быстро натянул джинсы и рубашку, порадовавшись, что рукав скрыл от посторонних взглядов безобразный синяк. На кухне он застал задумчивую Анну и Мигеля, который, устроившись на высоком табурете, наблюдал, как Анна засыпает кофейные зерна в кофемашину.

– Никто мою машину не видел? – спросил Орлов, оглядываясь.

– Вон, на столе лежит, – ответила Анна и, выдержав достойную паузу, спросила:

– Я вижу, у вас все нормально?

– Да, дорогая, у нас все нормально, – ответил Орлов, немного более резко, чем следовало бы.

– Если не считать деталей, – заметила она, – и мелкого членовредительства.

– Не твое дело, – желчно отозвался Орлов.

– Не хами, – приказала Анна холодно.

Мигель вмешался: – О каком членовредительстве речь? – и, не получив ответа, поинтересовался:

– Как спалось?

– Твоими молитвами, – сухо уронил Орлов.

– И откуда ты взялся? – с иронией продолжил Мигель. – Ты же лишил нас вчера твоего драгоценного общества и такого развлечения, мы скучали.

– Сильно скучали?... – хмуро покосился на него Орлов. – А тебе, наверно, особенно меня не хватало. Она тебя утешила?

Анна оставила кофемашину и повернулась к ним, пытливо всматриваясь то в одного, то в другого. На ее лице появилась тревога.

– Кто – она? – вкрадчиво спросил Мигель. – Ты о ком, амиго?..

– Тебе как объяснить? – Орлов повернулся к нему. – Доступно или популярно?

– В красках. – ухмыльнулся Мигель, и Орлову захотелось резать по его кривившимся губам.

– Ладно вам, оба хороши, замолчите, наконец, – Анна приложила пальцы к вискам – еще пара фраз от этих двоих, и она взорвется. Посчитав про себя до пяти, она все же поинтересовалась: – Кофе?..

– Непременно, – сказал Мигель и широко улыбнулся ей. – Без сахара и молока, пожалуйста.

– У нас самообслуживание, – фыркнула Анна, – и вообще, завтракайте быстрее и выметайтесь, мне надо в театр ехать, у меня репетиция.

– Сегодня воскресенье, – как ни в чем не бывало, сообщил Мигель.

– И что? Я вкалываю без воскресений, суббот, пятниц – далее по списку. Вчера вот был выходной – и то, только потому, что у Антона день рождения... если кто забыл, – она покосилась в сторону Орлова.

– Где он, кстати? – спросил Мигель.

– Раны зализывает, – многозначительно ответила Анна. – Руку порезал, когда осколки убирал. Кто-то ночью расколо-тил бокал на кухне.

– Кто бы это? – Орлов посмотрел на нее с наглым видом.

– Следствие проводить не буду, – Анна тряхнула головой, – но счет выставлю. Нечего мне тут посуду бить.

– Подумаешь, бокал, – Орлов пренебрежительно махнул рукой.

– Не подумаешь – бокал, – обиженно поджала губы Анна, – а бокал из венецианского набора. Муранское стекло, между прочим.

– Не мелочись, дорогая, – насмешливо сказал Орлов. – Куплю я тебе бокалы. Вот поеду в Венецию и куплю.

– Ну да, – Анна была настроена скептически, – долго мне, видимо, ждать придется.

– Как получится, – хмыкнул Орлов и хлопнул вошедшего Антона по спине:

– Привет, раненый, как рука?

– Жить буду, – хмуро ответил Антон, демонстрируя перевязанную ладонь. – Что это вы такой свинарник на кухне развели ночью? Бокал разбили...

Мигель заржал. Анна тоже хихикнула:

– А еще мне пришлось колье Катрин по одной бусине собирать – я что, нанималась? Кстати, Орлов, ее жемчуг в банке из-под конфитюра. На подоконнике стоит.

– Передам, – пробурчал Орлов. – Кого-то я еще не досчитываюсь.

– Булгаков поехал за круассанами, – сообщила Анна, – а к твоей подружке я достучаться не могу. Все дрыхнет.

– Подружке? – переспросил Орлов. – Какой еще подружке?

– Орлов! – с досадой воскликнула Анна.

– Ах да! Я совсем про нее забыл... А она что, все еще здесь? И чем она занималась?

– Это ты у Рыкова спроси, – ухмыльнулся Мигель.

– Ты о чем, амиго? – повернулся к нему Орлов, но испанец не успел ему ответить.

Звонок домофона отвлек их от того, чтобы развернуть очередную перебранку.

– Это Серж, – Анна невозмутимо наливала сливки в молочник. – Антон, открой.

Катрин еще раз оглядела себя в зеркале. Собственное отражение приводило в отчаяние. Опухшее лицо – от слез или от алкоголя? Или от того и другого сразу? Запекшаяся кровь на скуле, разбитые губы, черные синяки на руках и ногах. Жалкий вид завершали потеки туши на щеках. Она подняла с ковра то, что еще недавно было ее роскошным платьем.

„Мое платье! – у Катрин защипало в глазах, и она уткнулась лицом в обрывки ткани. – Что он сделал с моим платьем!“ Ключья, оставшиеся от маминого подарка, негодились даже для мытья полов. С удивлением она обнаружила свое белье и чулки, столь же изорванные, но аккуратно сложенные на стуле. „Скотина, – пронеслось у нее в голове, – пусть теперь мне платье покупает. Господи, о чем я! Он меня оскорбил, унизил, избил, мое платье выглядит лучше, чем я“. Умывшись с мылом, Катрин порылась в сумке, достала огромные солнечные очки и нацепила их на нос – темные, почти черные стекла скрыли больше половины лица – но губы, распухшие, с все еще свежей кровоточащей ранкой – не спрятать. „Что же мне так скверно?.. Так плохо. Где я читала, что изнасилование – это крайняя степень унижения? Да, так я примерно себя и чувствую. Словно меня публично высекли плетью у позорного столба. Причем сделал это родной и близкий человек. Как теперь жить с этой мерзостью в душе?..“

Катрин вытащила из кучи одежды ковбойку и надела ее, чтобы прикрыть почерневшие от кровоподтеков запястья. А вот ноги. И если задуматься: как она домой поедет? Шорты, открывающие бедра, и туфли на шпильке. Кошмар. Только плакат осталось на грудь повесить: „Жертва сексуального насилия“.

Она взяла с банкетки шелковое голубое покрывало. „Недурное сари получится“, – вздохнула Катрин, и с облегчением сняла неудобные джинсы Антона. Сложив покрыва-

ло вдвое, обернула вокруг бедер и завязала узлом чуть ниже талии. Если это применимо к данной ситуации – она осталась почти довольна. О том, как отнесется Антон к столь вольному обращению с его имуществом, она предпочла не думать.

Катрин пошлепала на кухню – импровизированное сарисковывало движения, и она семенила мелкими шажками. Так она и появилась перед всеми – босая, в голубом покрывале, майке-алкоголичке, клетчатой ковбойке и очках в пол – лица. И с разбитым ртом. Немая сцена.

– Кензо отдыхает, – Анна первая смогла что-то из себя выдать.

– Без комментариев, – пробормотала Катрин и села к столу, молясь, чтобы никто не заметил, как она корчится от боли.

– Уж извини, принцесса, – медленно произнес Мигель, – комментарии последуют.

– Пожалуйста, не надо, – жалобно попросила Катрин. – Я ударилась.

– О дверь? – любезно подсказал Мигель.

Катрин кивнула, а он обратился к Анне:

– Ты вот это назвала „мелким членовредительством“, querida¹²? Изящный эвфемизм.

Орлов с наглым выражением лица сидел на подоконнике и, торжествующе поглядывая на всю компанию, курил. Время от времени он переводил взгляд на Катрин, сгорбившуюся

¹² Дорогая (исп)

ся у стола, и злорадно шурился.

– Да что же это такое! – Анна всплеснула руками. – Антон! Почему ты молчишь?!

– Слова подыскиваю, – сквозь зубы процедил Ланской. – Которые можно при дамах произнести.

– Ну, пока ты подбираешь слова, – усмехнулся Орлов. – Может, я кофе, наконец, выпью?

– Сволочь, – прокатился яростный рык. Булгаков, который до этого словно окаменев, наблюдал за Катрин, двинулся к Орлову. – Я тебя убью, урод!

Он сгреб Орлова за ворот рубашки и уже занес мощный кулак. Антон схватил Сергея за плечо.

– Не устраивай здесь побоища! – потребовал он.

– А ты, придурок, – Антон обратился к Орлову, – вон отсюда!

– Слышишь, Катрин? – Орлов повернулся к женщине, словно тень, замершую поодаль. – Меня вышвыривают. Ты должна быть рада.

– Убирайся вон, – повторил Антон.

– Пусти меня, Тоха, – рявкнул Булгаков. – Я его убью.

– Не хватало сесть из-за этого подонка, – покачал тот головой. – Угомонись. Хватит с нас эксцессов.

– Вот-вот, – отозвался Орлов. – Именно эксцессов с нас и хватит.

– Ни стыда, ни совести, – констатировала Анна. – Мерзавец, ты даже виноватым себя не чувствуешь...

– А должен?.. – деланно изумился Орлов. – Да ладно вам! Все вы понимаете. Это он, – Орлов коротко взглянул на Мигеля, – он виноват.

Мигель пару мгновений соображал, как реагировать на обвинение приятеля. Затем уточнил:

– Я? Хочешь сказать, ты избил ее из-за меня? Как мило.

– Мигель тут при чем? – возмутилась Анна.

– Ах вот, значит, как? – Орлов выбросил окурок в открытое окно и соскочил с подоконника: – Может, это я весь вечер внаглую лапал чужую бабу?

– Нет, мать твою, – в гневе заорал Мигель, – ты весь вечер лапал девку, которую сам же и приволок...

– Не твое собачье дело, кого я приволок, – Орлов говорил, еле шевеля сведенными от бешенства белыми губами. – Какого дьявола ты лапал Катрин?

Скандал грозил перейти в мордобой. Они замерли друг против друга, готовые напасть при малейшем неверном движении соперника... Анна подумала, что они самым пошлым образом похожи на двух кобелей, угрожающе скалящих зубы в предвкушении свары.

– А мы свежие булочки купили, – быстро заговорила Алена, схватив Булгакова за рукав и потянув к себе. – И клубнику – говорят, только с грядки...

Все с недоумением воззрились на нее, словно смысл сказанного ею ни до кого не доходил, но Анна с удивлением отметила, что лица Орлова и Мигеля несколько прояснились,

и они отступили друг от друга. Орлов вновь уселся на подоконник, кулаки Мигеля разжались. Булгаков же, бледный, с испариной на лбу, все еще напряженно смотрел на Орлова – но Алена крепко держала своего мужчину за руку.

– Отлично. Все пьют кофе, жуют булки и жрут клубнику! – приказал Антон и обратился к Анне.

– Пора будить протеже Орлова, – он взглянул на часы, – уже половина двенадцатого. Здесь не отель.

– Значит, битье моей физиономии откладывается, – хотнул Орлов, – время обеда. Анна, а почему Полина еще спит?

– Вот уж не знаю. Я ей стучала несколько раз – не отзывается. Устала, видно, после ночи с Олегом.

Во время этого разговора Катрин, о которой, казалось, все забыли, наклонила голову почти к самому столу, уткнувшись в чашку с кофе, чтобы скрыть слезы, бегущие из-под очков по щекам.

– Анна, цинизм – не твое, – прищурился Орлов. – Значит, Рыков переспал с Полиной? Забавно. Надеюсь, остался доволен.

– У него был весьма довольный вид, когда он прощался со мной, – торжествующе отозвалась Анна. – Может, тебе самому разбудить ее? Буди и проваливай вместе с ней! Живо!

– Why not¹³? – нахально произнес Орлов. – Пойду, пощечу ей ушко... – с этими словами он вышел.

¹³ Почему нет?(англ)

– Мерзавец, – бросила ему вслед Анна. – Ни стыда, ни совести...

– Повторяешься, – заметил Мигель. – Ты уже это говорила...

– Правду говорить легко и приятно, – заявила она. – Ну ладно, кто хочет кофе? Сливки и сахар на столе...

Булгаков повернулся к Ланскому:

– Послушай, нельзя допустить, чтобы все это сошло ему с рук.

Антон устало взглянул сначала на него, затем на съежившуюся на стуле Катрин и покачал головой, произнеся одними губами:

– Потом.

На пороге кухни вновь появился Орлов. Выглядел он пришибленным – бледное как мел лицо покрывали капли пота. Он оперся спиной о косяк двери, словно боялся, что ему откажут ноги.

– Твою мать, – произнес он, тяжело дыша. – Проклятие. Дьявол.

– Ну? – повернулся к нему Булгаков. – Что еще случилось?..

– Иди сам посмотри... – прохрипел Орлов.

Булгаков с озлоблением поднялся, но мимо него метнулась Анна. Орлов попытался по дороге перехватить ее, однако, она выскользнула из его рук... Все смотрели ей вслед, оцепенев.

И тут раздался ее душераздирающий вопль...

– Что там? – оттолкнув застывшую на дороге Алену, Булгаков бросился из кухни, а следом за ним и все остальные. Они столпились на пороге гостиной, не смея войти, с ужасом вглядываясь в страшную картину. В центре комнаты, не замолкая ни на секунду, истошно кричала Анна. А на разломанном диване, смятые простыни чуть прикрывали то, что еще недавно было красивой и здоровой девушкой, а теперь представляло собой бесформенное месиво. Кровь залила все вокруг – паркет, стены, мебель.

– Никому не подходить, – приказал Булгаков, преграждая остальным вход в комнату. – Анна, выйди вон немедленно! Ты слышишь меня, Анна?..

Но девушка совершенно обезумела. Она закусила зубами собственную ладонь, и колени ее подогнулись. Сергей услышал, как где-то рядом охнула Алена. Подняв голову, Булгаков как замороженный смотрел на слова, намалеванные чем-то багровым на стене. Он разобрал только одно из них.

„Боже праведный, – с содроганием пробормотал Сергей. – Ка... Катрин...“

– Мигель, убери отсюда женщин, – голос его звучал отрывисто, – только быстрее.

– Что происходит? – протолкнувшись сквозь остальных, в гостиную заглянул Ланской.

– У нас здесь убийство, – хладнокровно ответил Мигель, подхватывая на руки пошатнувшуюся Анну. – Иди сюда, хо-

зяин.

Булгаков склонился над Полиной. Обнаженная, она лежала в совершенно неестественной позе – подогнув обе руки под себя и спустив с дивана длинную тонкую ногу. Волосы слиплись в сплошную уродливую массу. На ее теле, казалось, не было не израненного места. Сергей приложил два пальца к ее шее и, чертыхнувшись, выпрямился.

– Она мертва, – сообщил он, поворачиваясь к остальным. – Не входите сюда. Антон, вызывай милицию.

Потом, словно не зная, куда себя деть, они собрались в холле, ожидая приезда милиции и не решаясь двинуться с места.

– Кто это сделал? – едва слышно прошептала Алена. Будучи человеком со стороны, она таки осмелилась произнести вслух страшный вопрос. Все повернулись к ней и уставились, словно она сказала какую-то непристойность.

Некоторое время каждый прокручивал в голове свой вариант. Вариантов было мало.

– Ну, Серж, – обратился к Булгакову Мигель, – а ты что думаешь по этому поводу?

– Я не милиция, – буркнул Сергей, – и я ничего не думаю!

– А по-моему, у нас есть неплохой кандидат в убийцы! – Анна с вызовом повернулась к Орлову.

– Молчи, – приказал ей Антон. – Это тяжкое обвинение.

– Если у него хватило духа избить Катрин, так почему – нет?

– Замолчи, – повторил Ланской. – Это разные вещи.

– А я вот не вижу большой разницы, – пробормотал Мигель себе под нос, но его все слышали. – Ударил... избил... убил...

У Орлова от гнева перехватило дыхание. Да что они себе, черт возьми, позволяют?

– А ничего, что у меня есть алиби? – прорычал он. – Я всю ночь провел с Катрин.

– Ты хочешь сказать, вы не спали?.. – язвительно спросил его Мигель. – Любовью, поди, занимались? Результаты вашей любви посчастливилось наблюдать... Герой-любовник, чтоб тебя.

– Пусть он заткнется, – Орлов перевел на Антона мутные от ярости глаза, – а то я его точно прикончу.

– Хватит вам, – вяло махнул тот рукой. – А где, скажите мне, Катрин?

– Осталась на кухне, – оглянулся по сторонам Мигель. – Потрясающе – даже не вышла.

– Она какая-то странная, как будто не в себе, – произнесла встревоженная Анна, – сидит и плачет.

– Плачет она, – раздраженно проговорил Орлов, – вчера она не плакала. Вчера она веселилась.

– А если это она убила? – Мигель не особо заботился о реакции, которая неизбежно последует за его провокационным вопросом.

– Ты! – Орлов схватил его за воротник рубашки. – Думай,

что говоришь!

– Но у нее-то мотив классический – ревность, – Мигель резким движением высвободился. – А женщина она, как бы это помягче выразиться – нервная, легковозбудимая.

– Bullshit¹⁴! – заносчиво возразил Орлов. – Не до того ей было, после... э-э, после. – тут он запнулся и покраснел – в первый раз за все утро.

– Заглохни, – Булгаков даже не пытался скрыть омерзения, – чтоб я тебя больше не слышал.

– А Олег? – вдруг произнесла Анна. – Он ведь провел с Полиной ночь. Как же я сразу не подумала? – тут она схватилась за голову – Боже, о чем я? Олег? Только не он!

– Нет. Это точно не Рыков.

– Почему ты так уверен, Серж? – язвительно поинтересовался Орлов. – Как меня подозревать в убийстве, так пжалста, ни у кого мозги не дрогнули, а как дело доходит до Рыкова – так это точно не он. А спал с ней, между прочим, он, а не я. Я тут главный *l'enfant terrible*¹⁵?

– Я ж тебе сказал – заглохни! – сухо приказал Сергей, но продолжил: – Характер *rigor mortis* говорит о том.

– Кто такой этот *rigor mortis*? – осведомился Орлов не без яда в голосе.

– Трупное окоченение, – с досадой пояснил Булгаков. – Характер *rigor mortis* говорит о том, что смерть наступила

¹⁴ Бред собачий (англ., вульг)

¹⁵ Несносное дитя (фр) – мальчиш-плохиш

не более четырех часов назад, а Рыков, – он повернулся к Анне. – Ты говорила, он ушел в шесть?

– Да, в шесть, – подтвердила она. – Я на часы посмотрела. Точно в шесть.

– Из чего мы делаем вывод – наш длинноволосый гений ушел довольный не потому, что прирезал ее, а потому, что получил хороший секс, – констатировал Мигель. – Так кто скажет Катрин?

– Я, – Анна отстранила пытавшегося возразить Орлова. – А ты здесь стой. Так сказать, под бдительным оком.

– Ты поделикатней там, – крикнул ей вслед Булгаков. – А то еще грохнется в обморок.

Катрин сидела там же, где они ее оставили, склонившись над чашкой, безучастная ко всему, застывшими пальцами мяла кусочек свежего хлеба, кроша его на стол.

– Катрин, – Анна потрясла подругу за плечо. – Катрин, очнись...

Та, сняв очки, подняла голову. Увидев ее разбитое лицо, Анна ахнула: – Боже мой!

– Хороша, не так ли? – произнесла Катрин. – Что ты хотела сказать?

– У нас несчастье.

– Что еще случилось? – голос Катрин звучал равнодушно.

– Катрин, приди в себя! Приди в себя и послушай меня внимательно!

– Что случилось? – повторила Катрин тем же тоном.

– Мы только что нашли Полину мертвой... зарезанной... в гостиной, – почти шепотом произнесла Анна.

– Как? – достаточно холодно переспросила Катрин, – Ты шутишь?

– Какие шутки! – возмутилась Анна, – По-твоему, можно шутить подобными вещами?

Катрин мгновение подумала, а потом все так же безучастно добавила:

– Это Орлов? – Но ее последние слова были услышаны не только Анной. А также и Мигелем, появившимся на пороге кухни.

Когда приехала милиция, их всех отправили на кухню и приказали не расходиться. В гостиной работала оперативно-следственная группа. Ланской позвонил Олегу под пристальным наблюдением довольно молодого оперативника в штатском, который представился как майор Зубов. Этот майор с хозяйским видом прошелся по квартире, оглядывая апартаменты. Ощупал внимательными хватками глазами всю компанию – костюмы мужчин были измяты, рубашки несвежи, морды небриты. Одна из женщин, длинноволосая шатенка, с осиной талией, прятала побитое лицо за темными очками. Вторая, изысканная тоненькая блондинка, ахнула, схватилась за телефон, и умоляюще глядя на него, попросила разрешения позвонить на работу. Он, поколебавшись, разрешил и с изумлением выслушал ее сумбурные объяснения какому-то Бореньке, что она не может быть на классе,

так как у нее дома несчастье. А третья испуганно пряталась за гривой рыжих спутанных, словно непричесанных волос, вцепившись мертвой хваткой в одного из мужчин – хмурого синеглазого атлета. Привычным взглядом майор скользнул по обнаженным рукам блондинки и рыжей в поисках следов от уколов, отметив про себя, что шатенка не даром прикрыла руки ковбойкой. Мельком оглядел кухню. Анна порадовалась, что заставила Антона вечером вынести мусор и вымыла посуду, так как, увидев череду бутылок, майор проникся бы к ним еще большим предубеждением.

– Кто хозяин квартиры? – спросил Зубов, еще раз с подозрением оглядев всю компанию.

– Я, – Ланской поднял руку, как отличник на уроке. – Я хозяин, к моему глубокому прискорбию.

– Ждите на кухне – все! – отчеканил Зубов и приставил к ним сержанта. Тот скромно врос в дверной проем, воткнул в одно ухо наушник от плеера и принялся мерно покачиваться в такт музыке. Анна несколько мгновений наблюдала за ним, а потом повернулась к друзьям.

– Боже мой... – прошептала она, приложив руку ко лбу. – Не могу поверить, что все это с нами происходит. Считала, такое только в кино бывает.

– Держу пари, у всех сейчас в голове лишь одно, – сказал Орлов, равнодушно глядя в окно.

– Замолчи, – приказал Ланской. – Я не хочу об этом думать, а тем более, это обсуждать.

– Тоха, – подал голос Мигель, – это же очевидно: один из присутствующих здесь – убийца. Кто? Ты? – он повернулся к Булгакову. – Нет? Хм, надо же. Тогда ты? – он ухмыльнулся прямо в побледневшую физиономию Орлова. – Конечно – ты!

– А почему не ты? – хмыкнул Антон. – Хватит, достал уже всех.

– В одном он прав, – заметила Анна. – Убийца здесь.

– Нет! – воскликнула Катрин. Все на нее зашикали, и она понизила голос: – Нет! Квартира на втором этаже – кто-то залез через окно и убил эту несчастную! Как там ее – Полину!

– Я бы предпочел версию Катрин, – проговорил Сергей. – Но вряд ли кто-то стал бы лезть на второй этаж у всех на виду, среди бела дня. Она умерла не раньше, чем в восемь утра. По улице уже люди ходят, несмотря на воскресенье. И окно в гостиной закрыто.

Катрин вспомнила свой неприятный сон, и ее накрыла такая тоска, что ей захотелось разрыдаться. Здесь же, при всем честном народе.

– Только не надо лицемерить, принцесса, – ухмыльнулся Мигель. – И делать вид, что тебе ее жаль. Ты должна быть по крайней мере довольна – одной соперницей меньше.

Катрин гордо вздернула голову.

– Да какая она мне соперница, амиго? Много чести – к ней ревновать.

– Ой ли? – недоверчиво скривился Мигель. – С трудом верится.

– Именно так, – подтвердил Орлов с невероятным высокомерием. – И закрой эту тему.

– Я-то закрою, – согласился испанец. – Но, боюсь, следовательно с большой охотой ее разовьет.

– Не следует распространяться по этому поводу перед чужими, – Сергей старался не глядеть в сторону Катрин и Орлова, по-хозяйски обхватившего ее за плечи. С таким же успехом Орлов мог обнять каменную статую – столь же холодную и безучастную.

– Нет, – резко отозвался Ланской. – Надо говорить правду, иначе истина никогда не будет установлена.

– Только правду, – саркастически повторил Мигель.

– И ничего кроме правды, – подхватил Булгаков.

– Ну да, самое время для иронии, – хмуро отозвалась Катрин.

– А может, эта такая правда, которая и не нужна никому из нас? – продолжил Мигель. – Я, например, совершенно не стремлюсь узнать, кто из моих друзей – кровавый убийца.

– И все же, – Анна обвела всех твердым взглядом. – Нам нечего скрывать. В дверь звонят! Олег пришел.

Она направилась к двери, но ее опередил сержант. Это и впрямь оказался Рыков. На его лице не было и следа ночной пьянки. Он сменил смокинг на светлые льняные брюки и черную футболку.

– Что у нас стряслось? – спросил он с весьма легкомысленным видом... Ну, ему и рассказали.

– Чем порадуете? – обратился Зубов к медэксперту. Тот протянул ему прозрачный конверт, из тех, в которые пакууют вещдоки. В нем и был вещдок – нечто из темно-зеленого шелка.

– Ну и что это? – со скучающим видом поинтересовался майор.

– Галстук. Им ей связали руки за спиной, – ответил тот. – Вероятно, пока она спала. Поэтому под ногтями нет эпителия¹⁶.

– Крепко же она спала! Хотя, если они выпили накануне, а судя по всему – выпили немало. А может, не только выпили, а еще чего поизысканней?.. Контингент, судя по всему, тот еще.

– Вскрытие покажет. А пока я предполагаю смерть от потери крови – она вся искромсана. Думаю, литра три из нее вытекло, а то и больше. Вполне вероятно, убийца не стал ждать, пока она умрет. Ярko выраженные гематомы в паховой области и на внутренней стороне бедер вполне определенно говорят о сексуальном насилии. Уж больно характерные повреждения.

– Почему же она не кричала? – почесал в затылке Зубов. –

¹⁶ Эпителий – ткань, выстилающая поверхность кожи, роговицы глаза, серозных оболочек, внутреннюю поверхность полых органов пищеварительной, дыхательной и мочеполовой системы

Хорошо, руки связаны, но рот?..

– Рот ей залепили скотчем. Остатки липкой субстанции нашли при первичном осмотре на коже вокруг рта. Но самого скотча нет – ни рулона, ни куска, который должен быть сантиметров двадцать длиной. Поэтому – ищите скотч, если убил кто-то из них – значит, этот кусок должен быть где-то здесь.

– А что с надписью? – поинтересовался Зубов, разглядывая багровые буквы на стене, обитой шелком. – Что там написано?

– Кажется, по-французски, – констатировал один из криминалистов и подошел поближе, наведя объектив на почерневшие буквы.

– По-французски? – переспросил Зубов. – Кто тут у нас по-французски сечет? Никто? Темнота. Ладно, разберемся!

– А вот и орудие убийства, – ему показали скальпель, лезвие которого было покрыто бурыми пятнами. – Точнее, вероятное орудие убийства. Валялось прямо здесь, на постели. Порезы все с ровными краями, аккуратные, можно сказать.

– Пальчики есть?

– Пальчиков полно, – ответил эксперт. – Но кому они принадлежат, выясним позднее. Скальпель, кстати, чистый.

– Где ее одежда? – спросил майор.

– Я ее забираю, – сообщил эксперт.

– Дайте-ка, я взгляну быстро, – майор бегло осмотрел трусики, больше похожие на клочок кружева на тесемках, ми-

ни-юбку без карманов и нечто, прообразом чего была, несомненно, майка на тонких лямках. Зубов вспомнил: кажется, женщины называют это топиками.

– Да, негусто, – пробормотал майор недовольно. – Надевали бы на себя побольше – нам работы было бы поменьше.

– Сомнительный силлогизм, – пробурчал эксперт.

– И чертовски циничный, – усмехнулся Виктор Глинский, темноволосый оперативник с выразительными серыми глазами, примерно тридцати лет.

– Истина горька, – ответил майор. – А ты, капитан, не согласен?

– Должность у меня не та, чтобы с начальством не соглашаться, – шутливо расшаркался Глинский. – Кстати, заметил – у одной из этих красоток свежий фингал на лице?

– Не просто фингал, – занудливо поправил его майор, – а здоровый кровоподтек. Но свежий – это точно. И губа разбита. А что там под очками – одному богу известно. Любопытно бы взглянуть.

– Да, любопытно. – согласился Глинский и глубокомысленно добавил: – А носик славный.

– Интересно, кто это ее так отделал? – пробормотал Зубов. – Не исключено, та же рука.

– И что начальство по этому поводу думает? – с трудом удерживаясь от сарказма, поинтересовался капитан.

– Ничего начальство не думает. Начальство свидетелей начинает опрашивать. Ведь пока они всего лишь свидетели.

Миша Шенберг, медэксперт, с любопытством прислушивался к вялой перебранке оперов и грустно думал: воскресенье, судя по всему, хана, и провести его теперь придется в морге, вздрагивая от телефонных звонков. Это в лучшем случае. А в худшем – один из сыскарей увяжется за ним, будет стоять над душой и канючить... канючить...

– Ну, это ненадолго, – ухмыльнулся Глинский. – Уж больно вид у них у всех подозрительный – как у напакостивших котов. Носом бы натолкать.

– За умные замечания – отдельное спасибо и благодарность в приказе, – поморщился майор. – Как бы нам результаты побыстрее получить? – обратился он к Шенбергу.

– Сегодня воскресенье, между прочим, – напомнил медэксперт. – Ладно, лично я – в морг, никто компанию не составит, нет?

Желающих ехать в морг, слава богу, не нашлось.

– А еще посмотри на это, – в пластик паковали покореженный мобильный телефон Vertu, гламурный, дорогуший, украшенный стразами. – Похоже, его хлопнули об пол и раздавили каблуком. Микросхема практически уничтожена. Симка отсутствует – видимо, ее специально вытащили. Если сделать запрос по мобильным операторам, возможно, что-то удастся восстановить.

– Отдай в лабораторию, – ответил Зубов. – Пусть помудрят. Если убийца озаботился тем, чтобы уничтожить мобильный телефон, значит, ему было, что скрывать.

Глинский кивнул: – Да, вся жизнь у нас в мобильнике, это точно. Кстати, пришел тот малый, который с ней якобы ночь провел, позвать его?

– С него начинать, пока он в себя не пришел – еще свеженький, но не здесь же... Нам бы какое-нибудь местечко потише да почище...

– Там есть такой кабинет... – начал Виктор.

– То, что надо, – кивнул Зубов, – давай туда этого парня. Сергеев приехал? Ну и отлично!

...Олег Рыков был бледен, но старался держать себя в руках. Он с трудом осознавал происходящее – да с ним ли все происходит? Как он умудрился вляпаться в эту страшную историю?

Старший следователь прокуратуры Сергеев, человек ироничный, не сентиментальный, временами прессовал свидетелей жестко. Зубову не раз приходилось наблюдать, как тот ведет допрос, и каждый раз он благодарил судьбу за то, что это не он сам, Александр Зубов, сидит напротив этого мрачного, язвительного человека.

– Фамилия, имя, отчество.

– Рыков Олег Львович.

– Где работаете?

– Начальник отдела в „Prosperity incorporated“.

Сергеев и Зубов переглянулись – Рыкову удалось произвести впечатление. Каждый второй компьютер снабжен

брендмауэрами¹⁷ этой корпорации.

– А чем вы конкретно занимаетесь? – заинтересовался Сергеев.

– Зачем вам? – чуть нахмурился Олег. – Впрочем, это не секрет. Мой отдел занимается программами-шпионами. Будьте уверены – все в рамках закона.

Уж кто бы сомневался!

– Что вам известно по поводу происшедшего?

Олег потер рукой подбородок:

– До сих пор в голове не укладывается. Бред какой-то. Бедная девчонка. Но клянусь, когда я уходил, она.

– Была жива, – закончил за него Сергеев. – Сильно удивился бы, если б услышал от вас что-нибудь другое.

– Я не собираюсь оправдываться, – вспыхнул Олег.

– Почему? – искренне удивился Сергеев.

– Мне не в чем оправдываться.

– Сергеев хмыкнул:

– Все так говорят. Как давно вы знакомы с убитой?

– Совсем не был знаком до вчерашнего вечера. Да и вчера нас специально никто друг другу не представлял. Зашел, увидел – красивая девушка сидит одна, грустит. Пригласил танцевать. Она уже выпить успела, – Олег старался говорить спокойно. Похоже, минувшим утром он бы вычеркнул эту девушку из своей жизни, как ничего не значащий эпизод, если б не вмешалась смерть – бессмысленная и жестокая.

¹⁷ межсетевой экран – его основная задача предотвращать взлом компьютера.

– То есть, она была пьяна?

– Ну, не в стельку, конечно. Я пьяных женщин не люблю. Нет, пьяна она не была. Скорее – навеселе и на контакт шла охотно.

– А вы? Вы не пили?

– Видите ли, я пришел, когда веселье, как бы вам сказать... пошло на убыль, что ли. Я и выпил-то за весь вечер грамм сто коньяка и все. Я мало пью.

– Итак, вы сами познакомились с потерпевшей?

– Это громко сказано – познакомился. Мы потанцевали, поболтали – такой, знаете ли, треп ни о чем, а имя она мне сама потом назвала. Так и сказала „Между прочим, я – Полина“

– Она что-нибудь рассказывала о себе? Откуда она взялась?

– Насколько я понял, она пришла с Орловым. Но у нее с ним какая-то неувязочка получилась. Уму непостижимо, зачем он ее привел, ведь здесь Катрин.

– Как вы сказали? – подал голос Зубов. – Катрин? Странное имя.

– Вообще-то, она, конечно, Екатерина, – охотно пояснил Олег. – И я не понимаю Андрюху. Они – постоянная пара, и какого лешего ему понадобилось тащить сюда эту Полину?..

– Эта его пара сейчас там? – Зубов кивнул в сторону двери, подразумевая кухню.

– Да. Вы не могли ее не заметить.

– Не мог не заметить? Прямо уж так и не мог? – деланно удивился следователь.

– И кто из троих? Светлая или темная? Или рыжая?

– Темненькая... И она не из тех, кто станет мириться с подобным к себе отношением. Орлов не мог этого не осознать.

– Нельзя ли поточнее?

– Да я бы с радостью, только я понятия не имею, что это за история, и кто в ней играет какую роль...

– А вы в этой пьесе сыграли, я так понимаю, роль героя-любовника?

– Ну, по большому счету, сие – не мое амплуа... – смутился Рыков. – По этой части у нас скорее Мигель... или Серж Булгаков.

– Я что-то вас не понял, – постучал карандашом по столу Сергеев. – Вы, извините, имели интимные отношения с убитой?

– Да, – Рыков принял очень скромный вид и стал рассматривать свои пальцы с идеально чистыми и ухоженными ногтями.

– Расскажите, как это произошло, – приказал следователь.

– Я не понял. Что именно вам рассказать?!

– На подробностях я не настаиваю. Меня интересует, каким образом вы договорились с ней. Отказывалась ли она или сразу согласилась?

– Ну, поломалась немного, для приличия. Все-таки мы по-

что незнакомы были. Нет, не подумайте, господин...

– Сергеев.

– Господин Сергеев, промискуитет¹⁸ – не мое. Я не привык спать с первой встречной, – несмотря на напряжение, Рыков старался выражаться как можно более аккуратно, дабы не провоцировать следователя на дальнейшие неприятные вопросы.

– Ничего себе – не привык! – не удержался Зубов от язвительной реплики.

– Именно – не привык, – упрямо повторил Олег. – Это была разовая акция. Не знаю, что вы там о нас подумали, но и я, и мои друзья – вполне интеллигентные люди.

– Сейчас понятие интеллигентности более связано с приличной бедностью, – заметил Сергеев, обводя взглядом обстановку. – А не с подобным образом жизни.

И правда, кабинет был великолепен – старинная мебель, на полу – толстый ковер, сотни книг за стеклами дубовых стеллажей, покрытых золотистым прозрачным лаком.

– Боюсь, вы находитесь в плену предубеждений, – спокойно произнес Олег. – Фамилия Ланских известна в академических кругах, а не среди нуворишей. А свое благополучие Альберт Ланской заработал, вкалывая на кувейтского шейха, в пустыне, по 20 часов в сутки, без выходных и вакаций. Он знаменитый нефтяник, академик. Сейчас возглавляет институт то ли в Эмиратах, то ли в Кувейте.

¹⁸ беспорядочные случайные половые связи

– Да? – удивился Сергеев. – Любопытно. Итак, она, по вашему признанию, „немного поломалась“? Каким образом? Она кричала, сопротивлялась?

– Да вы что? – возмутился Олег. – За кого вы меня принимаете?! Кричала! Да я бы ее пальцем против ее желания не тронул!

– Ну так конкретнее, а то мы теряем много времени на причитания, – обозлился Сергеев.

– Когда я первый раз обнял Полину, она немного отстранилась, что ли... Хихикала, говорила, что это не в ее правилах, так, с первого раза... Что-то про любовь говорила...

– Про любовь? – нахмурился майор. – Что именно?

– А именно – не может она без любви и так далее...

– А вы?

– Да вы, уважаемый, никогда девушек в койку не укладывали? Я выдал ей – мол, влюбился с первого взгляда и все такое, но решил особенно не настаивать... Но каноны флирта были соблюдены, и мы отправились в постель. Дальше рассказывать? – выпалил Рыков. Следовательно удовлетворенно отметил про себя – парень начал психовать.

– Вы напрасно нервничаете, уважаемый господин Рыков. Подробности самого акта можете опустить. Мы здесь расследуем зверское убийство молодой девушки, а не кражу чайных ложек, верно? И в ваших интересах помочь следствию.

– Да, – опустил Рыков голову. – Просто все это как гром среди ясного неба. Вы можете себе представить, что я сейчас

чувствую? Я переспал с девушкой, а ее убили.

– Держитесь вы неплохо, – заметил Сергеев. – Но любопытно, что вы чувствуете на самом деле. Итак, продолжим. Во сколько вы встали?

– Это я встал. Около шести. Мне хотелось домой. Полина еще спала, я ее не будил.

– Почему? Попрощались бы.

– Зачем? – Рыков удивленно поднял брови. – Чего мне с ней прощаться? Помимо красоты, весьма, надо признать, стандартной, зацепиться не за что. Совсем не умная, никакая.

„Удивительно, – подумал Зубов. – Знакомы-то – всего ничего, а у него уже характеристика наготове, да еще такая. нелюдская“.

– Итак, вы решили уйти по-английски?

– Не совсем так. Я заглянул в комнату к Ланскому и Анне...

– Анна – его жена?

– Ну да. Фактически жена. Они живут вместе уже года три. Я заглянул к ним – сказать, что ухожу. Постучал, конечно, сначала.

– Они спали?

– Да. Ланской даже не проснулся, а Анна пробормотала, чтобы я захлопнул дверь получше и, по-моему, опять заснула, – Олег на мгновение прикрыл глаза – ясно вспомнил протяжный, сонный голос Анны.

– Сколько было времени?

– Около шести утра.

– Вы кого-нибудь встретили, видели, кроме Королевой?

– Н-нет...

– Но вам что-то показалось?

– Нет, не показалось. Я не видел, но слышал.

– Что именно?

– Сейчас вспомню точно. Мне еще пришла мысль, что не все отсыплются после бурного вечера. В ванной, в той, которая общая.

– В той, куда вход из холла?

– Да, да, – Рыков напряженно наморщил высокий лоб и повторил: – В ванной комнате кто-то находился. Я хотел умыться, но не смог, там оказалось занято. Причем звук был такой, как будто ванна наполнена, а не просто душ принимают. Вода не лилась, а тихо плескалась, вам ясно, что я имею в виду?

– Приблизительно. Еще что-нибудь?

– Вроде нет. В квартире было тихо, как в склепе, – он грустно усмехнулся. – Ждать пока ванная освободится, я не стал, торопился уйти. От мысли, что придется с ними встретиться, а потом отвечать на их ехидные вопросы, которые, несомненно, последовали бы – мне стало как-то не по себе... Если хотите – ваш покорный слуга трусливо сбежал – не от нее, а от них.

– Ясно, – перебил его Сергеев. – Вы сбежали. Быстро бе-

жали?

– Достаточно быстро, – Олег тонко улыбнулся. – Вышел на улицу, поймал такси. Приехал домой и рухнул спать. Проснулся от звонка Ланского. Он сказал, чтобы я срочно возвращался. Вот и все.

– А вы не запомнили номер машины, на которой уехали? – спросил Зубов.

– Вы издеваетесь? Сами-то запоминаете номера подвозящих вас машин?

– Мне обычно не нужно алиби, господин Рыков, – сухо произнес майор. – Что вы можете сказать о хозяине дома?

Лицо Рыкова стало непроницаемым:

– Он мой друг.

– Я не об этом, – поморщился следователь.

– А я об этом! – спокойно ответил Рыков. – Он мой друг. Я не собираюсь давать показания против него.

– А они есть?

– Без комментариев, – Олег, отвернувшись, уставился на стеллажи, забитые книгами. Старинные корешки тускло мерцали золотым тиснением.

– А что случилось с этой вашей Катрин? – спросил Зубов. – Что у нее с лицом?

Рыков нахмурился в недоумении.

– А что у нее с лицом? Ночью, когда я видел ее в последний раз, она была в полном порядке. – Он помолчал, а потом добавил: – Но если что-то с ней и случилось, то должен вам

сказать, что поднять на нее руку мог только один человек.

– Он здесь, в квартире?

– Не знаю. Я еще никого не видел, кроме Анны, и ту мельком. Об убийстве я узнал от ваших сотрудников.

– Его имя?

– Орлов. Андрей Орлов. Тот самый, который привел сюда Полину. Он и Катрин много лет вместе.

– Много – это сколько? Пять лет? Шесть?

Рыков задумался, подсчитывая что-то в уме.

– Пятнадцать.

– Ничего себе, – присвистнул следователь.

– Ско-олько? – выдохнул Zubov. – Столько не живут!..

– Да, – кивнул Рыков. – Так вот – я столкнулся с ним в подъезде, когда он уходил, пьяный и злой как черт. Поздоровался со мной сквозь зубы. Это было примерно в одиннадцать вечера, но кто его знает? Он вполне мог и вернуться.

– Да, – Zubov заглянул в свой список. – Судя по всему, вернулся. И что, часто он ее поколачивает?

– Сам не видел. Но их отношения таковы, что я не удивлюсь ничему.

– Не удивитесь, значит, – подвел итог следователь. – Как вы понимаете, господин Рыков, мы с вами встретимся еще неоднократно. У вас возьмут отпечатки пальцев, анализ крови, пробу ДНК.

– Это еще зачем?

– А вы что, пользовались презервативом?

- Увы, нет. Кажется, сейчас это сильно облегчило бы мне жизнь. А почему вы спрашиваете? Полину... изнасиловали?
- Экспертиза покажет... – произнес Сергеев задумчиво, вновь постукивая карандашом по столу.
- Уверяю вас, господин следователь...
- У меня есть веские причины задержать вас, господин Рыков, – хмуро оборвал его Сергеев. – Но я пока этого делать не буду.
- Почему? – растерянно спросил Олег.
- Потому. До выяснения обстоятельств. Подпишите протокол и свободны... пока.
- То есть, я могу идти? – Олег удивился.
- Разумеется – но не дальше кухни, – криво усмехнулся Сергеев.

С того момента, как Антон увидел искромсанное тело в своей гостиной, пятна крови, которые словно огромные уродливые пауки, внушали панику и отвращение – с того самого момента его не отпускало чувство дикого, почти животного предчувствия надвигающейся катастрофы. И этот допрос, несомненно, станет первым раундом боя, который ему предстоит пережить. Он-то выдержит, а вот Анна? После обморока в гостиной она была раздраженная, дерганая – на себя не похожа. Антон с неприязнью смотрел на двух мужчин, расположившихся в его кабинете. Один в штатском, другой с майорскими погонами. Можно ли быть уверенным, что они

не доведут любимую до нервного срыва?

– Фамилия, имя, отчество?

– Ланской Антон Альбертович.

– Род занятий?

– Корпоративное право. Я юрист, – Антон скромничал: он возглавлял юридический отдел в крупном холдинге.

– Коллега, значит, – язвительно произнес Сергеев. Антон никак не отреагировал на его выпад – по сути, какие они коллеги? Он, Антон Ланской, защищает интересы богатейшей компании, а этот человек копается в дерьме, по сравнению с которым клоака Мумбаи – швейцарский спа-курорт.

– Расскажите, что вам известно по сути происшедшего.

– Да что мне может быть известно? Я ее знать не знал!

Черт ее принес в мой дом, бедолагу.

– Не нервничайте, Антон Альбертович, – сказал Сергеев. – Я ведь вас ни в чем не обвиняю. Я всего лишь прошу рассказать о событиях вчерашнего вечера и сегодняшнего утра. И это не должно вас раздражать. В *вашем* доме произошло убийство, если я не ошибаюсь...

– Да и рассказывать особо нечего. Просто мой день рождения.

– Вы приглашали гостей?

– Нет. Приходит тот, кто помнит. Даже если это не близкий друг, все равно ему будут рады. Такого порядка, кстати, придерживаются все в нашем кругу.

– Что вы называете вашим кругом? Кто в него входит? Все присутствующие?

– Да. Вернее, не совсем... Девушка Сержа – милое и симпатичное создание, но она здесь в первый раз, – Антон вспомнил об остальных булгаковских пассиях, появлявшихся в их компании по разу или два, а потом исчезающих без следа. Он сильно удивится, если еще однажды увидит эту рыженькую девочку.

– И она не будет принята в ваш круг?

– Я боюсь, у вас превратное представление о нас. Наша компания сложилась не вчера. Мы дружим долгие годы, пуд соли вместе съели, хотя скелет в шкафу, вероятно, есть у каждого.

– Уж наверняка. Так расскажите мне о вашей компании. Я так понимаю, вы все одного возраста?

– Да, примерно. Мигель на год старше. И Булгаков старше, он единственный из нас в армии служил.

– А вот, например, ваша жена...

– А что – моя жена? – дернулся Антон. – Она известная балерина.

– Да вы не нервничайте! Я спрашиваю всего лишь про возраст!

– Ей только двадцать восемь! Она совсем молодая! Очень вас прошу, поделикатнее с ней! И вообще, я не нервничаю, – глупо было отрицать очевидное – однако, Ланской не просто нервничал. Он паниковал.

– Насколько я понимаю – вы не зарегистрированы? – сухо спросил Сергеев.

– Какое вам дело? – огрызнулся Антон. – До загса дойти времени нет. но в этом году, осенью, точно поженимся. Ну, или зимой.

– И как давно вы вместе живете?

– Три года.

– С тех пор, как ваши родители уехали?

– Вы и об этом знаете? Нет, Анна перебралась ко мне еще до их отъезда и сдала экзамен на прочность у моей бдительной маман, которая хотела быть уверена, на кого меня бросает.

– С вашей сожительницей все понятно. А вот, – Сергеев заглянул в список и продекламировал, – Мигель Кортес де Сильва и Эстебес.

– Бог ты мой! – усмехнулся Зубов. – Больше всего меня умиляет это „и“.

– Я знаю его очень давно, как, впрочем, и остальных, лет с семнадцати, плюс-минус год, – не обращая внимания на замечание майора, ответил Антон. Его покорило слово „сожительница“, но он старался сохранять спокойствие.

– Где вы учились?

– Юрфак МГУ, в Сорбонне получил степень магистра. Затем получил MBA¹⁹, тоже во Франции.

¹⁹ master of business administration, MBA – квалификационная степень в управлении.

– И вы хорошо знаете французский?

– Отлично, владею свободно, – ответил Ланской.

– Тогда что здесь написано? – спросил Зубов, кладя перед ним бумажку с надписью, скопированной со стены. Ланской несколько мгновений вглядывался в накарябанные как курица лапой слова, а потом выдавил:

– *Rappelle-toi Cathrine...*

– Что-что? – переспросил Сергеев.

– Это значит – помни, Катрин. Или вспомни, Катрин.

– А Катрин – это?..

– Екатерина Астахова. – пробормотал Ланской. – Это я так ее прозвал. А остальные подхватили. С тех пор уже пятнадцать лет ее все зовут Катрин.

– И что она, по-вашему, должна вспомнить? – поинтересовался Зубов.

– Откуда мне знать? – буркнул Ланской.

„Ну да, ну да.“ – недоверчиво покивал Зубов.

– Расскажите мне о Рыкове, – вкрадчиво попросил следователь. Любопытно, он сейчас снова услышит панегирик о дружбе?

Ответ Ланского был сухим:

– Он блестящий специалист по информационным технологиям, его ценят как эксперта. Мнение Олега очень весомо.

– В переводе на обычный язык – хакер?

Ланской возмутился:

– Да с чего вы взяли?

– Цветистыми эпитетами нас не проведешь, – с довольной улыбкой пояснил Сергеев. – Но, может, я вас неправильно понял? Он спец по IT? Хотя я не об этом спрашивал. Что Рыков за человек?

– Сложный. Но кто прост? Олег – хороший друг. Но лучше расспросите о нем Орлова – они знакомы чуть ли не с пеленок. Их родители вместе работали в Соединенных Штатах, то ли в посольстве, то ли в советском представительстве ООН. Вместе ходили в школу, и так далее.

– Да, настоящая мужская дружба, – согласился следователь. Антону все же послышалась ирония в его словах. Сергеев продолжал:

– Астахова – чья подружка?

– Катрин не подружка. Она – друг.

– А кому она подружка?

– Никому она не подружка. Если вы имеете в виду, кто ее любовник, то это Орлов. Может, хватит?! – разозлился Антон.

– Зачем так грубо? Что такого в ее отношениях с Орловым, о чем вы не хотите говорить? Он ее избил?

– Это не относится к делу, а при желании может быть неверно истолковано. А кто ее избил – я не видел. Сама она утверждает, что ударилась. Верить ей или нет – дело ваше.

– Вам все равно придется сейчас рассказать, что произошло вчера, и если начнете увиливать, то уверяю, ничего хорошего из этого не выйдет.

– Я не собираюсь увиливать. А рассказывать, повторяю, особо нечего.

– И все ж попробуйте.

– Извольте. Как я сказал, гостей у нас приглашать не принято. Часа в два мне пришлось срочно уехать на работу, вернулся я около шести. Первым пришел Мигель – он у нас всегда ранний гость. Затем явился Орлов. Мы изрядно удивились, увидев его с этой, барышней, как там ее?

– Ее фамилия Стрельникова. Полина Стрельникова. Мы нашли в ее сумочке права.

– Мы пришли в недоумение, – Ланской говорил медленно, тщательно взвешивая каждое слово.

– Почему? У вас не принято приводить посторонних?

– Дело не в том. Мы понимали, что у Орлова и Катрин, как бы это сказать, не все гладко, но чтобы притащить сюда первую встречную! Да кого бы то ни было!

– Вы их встретили сухо? – поинтересовался Сергеев для порядка, поскольку живо представил себе, каким ледяным безразличием мог обдать этот вежливый и полный достоинства молодой человек.

– Очень сухо! – ответил Ланской. – Мы любим Катрин и знали, как ей будет неприятно.

– Так! Как она отнеслась к этому?

– Она держалась, – лаконично ответил Ланской, не вдаваясь в подробности. – А Орлов вдруг вздумал ревновать ее к Мигелю!.. Послушайте! Неужели вам это интересно?!

– Чрезвычайно интересно, поверьте мне. И что, ревновал обоснованно? Она дала повод? Что она вообще собой представляет?

– Вы видели Катрин? Хотя, наверно, вы не присматривались.

– Присмотримся непременно, – пообещал Сергеев.

Ланской вздрогнул:

– И что на нее нашло? Она начала флиртовать с Мигелем. Жестокая ошибка.

– А Кортес? Он ее поддержал?

– Увы. Они разыграли целый спектакль... Орлов заглотил эту отравленную наживку, как глупый карась. Хотя, думаю, не захотел бы – не заглотил.

Короче, все кончилось большим скандалом. Орлов нахамил всем и ушел, хлопнув дверью.

– Как же объяснить, что с утра он опять оказался в вашей квартире?

– Я бы не сильно удивился, если б перед завтраком они объявили, что успели смотаться в Вегас и пожениться в церкви саентологов.

– Вот даже как?..

– Да, вот так. Они вместе уже много лет, даже пытались жить вместе. Продержались месяц или чуть больше. Чуть не поубивали друг друга, – Ланской поперхнулся собственными словами. – В переносном смысле! Они разъехались, и мы все думали, что их роману конец. Ничего подобного! Через

неделю они снова сошлись, – Ланской вздохнул. – По-моему, он прирос к ней намертво – не отодрать.

– Ваш приятель Рыков уже упоминал об этой парочке. Он сказал, их роман длится.

– Пятнадцать лет. Все началось на даче Катрин, куда нас привезла Олечка Вешнякова, – Антон с удивлением осознал, что за последние трое суток он второй раз рассказывает об Олечке Вешняковой, о которой даже не вспоминал несколько последних лет.

Сергеев тоже оживился:

– А это еще кто?

– Бывшая подружка Орлова. Послушайте, откуда такой интерес к Орлову и Катрин? Какое они имеют отношение к тому, что произошло?

– Меня цепляют странности. *Agere sequitur esse*²⁰! Латынь-то не забыли? – ядовито поинтересовался следователь.

Антон нахмурился:

– Вы мне экзамен по латыни решили устроить?

– Да упаси меня Господь, – замахал руками Сергеев. – Итак, когда вы ложились спать, Орлова в квартире не было?

– Он ушел часов в одиннадцать. Сразу после этого появился Олег. Если б не он, наверно, мы бы разбежались очень быстро – настроение Орлов испортил всем. Но Олег пришел, мы переключились на него и успокоились. Он отпустил пару едких фраз в адрес Орлова, мы поржали, и вечеринка потек-

²⁰ Действие вытекает из бытия (лат)

ла своим чередом. Все разбрелись по комнатам примерно в половине третьего.

– Не могу понять одно, – недоверчиво нахмурился следователь, – что за нужда была оставаться у вас ночевать? Вызвать такси не проблема.

Антон улыбнулся – но как-то вымученно и невесело:

– Это своего рода традиция, еще из юности, когда деньги на такси водились далеко не у каждого. Обычно веселились допоздна, при попустительстве моих предков, а потом всех укладывали спать, никого не отпускали в ночь – не дай бог с кем-то что-то случится. С тех пор и повелось. А еще совместный утренний кофе.

– Понятно, – Сергееву на память пришли ночные пьянки с сокурсниками. Однажды, возвращаясь ночью с такой вечеринки в солидном подпитии, он заснул в скверике и чуть не замерз насмерть. Спас милицейский патруль, обнаруживший окоченевшего мальчишку в начале пятого утра на заснеженной лавке.

– Вы слышали, как Орлов вернулся?

– Нет. У меня здесь такая звукоизоляция, что можно из пушки стрелять – не услышишь в соседней комнате. Уж это мой папа постарался – он не выносит шума, ни малейшего, причем – это мешает ему сосредоточиться. Но ни в домофон, ни в дверь Орлов не звонил – и то, и другое слышно во всех комнатах.

– Ключей у Орлова, конечно же, нет?

– От моей квартиры? С какой стати? – удивился Антон.

– А с такой, что как-то он должен был попасть обратно в вашу квартиру, не так ли?

– Наверно, Катрин его впустила, кто же еще? Кому он, по большому счету, еще здесь нужен? Особенно после вчерашнего скандала?

– Что еще вы слышали? – спросил Сергеев.

– Ничего, – отрубил Антон.

В голосе Сергеева послышалось раздражение:

– Но вы видели сегодня, что случилось с Астаховой?

– Послушайте, – плечи Ланского устало опустились. – Это их с Катрин дела. В них лучше не лезть. Я один раз вмешался – зарекся на всю жизнь. Он истолковал это превратно и недвусмысленно дал понять, чтобы я держался от Катрин подальше. Я даже Анне об этом не рассказывал. Он рассвирепел. Всеобщее неодобрение мы ему сегодня высказали, но разборки никто устраивать не будет – Катрин этого не хочет. Пока, во всяком случае.

– Понятно. Пусть, значит, продолжает в том же духе. Ладно. Во сколько вы проснулись утром?

– Около десяти.

– Вы слышали, как к вам в комнату заходил Рыков?

– Сквозь сон. Но не говорил с ним.

– А что у вас с рукой? – кивнул майор на забинтованное запястье Антона.

– Как мило, что вы спросили, – Антон поправил повяз-

ку. – Когда утром мы с Анной пришли на кухню, на полу была россыпь битого стекла – кто-то, видимо, ночью в темноте расколотил бокал.

– Вы не знаете, кто?

– Кто угодно. Любой мог встать за водой и разбить этот чертов бокал в темноте.

– Необходимо, чтобы наш врач освидетельствовал вашу рану, – сказал Сергеев.

– Делайте, что хотите.

– Также необходимо взять вашу кровь на анализ.

– Зачем?

– Антон Альбертович, чем меньше ненужных вопросов вы будете задавать, тем больше облегчите нашу работу. Где осколки?

– В мусорном ведре, где ж еще? – зло ответил Ланской.

Зубов, не говоря ни слова, встал и отправился на кухню. На глазах всей компании он расстелил на полу бумажное полотенце и вытряс на него содержимое мусорного ведра. На сиреневую бумагу вывалились: блистер из-под сменного лезвия, шкурка от сыра, груда осколков и. пятимиллилитровый шприц.

– Интересно, – пробормотал Зубов, аккуратно поднимая шприц за поршень. – А это – чье?

Он обвел взглядом молодых людей, с изумлением взиравших на майора и его находку, но ответа не дождался.

– Разберемся, – произнес он, поднимаясь с колен. Он по-

звал эксперта и понятых, чтобы оформить улики и вернулся в кабинет. Сергеев все еще беседовал с Ланским.

– У меня еще вопрос: вы держите в доме какие-нибудь медицинские инструменты? Ланцеты, скальпели, например?

– Зачем? – недоуменно спросил Антон. – У меня здесь не хирургическое отделение. Теперь все?

– Пока да. Хотя минуточку! – Сергеев протянул ему полиэтиленовый пакет. – Это чье?

Ланской с трудом сглотнул.

– Это ваш галстук?

– Мой. Вернее, со вчерашнего дня мой, – Ланской вытер выступивший на лбу пот.

– То есть?

– Это подарок Сержа Булгакова. Как он к вам попал?

– Хороший вопрос, – кивнул Зубов. – Куда вы его дели, получив в подарок?

– Анна все подарки сложила в гостиной на китайский столик.

– Кто еще видел этот галстук? Он был запакован?

– Запакован в коробку и завернут в подарочную бумагу. Но я упаковку вскрыл, галстук примерил и положил обратно в коробку. Все видели, кроме Катрин и Анны – их в гостиной не было.

– Не считите за праздное любопытство – что еще вам подарили?

– Ради бога! Серж подарил галстук и Хеннесси, Анна –

зажим для галстука, платиновый, но к этому галстуку он не подходит... Олег – Паркер, он каждый год мне паркеровскую ручку дарит, по-моему, он их партию закупил, правда, я их регулярно теряю... Катрин – шелковый шарф... Орлов – какой-то подарочный сертификат... Ах да, Мигель подарил „Травиату“ на DVD и бутылку коллекционного французского вина. Вот и все, собственно.

– И все это сейчас на столике в гостиной? – спросил Зубов.

– Должно быть, по крайней мере. За исключением вина и коньяка. Их мы с большим удовольствием вчера употребили.

– А „Травиату“ слушали?

– Нет. Мы пили, танцевали, какая там опера!..

Следователь мельком глянул на Зубова, а тот еле заметно качнул головой.

– Благодарю вас, господин Ланской, – Сергей поднялся, чтобы размять затекшие ноги, – пока все, спасибо.

– Позвать кого-нибудь? – спросил Антон.

– Пожалуй, мы прервемся на некоторое время, – ответил следователь. – Я прошу всех пока находиться на кухне.

– А может, вы разрешите нам перебраться в мою спальню? Девочки совсем вымотаны, – попросил Антон.

– Не возражаю, – кивнул следователь, а когда Ланской вышел, повернулся к Зубову:

– Саша, так чего там не было?

– „Травиаты“. Все остальное на месте. Точнее, коробка с DVD валялась рядом с диваном, на полу, но там еще должна

быть аудиOVERсия, а ее нет.

– А в комнате есть проигрыватель?

– Да, стоит музыкальная система Sony.

– Ну-ка, пошли, посмотрим.

Они вернулись в гостиную, где продолжали работать криминалисты. В углу возился с бумажками Зимин. Зубов жестом подозвал его к себе и кивнул на музыкальный центр.

– Здесь уже пальчики сняли?

– Нет еще, не успели. А что, надо открыть? – поднял капитан вопросительно брови. – Это мигом.

Женя Зимин достал шариковую ручку из внутреннего кармана пиджака и дотронулся до кнопки. Лоток беззвучно выехал из гнезда. Они заглянули внутрь – в лотке проигрывателя отливал перламутром диск, с надписью по-итальянски: Verdi Giuseppe „La Traviata“ – „Teatro alla Scala“.

– И что это такое? – хрипло произнес Глинский, подошедший посмотреть, чем они там занимаются.

– А он, оказывается, любитель музыки, – откликнулся Сергеев хмуро. – Черт, только этого мне не хватало. А ну-ка, Вить, пойдн, спроси у любовничка нашего, включал он ночью музыкальный центр или нет.

Глинский вернулся через пару минут:

– Говорит, не включал. Как он изящно выразился: „Романтик – не в моем стиле“.

Следователь повернулся к майору:

– Ну и что ты думаешь?

Зубов пожал плечами:

– Если Рыков не лжет – значит, музыкальный центр включал убийца.

– Может, испанец?.. Нервный он.

– Вовсе необязательно. Хотя он ночевал один, и алиби у него нет по определению, – покачал головой Зубов.

– Испанские страсти, – встрепнулся Сергеев. – Хозе, Кармен и все такое.

– Кармен, между прочим, не испанка, а цыганка, – вмешался Глинский.

– Да ладно?! – удивился Сергеев. – Всю жизнь считал, что испанка...

– Сто пудов – цыганка, – упрямо повторил капитан.

– Умный больно, – беззлобно проворчал Сергеев. – Но какая, по сути, разница? В любом случае, надо прояснить кое-что по части этого подарочка. Сдается мне, здесь не все так просто. Давай-ка, капитан, сюда этого Хозе.

Мигель старался сохранять спокойствие. Он поудобнее устроился в кресле напротив следователя и замер в высокомерном ожидании. Однако вскоре от его равнодушия не осталось и следа.

– Ваше полное имя?

– Мигель Кортес де Сильва и Эстебес.

– Род занятий?

– Энолог.

– Что это такое? Эно.?

– Энолог. Я занимаюсь оценкой виноградников, пробой почвы, воды и вина.

– Место работы?

– Я фрилансер, работаю по контрактам.

– Где вы находились в момент преступления?

– Если вы мне скажете время преступления, я смогу вам ответить. Я был со всеми, когда Орлов обнаружил труп. Зрелище не из приятных. Но когда ее убили – это не ко мне, а, скорее, к Булгакову.

– То есть?

– Булгаков врач... хирург. Он осматривал труп после того, как мы ее нашли.

– Как подробно он ее осматривал?

– Я не очень хорошо видел. Кажется, он пощупал ей пульс, вот здесь, – Мигель прикоснулся к шее. – Чтобы убедиться, что она мертва.

– Больше ничего?

– Трудно сказать. Диван стоит так, что за Сержем мне почти не было видно эту несчастную девицу...

– Ну хорошо. Расскажите о вчерашнем вечере.

– А что – вчерашний вечер? – удивился Мигель. – Провели мы его прекрасно.

– У вас была дама?

– Ах, вот вы о чем! – усмехнулся Мигель. – Слух обо мне пойдет по всей Руси великой... Да, у меня была прелестная дама. Мы чудно провели вечер. И если б нам его не испор-

тили.

– Астахова сама попросила вас разыграть эту сцену? – нетерпеливо перебил его Сергеев.

– Нет, о чем вы? Я, когда увидел Орлова с этой. как бы помягче выразиться.

– Девушкой. – подсказал ему Сергеев.

– Ага, девушкой, как же! Где я был, когда она была девушкой. – скривился Мигель брезгливо. – Когда я увидел Орлова с этой телкой, сразу подумал о том, что все пахнет большим скандалом, и в этом скандале Катрин будет обиженной стороной. Мне захотелось избавить ее от унижения. Я сам ей предложил проучить этого кретина.

– То есть, она вас не просила? – встрял в разговор Зубов.

– Нет... Помните, у Булгакова: „Никогда и ни о чем ничего не просите, гордая женщина. Сами предложат и сами все дадут...“. Так вот – Катрин гордая и никогда не стала бы ни о чем просить. Но не думаете ли вы, что Катрин убила эту. мм. барышню?

– Не имеет значения, что я думаю. И на Воланда вы не тянете, – хмыкнул Сергеев. – Но еще один вопрос на эту тему я задать вам обязан: вы когда-нибудь состояли с Астаховой в интимной связи?

– Ну это-то тут при чем? – возмутился Мигель.

– Черт подери, – следователь разозлился. – А вы видели, что написано на стене? Чье имя? Вы думаете, оно просто так там написано? Кто-то упражнялся во французском правописании.

сании? Итак, повторяю вопрос – вы состояли с Астаховой в интимной связи?

– Нет! – заорал Мигель, – Кому нужен такой риск?!

– Насколько я знаю женщин, – проговорил Сергеев, – такая попытка могла бы принести плоды, тем более что ее любовник обходится с ней, как я слышал, не лучшим образом.

– Мне жаль вас, господин следователь, – надменно процедил Мигель. – Вы знали не тех женщин. Наши женщины – он с гордостью выделил слово „наши“ – безупречны в поведении.

– Оно и видно, – хмыкнул Сергеев. – Это ей за ее безупречное поведение лицо разбили?

– А это не ваше дело. Мы сами как-нибудь разберемся.

– Ага, разберетесь, – ехидно произнес Сергеев. – Однако, поехали дальше. Во сколько вы отправились спать? И где вы спали этой ночью?

– Спал я вот в этом самом кабинете. Кресло в углу раскладывается во вполне сносное plaza de alojamiento²¹. А во сколько пошел спать – точно не скажу. Примерно в два. Может, и позже.

– Вы ничего не слышали необычного ночью или ранним утром? – Сергеев решил проигнорировать незнакомое ему выражение.

– Вроде нет... Здесь прекрасная звукоизоляция... Если б эту девку убивали за стеной кабинета – я бы не услышал.

²¹ Койко-место (исп)

– А ночью не вставали?

– Ночью – нет. Утром принял ванну. Мне хотелось подумывать.

– О чем?

– Да какая вам разница, о чем? О жизни, – огрызнулся Мигель.

– И во сколько вы предавались размышлениям о жизни?

– Не смотрел на часы. Рано. Проснулся, не мог уснуть и пошел освежиться. Было светло. Но ночи сейчас короткие. Могло быть и пять, и шесть утра. Повалялся в теплой воде с полчаса и пошел снова спать.

– Во сколько вы встали?

– Около одиннадцати. Точнее не могу сказать. Анна постучала в дверь. Умылся, пришел на кухню завтракать.

– Кого вы там застали?

– Анну. Она варила кофе...

– Антон Ланской тоже находился на кухне?

– Нет. Я спросил, где он, и Анна сказала, что он порезался.

– Значит, сами вы не видели? – спросил Сергеев заинтересованно.

– Нет... Потом на кухню притащился Орлов. Без Катрин, – вдруг добавил Мигель с внезапной злобой.

Зубов оторвался от протокола.

– Они все еще были в ссоре?

– Да кто их разберет! Орлов не казался умиротворенным. Дерганный какой-то. Не знаю, что у них там произошло, но,

по моему мнению, хороший секс успокоит кого угодно. Они навряд ли помирились. После того, как Орлов ее...

– Что он с ней сделал? – быстро спросил Сергеев.

– Не знаю... Я при этом не присутствовал. Но утром Орлов имел наглость заявить, что у них все нормально. Именно так он выразился: „Нормально“. Врет, скорей всего. Но если даже и так – надолго ли?

– Вам нравится Екатерина Астахова? – спросил Зубов.

– Не ваше дело, – отрезал испанец.

– Вам не нравится Андрей Орлов? – спросил Сергеев.

– Что значит – не нравится? Мы дружим долгие годы. Но это не значит, что мы всегда одобряем друг друга. По большей части – не одобряем. Между нами не все гладко, но это не мешает нам тесно общаться, даже придает отношениям некую остроту, – ответил Мигель. – Это все? Я могу быть свободен?

– Нет, – ответил следователь. – Пока нет. Вы подарили Ланскому на день рождения компакт-диск?

– Да, „Травиату“.

– Чем был продиктован ваш выбор?

Мигель задумался. Стоит ли пытаться им объяснить? А собственно, почему бы и нет?

– Анна, жена Антона, танцевала в Ла Скала в две тысячи седьмом. Это именно та постановка, я знаю, ВВС снимали телеверсию. Я как раз приехал в Милан по делам, и она позвала меня. Потрясающий спектакль. И этот диск – большая

редкость.

– А в проигрыватель вы вставляли диск?

– Нет, даже не распечатывали, – удивился Мигель. – Точно, не распечатывали!

Мигель вспомнил, как Анна улыбнулась ему, взяв из рук Ланского врученный тому подарок. Это было ее первое выступление в Ла Скала – незабываемое, она и Борис очень гордились им. Ошеломляющий по красоте балетный номер – танец матадоров. Их появление в третьем акте сорвало не меньше оваций, чем несравненная Виолетта – Георгиу²² и Альфред – Варгас²³. Искушенная итальянская публика чуть не разнесла зал.

– Понятно, – кивнул Сергеев. – Может, вы сами вспомните что-нибудь, что вчера вам показалось странным?

Мигель равнодушно ответил:

– Теперь все кажется странным.

– Что именно? – насторожился следователь.

– Все. Начиная с того, что Орлов приволок сюда эту девку и...

– Да за что вы ее так? – поморщился Сергеев. – Что вы о ней знаете?..

Он не успел закончить фразу. Дверь открылась, и на пороге возник капитан Глинский. Он сунул Зубову кипу исписанной бумаги и спросил тихо:

²² Анжела Георгиу – румынская оперная певица, сопрано

²³ Рамон Варгас – мексиканский тенор

– Мне можно здесь послушать?

– А в гостиной закончили?

– Почти, эксперты уже сворачиваются...

– Тогда оставайся, – разрешил Зубов. – А Зимина отправь опрашивать соседей – может быть, кто-нибудь что-нибудь видел...

– Итак, почему вы так отзываетесь о Стрельниковой?

– Да одно то, что она заявила с Орловым, а потом, когда ее послали, надо сказать, недвусмысленным образом – осталась с Рыковым!

– Почему бы ей не остаться с Рыковым, если с Орловым ее ничто, кроме мимолетного знакомства не связывало?

– Да мне плевать – почему! – отрезал Мигель. – Я знаю одно: если б он ее сюда не притащил, я бы сейчас здесь не сидел, все были бы живы и здоровы, и вы бы имели гораздо меньше головной боли!

– Что вы волнуетесь? – спокойно спросил Сергеев. – Берегите нервы, они вам еще понадобятся.

– Я могу идти? – пробурчал Мигель, пропустив мимо ушей увещевания следователя.

– Да, – ответил Сергеев. – Теперь можете. Подпишите протокол и можете быть свободны.

Мигель вышел, не прикрыв за собой дверь. Зубов выглянул в холл, огляделся по сторонам и повернулся к Сергееву.

– Кресло раскладывается – во что? – фыркнул он.

– Это называется – интеллектуальные понты, – раздра-

женно отозвался Сергеев, – Типа – иностранные языки надо учить. Закрой дверь и ближе к делу.

– Валяй. Зачем понадобилось убивать девушку, о коей никому ничего не известно, и которую, можно сказать, никто толком не знал? – пробормотал Зубов. – Может, она узнала кого-то, за кем есть что-то темное? Хотя в этом случае уместнее удавку на шею, чем насилие с кровопусканием.

– Успешные молодые люди, с блестящим образованием, в общем-то, состоявшиеся, на кой она им сдалась? – пробубнил Виктор из своего угла.

– Адвокатскую речь сочиняешь? Они в твоей защите не нуждаются. Один из них – убийца, сомнению не подлежит. Не могла же она сама себя искромсать, дабы избавить их от своего нежелательного общества? Кстати, Мишка не звонил? Он обещал сообщить предварительные результаты экспертизы и причину смерти.

– Разве она не очевидна? – возразил капитан. – Девочка вся порезана. Но может, часть порезов нанесена посмертно?

– Полагаю, нет... – покачал головой майор. – Шенберг считает, что когда насильник оставил ее, она была еще жива... Жертва истекла кровью...

– Почему ж она не кричала?

– Если он заклеил ей рот, она могла разве что мычать. А ведь скотч мы так и не нашли. В сортир он его, что ли, спустил?..

– Может, и спустил. – задумчиво сказал следователь. – Но

чтобы вообще никто ничего не слышал.

– Здесь прекрасная звукоизоляция, – Глинский постучал по обитой шоколадным шелком стене кабинета. – Ткань почти полностью поглощает звук. Так почему бы ему не включить музыку? Так сказать, для создания настроения... А потом, если все спали...

– Судя по всему, – задумчиво произнес Зубов. – Спали не все. Но зачем ему врубать музыку? С риском, что она кому-то помешает спать, и этот кто-то заявится, чтобы попросить убавить звук? Зачем ему свидетели?..

– Ну что, – спросил Сергеев устало. – Пойдем дальше? А то мы к вечеру не закончим.

– Похоже на то, – Зубов вытащил из кармана маленький крестик на длинной золотой цепочке. Цепочка была разорвана около замка. Он аккуратно упаковал ее в пакетик для вещдоков.

– Ребята из районного отделения нашли в холле, – объяснил он следователю.

– И чье это? – поднял брови Сергеев.

– Кто ж его знает... Может, Стрельниковой? Вить, нашли ее родственников?

– Сейчас узнаю, – Глинский быстро набрал номер и, коротко переговорив, повернулся к Зубову. – Да... Значит так... Стрельникова Полина Борисовна, 1985 года рождения, не замужем, детей нет. Проживала с матерью. Адрес...

– Не надо, все понятно. Матери сообщили?

– Да, она сейчас как раз на опознании...

– Виктор, бери машину, дуй в морг, предъяви матери крест. И сразу же обратно, ты мне здесь позарез нужен. И узнай у Шенберга предварительные результаты. Я попросил его поторопиться со вскрытием.

– Меня уже здесь нет, – сказал Глинский. – А на беседу кого, Валерий Вениаминович?

– Блондинку, – ответил Сергеев. – Она должна засвидетельствовать алиби Рыкова. Кстати, об алиби! Свяжись с таксомоторными компаниями...

– Дал задание ребятам из района. Ну, я поехал? – отсалютовал капитан.

– Фамилия, имя, отчество?

– Королева Анна Николаевна.

Если уж ей суждено пройти через это, думала она, то следует выдержать все с достоинством. Итак, голову выше, плечи расправить – Раймонда де Дорис перед сарацинами.

– Род занятий?

– Я артистка балета, – скромно сообщила Анна, не вдаваясь в подробности, и назвала свой театр, с тоской подумав о том, что если б ничего этого не случилось, то она сейчас бы занималась любимым делом в любимом репетиционном зале. А послезавтра приезжает Клаудиа Эстер. Кошмар, не дай бог, она узнает.

– Расскажите нам о вчерашнем вечере.

– Что вас интересует? – спокойно спросила Анна.

– Нас интересует ваша версия вчерашних событий, – Анна внушала следователю симпатию – уравновешенная и – милая. И при этом, бесспорно, хороша собой.

– Ах, боже мой, – вздохнула она. – Как все это ужасно. Но вы знаете, у меня было предчувствие чего-то... Не убийства, конечно, такое в самом страшном сне не привидится. Сколько раз я говорила Орлову: „Андрей, не устраивай разборок с Катрин“. И вот, пожалуйста!

– Вы считаете, Орлов причастен к убийству?

– Косвенно причастен, безусловно! – казалось, у Анны нет никаких сомнений по этому поводу. – Не притаци он сюда эту бедняжку – ничего бы не было...

– Из ваших слов, Анна Николаевна, выходит, что Полина убита целенаправленно. Можно предположить, что кто-то из здесь присутствующих ее знал. Не могла же она за считанные часы нагадить кому-то до такой степени, что ее пришлось убить?!

– Боже мой, нет! – Анна, казалось, даже возмутилась.

– И я полагаю, нет, – согласился Сергеев. – Хотя – кто знает? Можно также предположить – если б не погибла Стрельникова, то вполне мог погибнуть кто-нибудь другой.

– Почему вы так считаете?

– А что вы скажете по поводу надписи на стене? О чем Астахова должна вспомнить?

– Почему она? Это может означать как „вспомни, Катрин“ так и „Вспомни о Катрин“, – возразила Анна.

– Как? – удивился Сергеев.

– Французы скупы на запятые, – коротко объяснила Анна и добавила: – А потом вот что. „Помни о Катрин“ – это императив.

– Импера... что? – спросил Зубов

– Повелительное наклонение. Так вот! Кому это может быть адресовано? Только Орлову!

– Не факт, – не согласился майор. – Совсем не факт. И тот, кто это сделал.

– Но никто из нас не мог. – перебила его Анна.

– Это я сто раз слышал, – махнул рукой Зубов. – Вы знаете друг друга целую вечность. Я в курсе. Не будем отклоняться от темы. Как вы встретили Орлова с Полиной? Ваша реакция?

– Я обалдела, – призналась Анна. – И, что греха таить, мне захотелось отвесить ему оплеуху. Еле сдержалась.

– А что вы им сказали?

– По-моему, молча отступила в сторону и пропустила их в квартиру. Я знала, что Орлов и Катрин едут к нам порознь, но то, что он привел постороннюю женщину, оказалось полной неожиданностью.

– А что сказала Астахова?

– Катрин я предупредила, когда она приехала с Сержем и Аленой. Я вызвала ее к лифту...

– Как она отреагировала?

– А как она могла отреагировать? Первым ее побуждени-

ем было уйти, я еле ее удержала.

– А зачем вы ее удержали? – спросил Зубов. – Ее уход бы поняли. Ситуация для нее оскорбительная.

– Оскорбительная, вы правы. Но если б Катрин ушла, то Орлов пожелал бы остаться с Полиной у нас на ночь. Антон бы этого не допустил, разгорелся бы скандал. Я так думаю, – в тоне Анны не было уверенности.

– Значит, вы руководствовались интересами семейного благополучия?

– Зачем вы так? – покраснела Анна. – Я не эгоистка. Да, мне хотелось избежать скандала. Но я увидела Катрин и поняла, что она может повернуть все в свою пользу. Она была такая эффектная, такая красивая...

– В покрывале! – съехидничал Зубов.

– Почему же в покрывале? – удивилась Анна. – На ней было прелестное платье...

– Ах да, платье, – Зубов закивал. – Как же, как же. Это его клочки мы нашли в одной из спален, там, где эта парочка провела ночь?

– Я не знаю, – растерялась она. – Ключки? Что это значит?

– Не понимаете? – поднял брови майор.

Анна опустила голову. Она все понимала, но не могла это произнести вслух.

– Значит, платье, – усмехнулся Зубов. – Допустим. И красивое было платье?

– Очень, – тихо ответила Анна. – Но дело не только в пла-

тье! Мне трудно объяснить...

— Вы наивно подумали, что увидев ее, ваш друг Орлов сам себе надает по шее за то, что сделал?

Анна с облегчением кивнула.

— Ну, что-то вроде этого.

— А что вышло?

— Я ошиблась — все кончилось грандиозным скандалом. Еще худшим, чем я могла вообразить. В любом представлении необходимо чувство меры. Когда оно не соблюдено — неизбежен провал. Это закон театра, но он абсолютно применим и к жизни. Катрин и Мигель танцевали танго. Trop passionnement. d'une façon peu naturelle.

— Что это значит? — поинтересовался Глинский.

— Слишком наигранно, — пояснила Анна. — Излишне страстно.

— И Орлов рассердился? — раздался голос следователя. Последние четверть часа он, казалось, клевал носом, предоставив Зубову карт-бланш в ведении допроса. Как правило, майор быстрее устанавливал контакт с дамами. Но тут Сергеев оживился.

— Он взбесился! — ответила Анна. — Я его никогда в таком бешенстве не видела! Устроил дикий скандал, а потом хлопнул дверью и только его и видели!

— Тем не менее он вернулся.

— Думаю, он не вынес мысли, что она может быть с Мигелем!

– Значит, он не верит ей?

– Он ее ревнует, – грустно кивнула Анна. – Ревнует к каждому фонарному столбу, как ни избито это звучит.

– Она давала ему повод? – спросил Сергеев.

Анна пожала плечами.

– Надо знать Катрин и надо знать Орлова. Сомневаюсь, что она когда-либо изменяла ему. Но иногда на нее находит что-то, и она, как бы это помягче, пользуется любой возможностью его позлить. Ну, вот и допрыгалась.

– Что вы имеете в виду – допрыгалась? Он ее избил?

Анна захлопнула рот, сообразив, что сболтнула что-то лишнее. Зубов подождал немного, но, понял, что объяснений не дождется:

– А он? Он изменяет ей?

– Кто его знает. Он не стал бы нас с Антоном посвящать в подобные дела.

– А как вы думаете, он смог бы убить ее из ревности?

– Но убили-то не Катрин! – воскликнула Анна.

– А если бы погибла ваша замечательная Катрин, на кого бы вы подумали? На Орлова? – внезапно повысил голос майор.

– Но ведь убили не Катрин! – с отчаянием закричала Анна. – Никто не желает смерти Катрин. Она добра, она...

– Я назову вам двоих, кто могли бы убить ее из ревности, – отчеканил Сергеев. – Орлова вы, в общем, назвали сами... А как насчет Кортеса?

– Они друзья! – прошептала Анна.

– Это вы так думаете! А вы можете поручиться, что Кортесу не унизительна отведенная ему в той комедии роль? И откуда у вас такая уверенность, что они не любовники? Когда мы беседовали с ним, он не выглядел, как просто друг.

– А как кто? – с вызовом спросила Анна.

– Не скажу, что как любовник, – чуть уступил Сергеев. – Но как мужчина, которому эта женщина небезразлична.

– Я и не говорила, что она ему безразлична. Но они всего лишь дружат.

– Так может, ему надоело с ней дружить?

– Нет, нет! Он не стал бы. Он никогда б не причинил ей вреда.

– Я вам про Фому, вы мне про Ярему. Закончилась, вероятно, их дружба – такой поворот вы предположить можете?! – завелся следователь.

– Нет, не могу, – светлые глаза Анны приобрели стальной оттенок, а губы сжались в тонкую линию.

– Ладно, – Сергеев устало потер глаза. – Расскажите мне про сегодняшнее утро. Во сколько вы проснулись?

– Меня разбудил Олег. Ровно в шесть. Сказал, что уходит. Я попросила его захлопнуть дверь и заснула опять. Без чего-то десять я встала, разбудила Антона, приняла душ.

– Душ был свободен?

– У нас в спальне отдельная ванная комната с душевой кабинкой и туалетом. Да вы же видели, когда осматривали

квартиру.

– Верно, – вспомнил Зубов.

– Я приняла душ, пошла на кухню, включила чайник... Под ногами что-то хрустнуло... Я увидела осколки бокала венецианского стекла, рассыпанный по полу жемчуг. Вчера на Катрин было жемчужное ожерелье. Она намотала его на руку, как браслет. Это был ее жемчуг. Я разозлилась.

– Почему?

– Когда уходила спать, навела порядок на кухне. А пришла утром – там разгром. Меня такая досада взяла, – призналась она. – Но выбора не было, и я снова начала уборку. А потом на кухне появился Антон, начал собирать осколки и порезался.

– Вы видели, как он порезался? – поинтересовался Сергеев.

– Я. Я отвернулась, когда доставала что-то из холодильника.

– То есть сам момент вы пропустили?

– Он чертыхнулся, и я спросила, что случилось... Он рывкнул: „Порезался“. Зажал руку и быстро вышел. Я заметила осколки, собрала жемчуг и отправилась будить народ. Я торопилась на репетицию, – добавила она грустно.

– Все еще спали?

– Нет. Мигель проснулся. Я заглянула в комнату для гостей. Серж, оказалось, уже принимал душ. И там находилась одна Алена. Потом я постучала в гостиную.

– Полина не отозвалась? – спросил Zubov.

– Как же она могла?..

– Ну, вы же не знали, что она мертва, правильно? – пояснил Zubov. – И когда она не ответила, что вы сделали?

– Ничего. Мне было неловко врываться без разрешения.

– Неловко? – удивился майор. – Это же ваша гостиная!

Анна смутилась:

– А вдруг она там. ну, без одежды? Я не стала входить, пошла стучать к Катрин. У нее я обнаружила и Андрея. Довольно неожиданно. Катрин попросила меня принести ей какую-нибудь одежду, и я минут пять провозилась в гардеробной. Хотя нет, не Катрин... Меня попросил сам Орлов.

– И как же он объяснил свою просьбу? – саркастически спросил Сергеев.

– Не помню... – Анна опустила глаза.

– И вы не заметили, что она избита? – с недоверием спросил следователь.

Анна растерялась. Она вспомнила, как резко отвернулась от нее Катрин. Почему она тогда не обратила на это внимания? О чем она думала? Анна устыдилась ее с Антоном семейной идиллии, в то время как ее подругу по-скотски избивают – а то и не только избивают? В памяти всплыло сегодняшнее утро: Катрин, поникшая, заторможенная, словно в ней что-то сломалось. Куда делась остроумная, живая, веселая женщина, та, от которой глаз никто не мог отвести? Она вспомнила, как Орлов потребовал принести Катрин одеж-

ду под весьма сомнительным предлогом. Неужели она могла быть столь наивной?

Голос следователя вернул ее к действительности:

– Как же вы могли не заметить?

– Я заметила. Только не Катрин. У Орлова на плече. О Господи.

– Что – у Орлова на плече?..

– У него на плече синяк. Как от укуса зубов, – Анна залилась краской.

– Ого, – удивился Сергеев. – Какие страсти! И откуда?

– Да вы что? – в шоке прошептала она, прикрыв губы ладонью. – Как я могу знать?

– Интересно, – кивнул следователь. – Что было дальше? Вы еще стучали в дверь гостиной?

– Да, спустя минут двадцать, и снова не получила ответа. Я вернулась на кухню и стала готовить завтрак. Минут через пять пришел Орлов, потом Мигель. Ой нет, наоборот! Сначала Мигель. Орлов появился позже.

– А Булгаков?

– Ах да, совсем забыла! Я попросила Сержа съездить за круассанами во французскую пекарню. Ему на машине пять минут туда и обратно. Алена поехала с ним.

– А почему вы мужа не попросили?

– Ну, он же руку поранил. Поэтому.

– И через сколько они вернулись?

– Серж и Алена отсутствовали минут тридцать, а то и

меньше. А когда они вернулись, Катрин приползла на кухню. Она еле ноги переставляла в этом покрывале. А еще она была в темных очках. И тут такое началось! – Анна прижала ладони к щекам. – Его чуть не убили – я имею в виду Орлова... Я думала, они его разорвут.

– Кто это его чуть не убил? – поинтересовался Сергеев.

– Как это – кто? – Анна подняла на него удивленные глаза. – Все.

– А конкретно?

– Я же говорю, все! Булгаков, казалось, был готов его прибить. Алена помешала. А с Мигелем они так сцепились!

– Сцепились? То есть, подрались?

– Н-нет, – пробормотала Анна. – До этого дело не дошло. Им тоже помешала Алена.

– А ваш муж? Он-то что на все это сказал?

Анна задумалась. Ей вдруг пришло в голову, что Антон вел себя до странности безучастно. Да, одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что он возмущен. Да, он указал Орлову на дверь. Но он не проронил ни слова в защиту Катрин.

– Спустя некоторое время все понемногу успокоились, и я вспомнила о Полине, – продолжила Анна. – Орлов вызвался разбудить ее. Вот гад! А дальше мы увидели то, что увидели. Орлов позвал Сержа, я побежала в гостиную и. – у Анны перехватило дыхание.

– Н-да... – произнес Сергеев. – Анна Николаевна, а как

ваши друзья отреагировали на то, что увидели в гостиной?

– Я не помню, – прошептала Анна. – Когда я пришла в себя, то увидела над собой Мигеля. Антон держал меня за руку. Серж звонил в милицию. А Катрин оставалась на кухне, она не пошла вместе с нами. Когда я рассказала ей... – тут она остановилась.

– Да? – переспросил Зубов.

Анна молчала.

– Что ответила ваша Катрин? – настойчиво повторил майор.

– Ничего... – помявшись, произнесла Анна. – Она ничего не ответила. Она побледнела, как мел.

Время близилось к четырем. Можно бы перенести беседу с остальными свидетелями на завтра, но к утру информация, которой обладают свидетели, примет несколько иную форму, по-другому представятся многие события и детали, а что-то вылетит из памяти и будет навсегда утрачено. Вне всякого сомнения, каждого из них придется опросить еще, и возможно, не один раз, но ничего нет ценнее, чем эта свежая память и данные, еще не разложенные самим свидетелем по выгодным ему полочкам. Сергеев наконец встал и собрал бумаги:

– Вот что, майор... Я к себе в контору. Заканчивай здесь сам, – с этими словами он повернулся и вышел.

„Молодец, – подумал Зубов, – это он хорошо придумал –

заканчивай, майор, здесь! Сам, небось, жрать пошел. А зачем жрать оперу? Оперу жрать не надо“.

Не успел он подумать об этом, как дверь кабинета открылась, и на пороге появилась Анна. В руках она держала поднос с двумя тарелками и чашкой кофе, источавшего острый аромат кардамона.

– Я подумала, вы проголодались, – улыбнулась Анна. Кажалось, она успела прийти в себя после допроса, и была спокойна и приветлива.

– Ого! – присвистнул майор. – Нечасто нас так встречают на месте преступления.

На одной тарелке его ждала внушительная отбивная. На другой – кусок слоеного торта. Анна поставила поднос на стол, аккуратно сдвинула все бумаги в сторону и деликатно вышла.

Через четверть часа, закончив трапезу и не оставив на тарелках ничего, кроме горки крошек, Зубов взял поднос и вышел в холл, где столкнулся с Глинским, с увесистым пакетом из Макдоналдса в руках.

– Я опоздал! – искренне огорчился капитан. – Хотел устроить сюрприз...

– Ешь сам, – усмехнулся Зубов, – меня тут обслужили по пятизвездочному разряду.

– И что, съем за милую душу, я голоден, как собака.

– Тогда катись не кухню, – поморщился майор, – я сейчас хочу побеседовать с Астаховой, и твоя жующая физиономия

мне ни к чему. Ты виделся с матерью Стрельниковой?

– Да, но она ничего определенного не сказала по поводу креста. Она не живет с дочерью уже больше года. Правда, по поводу ее образа жизни – замялась.

– Что значит – замялась?

– То и значит. Бубнила, что дочь найти работу не могла, везде конкуренция и тэ дэ и тэ пэ. Когда же я напрямую спросил, чем ее крошка занималась – стала краснеть и заливаться слезами.

– Ну да, ну да, – кивнул Зубов, – со вскрытием что?

– Много чего. У тебя как с пищеварением?

– Хватит дурака валять, – оборвал его Зубов. – Ладно, пойдем в кабинет. Успеешь закусить, излагая самое главное.

– А как же Астахова?

– Подождет, – буркнул майор, – тоже мне – принцесса.

Оставив поднос на кухне, они вернулись в кабинет. Виктор развернул пакет и впился зубами в еще теплый гамбургер. Все остальное он бубнил с набитым ртом, рискуя подавиться.

– Шенберг, как и ты, полагает, что убийца бросил ее живой. Смерть наступила от обильной кровопотери. Множественные порезы на груди, шее, спине, бедрах.

– Смотри, как бы не стошнило...

– Я так жрать хочу, что мне это не грозит, – Глинский прикончил один гамбургер и принялся за следующий. – Так, на чем я остановился?.. Кроме того, сто пудов – сексуальное

насилие. Повреждения следующие.

– Дальше, – перебил его Зубов. Шенбергу он доверял как себе, а выслушивать отвратительные подробности – увольте!

– Обнаружена сперма мужчины со второй группой крови, что соответствует группе крови Рыкова, но если контакт с ним был добровольным и, по его собственному признанию, незащищенным, то сам понимаешь...

– Ясно. Но сие означает, что маньяк был в презервативе – странно, но не невозможно. Что-нибудь еще?

– Содержание алкоголя в крови – одна десятая промилле.

– Не бог весть сколько, – заметил Зубов. – Дальше!

– А дальше все интереснее и интереснее. В крови полно фентанила.

– Что?! – вскинулся Зубов.

Глинский достал из папки бумажку и кинул на стол перед Зубовым.

– Сам посмотри.

– Н-да, – Зубов почесал затылок, – Миша смог определить время введения наркотика? Он был введен внутривенно? Кстати, ампулу мы не нашли. Тот шприц от фентанила?

– Время пока не определил. Введен фентанил внутривенно, с первого раза, тем самым шприцем из мусорного ведра, – Глинский принялся за третий гамбургер. – Так как она вся порезана, то эксперты не сразу заметили след от укола.

– Фентанил, – продолжал он, – вот почему она не кричала. Да еще скотч на лице. Хотя непонятно, зачем он на галстук

заморачивался. Она наверняка пошевелиться не могла после такой дозы.

– Не, не так. – медленно произнес Зубов. – Скорее всего, он вколол ей фентанил уже после того как изнасиловал. Иначе, введя наркотик, он бы получил вялую куклу. Насильник, включающий музыкальное сопровождение, скорее всего, заинтересован в реакции жертвы – он хочет видеть страх в ее глазах, подавлять ее сопротивление, – пробормотал он. – Доел свою отраву?

– Почти, – пробубнил Глинский, торопливо дожевывая. – Звать Астахову?

– И немедленно, – произнес майор, пробегая глазами протоколы.

Катрин вошла в кабинет, по-прежнему в покрывале, обернутом вокруг бедер, и ковбойке. Солнечные очки и длинные пряди распущенных волос все еще скрывали ее лицо.

– Итак, мой черед? – спросила она грустно, усаживаясь в кресло. – Пожалуйста, покончим с этим побыстрее. Мне плохо.

– Я заметил, – кивнул Зубов. – Назовите ваше полное имя.

– Астахова Екатерина Дмитриевна.

– Род занятий?

– Преподаю иностранный язык, перевожу иногда...

– Какой язык? – мрачно спросил Зубов.

Женщина равнодушно ответила:

– Английский, испанский реже. Какая разница.

– Расскажите мне о вчерашнем вечере.

– Вы и так все знаете, – уголки ее разбитых губ чуть дернулись, – и про Андрея, и про Мигеля.

– Расскажите, как Орлов вернулся в квартиру, во сколько, о чем вы говорили, что делали.

Выражение ее лица не изменилось.

– Он вернулся около трех. Все к тому времени легли спать. Я увидела из окна, что он сидит у подъезда и позвала.

– Дальше?

Он заметил, как у нее затряслись губы.

– Что происходило дальше?

– Я не хочу об этом говорить...

– Вам придется, – подал голос Глинский.

– И охота вам копаться в такой гадости, – в сердцах бросила Катрин.

Как рассказать о событиях минувшей позорной ночи двум молодым мужикам? Стыдно, противно... Ведь любой из них, мелькнуло у нее в голове, будет судить о подобном происшествии с циничной логикой самца. Мол, оделась вызывающе, боевой раскрас нанесла – сама, никто не заставлял. Вот и напросилась. И никого не интересуется, что она просто хотела быть привлекательной для одного единственного. Так вот один единственный и „оценил“. Да и этот, с усами, пялится на нее с бо-ольшим любопытством. Катрин понимала, что пауза затянулась. Но она ее держала.

– Вы будете говорить? – нарушил Zubov неловкое молча-

ние.

– Нет, – коротко ответила она.

– Почему? – искренне удивился он.

Терпение Катрин лопнуло.

– Потому! Я не желаю это обсуждать, – выдохнула она и закрыла лицо ладонями.

– Послушайте, – Глинскому стало не по себе – он не выносил женских слез. – Возьмите себя в руки. Вам неловко, но.

– Мне не неловко, – мотнула она головой. – Мне больно. Поймите, больше нет сил. Оставьте меня в покое, – она всхлипнула.

– Он вас избил? – Глинский протянул ей бумажный платок.

– Нет, – Катрин вытерла нос. – Я упала. Поскользнулась в ванной.

– Вы в этом уверены? Точно помните? – с сарказмом поинтересовался Зубов. – Значит – упали... Ладно, дело ваше. Но пару деталей мне хотелось бы уточнить, – В груди закипал гнев на ее упрямство, а точнее – упертость. Ну как можно быть такой безрассудной дурой? Неужели эта женщина не понимает, что потакает изуверству и варварству? Но как ее заставить?

Может, надавить пожестче? – Предупреждаю, мой вопрос опять покажется вам бестактным.

– Спрашивайте, – подняла голову Катрин.

– Вы всю ночь провели с Андреем Орловым?

Катрин, уткнувшись в платок, глухо проговорила:

– Я похожа на женщину, способную пойти еще к кому-нибудь?

– Екатерина Дмитриевна, вы что, не осознаете смысла моего вопроса? – Зубов повысил голос. – Меня интересует алиби вашего любовника. Он находился с вами всю ночь?

– Да, – твердо ответила Катрин. – Остаток ночи он провел со мной.

– И никуда не отлучался? В туалет, например? – предположил Глинский.

– Туалет и душ находятся в спальне, то есть, в ванной комнате, примыкающей к спальне.

– Орлов мог выйти, пока вы спали, – осторожно предположил Глинский.

Катрин какое-то время не отвечала, а потом подняла усталое лицо.

– Дело в том. – она запнулась, но потом продолжила, – я чуть сплю. Я бы проснулась, если б он встал с кровати и вышел...

Она опять уперлась взглядом в некую точку в углу.

Зубов прикидывал, как задать следующий вопрос, чтобы по возможности избежать истеричной реакции, но, вместе с тем, попробовать достучаться до этой красивой женщины сквозь невидимую преграду ее хрупкой психики. Ну, как-то так.

– Екатерина Дмитриевна, прошу вас прокомментировать

вот это, – он положил перед нею листок с французской фразой.

– Вы владеете французским? – спросил он. – Вы знаете, что здесь написано?

Катрин смотрела на листок бумаги, словно на гранату с выдернутой чекой.

– Язык проглотили?..

– Я знаю, что здесь написано, – вяло ответила она. – Но прокомментировать, как вы выразились, не могу.

– То есть как? – удивился Глинский. – У вас эти слова никаких мыслей не вызывают?

– Никаких, – равнодушно отозвалась она. – А какие мысли может вызывать этот бредовый набор слов? При чем тут я?

– А разве это не о вас? – удивился Глинский.

– Нет, не обо мне, – ответила Катрин с вызовом. – С чего вы взяли? Не надо обо мне помнить. Лучше б обо мне все забыли.

Зубов сосчитал про себя до десяти, чтобы постараться унять гнев: „Ну ладно, черт бы тебя подрал! Забыли – так забыли“.

– Кто разбил бокал на кухне?

– Я разбила.

– Он был пуст?

– Не помню. Там могли быть остатки martinis. Я пила martinis до того, как вернулся Андрей.

– Что еще стояло на столе, кроме этого бокала?

Катрин наморщила лоб:

– Бутылка, ну да, бокал – не помню, допила я его или нет... Серебряное ведерко со льдом, такое, – она сделала неопределенный жест.

– Все это осталось на столе, когда вы ушли с кухни?

– Ушла. – передернула Катрин плечами. – Да, когда я покидала кухню, мне было не до уборки.

– А Орлов пил что-нибудь, когда вернулся?

Катрин кивнула:

– Да, пил, тоже мартини, по-моему...

– А из чего? Он взял бокал?

– Кажется, он пил из моего бокала. Сначала. А потом, когда мой разбился, достал новый, из бара.

– Ясно. Расскажите, Екатерина Дмитриевна, про сегодняшнее утро. Во сколько вы вышли из спальни?

– Андрей вышел около одиннадцати, а я осталась, – ответила Катрин, на секунду представив себе, каким безмятежным и счастливым могло бы стать утро этого дня. Ее сердце сжалось от обиды и сожаления.

– Перед этим к нам заглянула Анна, – пояснила она. – Сказала, что завтрак готов.

– Она удивилась, застав Орлова вместе с вами? Она же не знала, что он вернулся?

– Нет, – грустно ответила Катрин. – Она совсем не удивилась. Ну, почти не удивилась. Да, верно... Теперь мне ясно, что она восприняла это как должное. Хотя в нашей компа-

нии давно никто и ничему не удивляется в отношении меня и Андрея.

– Екатерина Дмитриевна, а вы знали эту девушку – Полину Стрельникову? – спросил Зубов. – Вы с ней не встречались раньше?

– Нет, – покачала головой Катрин. – В первый раз видела. Лучше б не видела.

Она закрыла ладонью рот.

– Зачем, – ее голос стал жалобным и детским. – Ну зачем он ее привел? Ведь если б не она – все бы сейчас было хорошо! Уж не говоря о том, что она сама была б жива, моя жизнь не превратилась бы в кошмар, которому не видно конца!

– Снимите очки, – потребовал Зубов. – Мы еще не видели вашего лица.

Катрин неохотно подняла очки на лоб. Глинский мгновенно утонул в бездонных темных глазах, и даже кровоподтек в пол-лица и ссадины не помешали ему оценить благородство ее черт. Майору же страстно хотелось задать ей вопрос о следе от укуса на плече Орлова, но ее лицо выражало такое страдание, что у него не повернулся язык.

– Напишите заявление об избиении, – отчеканил Зубов.

– Нет, – отрезала она. – Я упала.

– Упали, значит, – он поднялся с места. Теперь майор возвышался над сжавшейся на стуле женщиной, суровый и неумолимый. Он схватил ее за левую кисть и рванул рукав ковбойки – обнажив до локтя руку, покрытую черными сле-

дами от пальцев. Понятное дело – чьих пальцев.

Зубов мгновение удерживал ее кисть, потом разжал пальцы.

– Как вы смеете, – прошелестела Катрин.

– Смею – что? – Зубов сел на место.

– Ничего, – Катрин натянула рукав обратно. – Я могу идти?

Зубов сунул ей под нос протокол, который она равнодушно подписала. Затем она поднялась.

– То, что произошло, – отчеканил Зубов ей вслед, – это точка отсчета. Обычно то, что начинается побоями, кончается убийством. Мой долг – вас предупредить.

Катрин, взявшись за ручку двери, обернулась.

– Спасибо, – уронила она и вышла...

– Она не даст показаний против Орлова, – констатировал Глинский, глядя ей вслед.

– Ни за что бы не догадался без тебя, – мрачно произнес Зубов и добавил. – Эксперты кухню хорошо осмотрели?

– А то! – ухмыльнулся Виктор. – Спрашиваешь!

– И что там еще нашли, кроме осколков и шприца в мусорном ведре?

– Прежде всего – замытую кровь на полу. Предположительно, принадлежит Астаховой.

– Сильно удивлюсь, если кому-то еще, – кивнул Зубов. – Только вот кто ее замыл? Королева не упоминала ни о чем подобном. Ладно,ждемся результатов. Что еще там инте-

ресного?

– Ведерко, бутылка, – ответил Глинский, листая протокол осмотра квартиры. – Ведерко – в раковине, бутылка – на холодильнике. бокала на столе нет. В раковине тоже. Зато некий бокал мы нашли возле дивана с телом. Пустой. С запахом мартини и отпечатками пальцев.

– И как же он, интересно, туда попал? – вздохнув, произнес Зубов.

– Вряд ли кто-то признается, что его принес. Хотя вариантов немного – либо Орлов, тогда он и есть убийца, либо убийца, и он не Орлов. Все просто.

– Ну да, – кивнул Зубов. – Не бином Ньютона, не бином.

...Катрин сидела на широком подоконнике открытого настежь окна. Рядом с ней Серж поставил большое блюдо со свежей клубникой. Она вяло брала ягоду, откусывала половинку, разглядывала оставшуюся часть и столь же вяло отправляла ее вслед за первой. Вкуса она не чувствовала, но когда случайно дотрагивалась до распухшей губы, ее всю передергивало. Орлов пристроился на том же подоконнике, с отсутствующим видом уставившись куда-то в пустоту, мимо Катрин. Она тоже старалась не встречаться с ним взглядом. Ей было страшно и неприятно находиться рядом с ним.

Улучив момент, когда Катрин потянулась за очередной ягодой, Орлов ловко убрал блюдо у нее из-под руки. Ей пришлось поднять на него глаза – полные досады и презрения.

– Чего тебе? – она еле выдавливала из себя слова. Он не отвечал, лишь двигал туда – сюда блюдце с неприятным клацающим звуком.

Мигель, потягивая кофе из большой чашки, что-то черкал в планшете. Алена дремала, свернувшись калачиком в глубоком кресле. Булгаков прикрылся книжкой в мягкой обложке с каким-то невероятно длинным немецким названием в одно слово, но, скорее всего, только делал вид, что читал ее. Анна спала на кровати под пледом. Ланской с Рыковым лениво играли в нарды, сидя на краю этой же широкой кровати. В спальне Антона висела напряженная тишина, которую нарушали только щелканье нард, стук блюдца о подоконник и негромкие голоса Катрин и Андрея.

– Я хочу спросить тебя кое о чем, – прошептал Орлов. – Пойдем, поговорим.

– Не хочу я с тобой ни о чем разговаривать, – ее голос звучал сухо и равнодушно.

– Неужто? – деланно изумился он. – Что так? Совесть нечиста?

Катрин зажмурилась. Как же он удобно сидит на подоконнике. С ногами. Всего-то посильнее толкнуть – и прощайте, ее проблемы. Все бодро подтвердят, что он сам вывалился. Картина нарисовалась столь живой и реальной, что Катрин даже немного повеселела.

– Какое тебе дело до моей совести? Какое тебе дело до меня?

– Не зарывайся, Катрин. Если я сказал, что хочу с тобой поговорить, я все равно это сделаю, даже вопреки твоему желанию.

– Попробуй, – ей все-таки удалось схватить клубнику с блюда, и она, демонстративно откусив от нее половину, насмешливо посмотрела на Орлова – все-таки он боится. Непонятно только кого – то ли милиции, то ли Булгакова и Мигеля.

– Что, рыло-то в – пуху? – злорадно прошипела она, глядя на него с издевкой, – вот сейчас тебя вызовут и упакуют лет эдак на десять.

– Вызовут, значит, вызовут. Не вопрос. Но до того я собираюсь кое-что с тобой обсудить. Ты хочешь, чтобы все услышали наш разговор?

– Ну хорошо, – нехотя согласилась Катрин. – Только без глупостей.

– Точно, – кивнул Орлов, – именно без глупостей. Все исключительно серьезно.

Катрин соскользнула с подоконника, скривившись от боли, и в сопровождении Орлова направилась в ванную. Их дефиле не осталось незамеченным. Булгаков в раздражении захлопнул книгу, Антон досадливо поморщился. Перед тем, как закрыть за собой дверь, Орлов негромко проговорил: „Кто сунется, получит в лоб“, на что Мигель демонстративно закатил глаза. Орлов щелкнул замком. Мгновение подумав, включил воду, и повернулся к Катрин, прислонившейся

к выложенной терракотовой плиткой стене.

– Рассказывай, – приказал он.

– Что тебе рассказывать? – презрительным тоном поинтересовалась она.

– О чем тебя спрашивали.

– Спрашивали, откуда у меня синяки на руках. А еще – не выходил ли ты ночью или утром из комнаты.

– И что ты им сказала?

– Правду. Все как происходило.

– Зачем? – спросил Орлов глухим голосом. – Катрин, зачем? Неужели ты все еще злишься на меня?

– „Все еще“? – ахнула Катрин. – Орлов, да ты в своем уме? Ты же изнасиловал меня, как последняя скотина! На мне живого места нет!

Он обхватил ее за талию: – Ну, не преувеличивай.

Катрин попыталась отстраниться: – Убери руки.

– Ладно тебе. Скажешь, сама не хотела? Как ты смотрела на меня!

– Я хотела? – возмущенно выдохнула она. – Как ты смеешь говорить такое!

– Уверен, тебе понравилось. А теперь просто выпендриваешься. Хочешь, повторим? – он уже навалился на нее и тяжело дышал ей в ухо.

– Я сказала, не трогай меня! – Катрин уперлась ладонями ему в грудь.

– Катрин, – Орлов только крепче прижал ее к себе. – За-

будь, что произошло. Считай, ничего не было, – он уперся небритым подбородком в ее висок. – Договорились?

– Нет, не договорились, – она вновь резко повела плечами, но освободиться не удалось. – Чего ты так боишься?

– Я ничего не боюсь, – оскорбился Орлов. – Но мне хотелось бы знать, что ты наплела про меня ментам. Что ты там напридумывала? Это все твои эротические фантазии, Катрин. Ты же не собираешься из-за них меня подставить?

Так весь тот ночной ужас – ее фантазии, да еще эротические? Что ему ответить – да так, чтоб его пробрало до костей и стало страшно – как было страшно ей минувшей ночью?

– Я им рассказала ровно столько, чтобы к тебе появилась масса вопросов. Да у милиции и так достаточно их накопилось – не сомневайся.

– Так ты меня подставила?

– Называй, как хочешь, – она фыркнула. – И что дальше? Отвесишь мне еще пару пощечин?

Если Орлов и хотел задобрить ее, то все его намерения полетели в тартарары:

– Нет, ты все же непостижимая баба! – злобно рявкнул он. – Ты рассказала ментам, как тебя отымели на кухне?

Катрин взвилась:

– Выбирай выражения! Я тебе не баба!

– Да, ты просто шлюха. С кем из моих друзей ты успела переспать за пятнадцать лет?

– Идиот, – пробормотала Катрин.

– Пусть я идиот. Но не убийца.

– Да? – вскинула она голову. – Почему не ты? Со мной ты ловко разделался.

Орлов, казалось, растерялся. Катрин воспользовалась моментом и продолжила:

– Ты запросто мог выйти утром. Я спала и ничего бы не услышала.

– Я не буду комментировать то, что ты говоришь, и спорить с тобой не буду. Если захочешь отомстить, то отправить меня за решетку тебе ничего не стоит. Они поверят.

– Еще бы мне не поверили! Особенно, когда увидели синяки на руках, – с горечью произнесла Катрин. – Они еще ноги мои не видели, а то бы оценили.

Орлов скрипнул зубами, борясь с искушением ударить ее. Его колебания не остались незамеченными. Катрин усмехнулась.

– Зря я им не продемонстрировала.

Она с удовлетворением увидела, как сжались его кулаки. Он отступил на шаг.

– Не стыдно было рассказывать посторонним мужикам, как тебя имели, словно уличную девку? – Орлов протянул руку и развязно похлопал ее по щеке. И вскрикнул – Катрин цапнула его за ладонь.

– Черт! Кусаешься, стерва! Нет, моя мать права – ты все-таки шлюха по натуре. Только прикидываешься девочкой из хорошей семьи. А так – плати и бери.

– Что?! И это говоришь мне ты?! Ты?! Убийца! – завизжала она, не помня себя от ярости.

Орлов онемел. Катрин с гневным злорадством наблюдала, как он меняется в лице, вероятно, уже сожалея, что своими неосторожными словами вновь разозлил ее. Еще мгновение назад циничный и жестокий, Орлов побледнел и попытался взять Катрин за руки. Она решительно вырвалась.

– Оставь, уйди... Ненавижу тебя... Не трогай меня! Я поняла! Именно ты убил эту. – Катрин проглотила грубое слово, но иступленно продолжала выплевывать ему в лицо страшные обвинения:

– Я не знаю, как и когда, но это сделал ты! – и с восторгом осознала, что ей удалось его достать.

– Ты сошла с ума, – выдавил Орлов, с трудом выталкивая из себя слова. Он хотел что-то добавить, но тут в дверь с силой забарабанили.

– Эй! – послышался голос Булгакова. – Выходите! Чем вы там занимаетесь?

– Не твое дело! – заорал Орлов. – Пошел вон!

– Уже иду, – дверь затрещала под могучим напором Сергея, но тут Катрин торопливо повернула латунную ручку.

– Стой! – Орлову удалось схватить ее за рукав. Катрин вырвалась, но, прежде чем вихрем вылететь из ванной, на мгновение замерла.

– Катрин... Ты правда рассказала им, что я тебя... – дверь распахнулась, и на пороге появился взъерошенный Булгаков.

Не обращая на него никакого внимания, Орлов требовательно смотрел на Катрин в ожидании ответа.

– Нет, – губы ее затряслись. – Это все, что тебя волнует?

И Катрин вышла, понимая, что еще чуть-чуть, и расплачется прямо здесь. „Еще и жалкий трус. Он боится“.

– Слушай, ты, сукин сын, – прорычал Булгаков, сгребая Орлова за ворот рубашки. – Я тебя в порошок сотру!

– Отвяжись, – ухмыльнулся тот и, высвободившись, последовал за Катрин в спальню. Там он нашел ее, рыдающую подле Анны, на кровати. Все в растерянности столпились вокруг, не понимая, как ее утешить.

– Успокойся, Катрин, – приговаривала Анна, поглаживая подругу по темноволосой голове. – Тебе надо успокоиться... Нам всем нужно успокоиться.

– Какое уж тут, к черту, спокойствие, – резко произнес Рыков и, присев перед Катрин на корточки, взял ее за руку. – Катрин, душа моя, послушай. Не плачь, киса... Мы тебя любим... Мы все твои друзья – ты же знаешь...

– Чего-чего, а друзей у нее хватает, – лицо Орлова передернула сардоническая гримаса.

– И мы сумеем защитить ее, – твердо произнес Олег, поднимаясь и откидывая со лба длинную прядь золотистых волос.

– От кого это ты собрался ее защищать? – окрылся Орлов.

– От тебя, урод, – лицо Олега заледенело презрением.

– Тоже мне, защитничек нашелся. Ты б постригся, наконец, – желчно обронил Орлов и, отпихнув того, вышел из комнаты, оглушительно хлопнув дверью.

Когда Зубов заглянул в спальню, лица молодых людей, прежде напряженные и озабоченные, теперь были перекошены яростью. Что-то, безусловно, случилось, и это „что-то“ ему предстояло выяснить.

Орлова опера обнаружили на кухне. Он наливал себе кофе и его руки тряслись. Подняв голову, он волком посмотрел на них. Зубов переглянулся с Глинским, и тот едва заметно поднял брови. Они прошли в кабинет и плотно притворили за собой дверь.

– Ты заметил? – негромко спросил майор.

– Еще бы! Похоже, они таки наехали на Орлова. Будем выяснять прямо сейчас?

– Да! Зададим еще пару вопросов Астаховой. Тащи ее сюда.

Глинский вышел, но через минуту вернулся, озадаченный.

– Ее там нет. Она в другой спальне. И меня туда не пустили.

– Что значит, не пустили? – возмутился Зубов. – Ты власть или кто?

– Там этот врач... – пробормотал Глинский. – Говорит, она плохо себя чувствует...

– Позови-ка его сюда... – велел Zubov, – и побыстрее.

Булгаков появился через минуту, недовольный и мрачный.

– Что случилось с Астаховой? – спросил майор. – Почему вы к ней не пускаете?

– Зачем она вам? – ответил вопросом Сергей. – Вы уже ее допрашивали.

– А вы не слишком много на себя берете, доктор? – ехидно ответил опер. – Думаете, я чем здесь занимаюсь?

– В любом случае, в данный момент она не может отвечать на ваши вопросы, – голос Булгакова звучал твердо. – У нее случился нервный срыв, я нашел у Антона снотворное и дал ей. Сейчас она спит.

– Что еще за нервный срыв? – в недоумении поинтересовался Zubov.

– Еще два часа назад она была в порядке, – добавил Глинский. – Если, конечно, не считать синяков и ссадин.

– За два часа много чего может произойти. Вы что думаете, попасть в такой переплет для женщины – гарантированное нервное расстройство.

– И как его зовут – это ее нервное расстройство? – спросил майор, в раздражении ожидая очередного уклончивого ответа.

Сергей не торопился, тщательно взвешивая слова. Потом, видимо, приняв решение, опустил на стул и скрестил руки на груди:

– Я хотел бы знать, официально ли вы меня допрашиваете? И должен предупредить, что я не обязан обсуждать с вами здоровье моей пациентки без постановления суда.

– Это не допрос, а беседа. Правда, под протокол. Это во-первых. А во-вторых, с каких пор Астахова является вашей пациенткой?

– С того момента, как она обратилась ко мне за медицинской помощью, – сухо ответил Булгаков.

– Прекрасно. И все же вам не следует скрывать факты, – устало сказал Зубов.

– Скрывать? Упаси Бог. Мне нечего скрывать. Пожалуй-ста. Утром Катрин пошла в душ. У нее закружилась голова, она упала, ушиблась. Я подозреваю легкое сотрясение мозга.

– Не следует ли ей обратиться к специалисту? – вкрадчиво спросил Глинский.

– Я специалист, – коротко ответил Булгаков. – Я старший ординатор в отделении неотложной нейрохирургии Склифа. С кандидатской степенью, между прочим. И что такое сотрясение мозга, я себе представляю.

– Что вы заканчивали? – спросил Зубов.

– Первый мед. Работал в Бурденко. Ординатура и аспирантура. Потом меня пригласили в Германию, на работу в военный госпиталь...

– И каким же образом вы оказались в Склифе? – поинтересовался Глинский.

– Я не хочу говорить на эту тему, – лицо Сергея потемне-

ло.

– А придется... – пробормотал Зубов.

– Моя работа не относится к делу! – отрубил Сергей.

– Поверьте мне, – проникновенно начал майор, но в его голосе слышалась несомненная угроза. – Поверьте мне, что у меня есть веские причины интересоваться вашей, Сергей... как вас по отчеству?..

– Ростиславович, – буркнул Булгаков.

– Сергей Ростиславович, веские и неприятные причины интересоваться вашей работой!

– Может, объясните, какие?

– Мы запросили, не было ли в Институте скорой помощи имени Склифосовского, где вы работаете, хищений наркотических средств. И что же нам ответили?

Булгаков и бровью не повел.

– Вам говорит что-нибудь фамилия Смолин? – спросил Глинский настолько внезапно, что даже Зубов дернулся и сердито скосил глаза в сторону напарника.

– Смолин? – пробормотал Булгаков. – Еще бы. Скандал на весь институт...

– А лично вы его знали?

– Близко не знал. Мы даже в смену никогда вместе не попадали.

– А о том, что он наркоман – вы знали?

– Да вы с ума сошли, откуда?! – возмутился Булгаков.

– Я понял, понял, – успокаивающе поднял руку майор. –

Вы в курсе, что с ним случилось впоследствии?

– Не представляю себе... – пожал Булгаков плечами. – Сидит, наверно...

– Нет, – вздохнул майор. – Не сидит... Ну ладно, с этим пока все. Теперь расскажите нам о вашей подружке.

– О Катрин? Мне больше нечего вам сказать. Ну разве только, что ее мать, Галина Васильевна Астахова – мой непосредственный шеф.

– Любопытно. Но знаете, что самое забавное? – ехидно спросил Зубов.

– Интересно, что можно найти забавного в данной ситуации?

– Самое забавное, – пояснил Зубов не без удовольствия. – Что, спрашивая о вашей подружке, я имел в виду вовсе не Екатерину Астахову, а другую молодую леди... – он заглянул в записи. – Елену Кутепову. Разве не она ваша подружка?

– Алена? Что я могу о ней рассказать? Она медсестра в моем отделении. Вернее, в отделении, где я работаю.

– Эту ночь вы провели вместе, – нахмурился Глинский. – У нас верные сведения?

Он как бы мельком сверился с планом квартиры – в какой комнате и с кем каждый из присутствовавших на вечеринке провел прошлую ночь.

– Итак? Вы вместе провели эту ночь?

– Предположим, вместе, – неохотно ответил Булгаков. – Что дальше?

– И вы ничего не можете рассказать о девушке, с которой спали?

– А какое она-то отношение имеет ко всей этой истории? – раздраженно поинтересовался Сергей. – Она видела всех остальных впервые в жизни.

Булгакову чертовски не хотелось впутывать Алену во все это. Он испытывал к ней какое-то особенное чувство, сродни жалости. Не то чтобы она взволновала его сильнее других – нет, слишком молода и неопытна была на его изощренный вкус – но в нем просыпалось незнакомое до сегодняшнего дня ощущение: к своему недоумению и досаде, он обнаружил, что Алена – девственница. И именно ему – цинику и бабнику – решила свою девственность отдать. Этот факт, сам по себе малозначительный, тем не менее, беспокоил Булгакова, раздражал, как ноющий зуб, но что-то не давало ему просто отмахнуться от него. Как бы Сергею ни хотелось.

– Так что, – не без ехидства настаивал майор. – Расскажите нам что-нибудь о своей девушке?

– Да не моя она девушка! – воскликнул Булгаков и осекся.

– Как не ваша? – поднял брови майор. – Если я не ошибаюсь, вы спали вместе этой ночью? Или это, как в том анекдоте, не повод для знакомства? Кстати, она совершеннолетняя? Вы не забыли поинтересоваться перед тем, как тащить ее в постель?

– Да кто ее тащил, – растерялся Сергей. – А про возраст мне даже в голову не пришло.

– Напрасно, напрасно... – Зубов сам не понимал, отчего он прицепился к свидетелю с, мягко говоря, вздорными придрками. Но тут Булгаков опомнился:

– Слушайте, уважаемый, – обозлился он. – Что вы мне голову морочите! Она на втором курсе института! Я не интересовался ее возрастом, но, черт побери, ей не может быть меньше девятнадцати!

– Ну и славно, – сухо сказал майор. – Легкомыслие в таких вопросах, господин Булгаков, до добра не доведет.

– Я думаю, – произнес Сергей, чувствуя, что еще немного, и он сорвется. – Я думаю, что будет больше толка, если вы перестанете изгаляться и будете задавать вопросы по существу!

– Вы даже не представляете, насколько мои вопросы по существу, – ответил Зубов серьезно. – Меня интересует все, что вы знаете о хищении фентанила в вашем отделении три года назад, когда вы пришли туда работать.

– Нас интересует все, что касается ваших отношений с Екатериной Астаховой, – добавил Глинский. – И не надо мне говорить, что между вами никогда ничего не было!

– Никогда и ничего! – зарычал Булгаков. – И я протестую против ваших гнусных инсинуаций!

– Значит, хищение фентанила у вас возражений не вызывает?!

– Я не понимаю, – покачал головой Булгаков. – Я ничего не понимаю. При чем тут фентанил?

– А как вы думаете?

– Черт, – спустя короткую паузу произнес Булгаков. – Ее эту девушку. накачали наркотой?

– Да, – помедлив, кивнул Зубов. – И от души. В самый раз, чтобы превратить ее в безвольную куклу.

Он запнулся. Ему не следовало распространяться на этот счет ни перед кем из свидетелей, проходящих по данному делу. Тем более, этот врач сейчас наверняка будет задавать вопросы. Так и случилось.

– А почему вы решили, что это наш фентанил? – спросил Булгаков. – У вас есть ампула? Вы ее нашли?

Зубов сделал вид, что не услышал вопроса Сергея. Тот, однако, выжидающе смотрел на майора, но, поняв, что никто ему отвечать не собирается, оскорбленно нахмурился.

Глинский ухмыльнулся про себя. „Давай, давай, пообижайся еще на нас!“ – подумал он. Булгаков, правда, обижался не более чем полминуты.

– Внутривенно? – спросил он.

– Да, – кивнул Зубов, но добавил немного туману: – Скорее всего...

– Но это значит, что убийца умеет делать внутривенные инъекции? – вздрогнул Булгаков. – Это непростая манипуляция... И поэтому вы решили, что у него медицинское образование?

– Или сам колется, – предположил Глинский. – Дозу он ей вколол грамотно, в вену попал с первого раза.

– Среди нас нет наркоманов, – возмутился Булгаков. – Вы можете осмотреть у всех руки. И потом, я бы давно обратил внимание. У меня глаз наметанный – уж я наркозависимых повидал, можете мне поверить...

– Не факт, что сам убийца наркоман.

Майор раздраженно покосился на Виктора – тот разошелся не на шутку.

– Так она умерла от передозировки? – смешался Сергей. – Странно. Судя по тому, сколько там натекло, она потеряла не менее трех литров. Это смертельно...

– Ваше первоначальное заключение, доктор, абсолютно правильно, – угрюмо объявил Зубов. – Она истекла кровью.

– Скажите, – медленно начал Сергей. – Скажите... Ее изнасиловали?

Зубов кивнул – не сразу.

– Так, – Булгаков глубоко вздохнул. – Это не может быть никто из нас.

– Что так? – поднял брови майор.

– Ну, – помялся Булгаков. – Чтобы пойти на это, надо быть не просто мерзавцем, а подонком. А мы.

– Вы плохо знаете вашу компанию, – прервал его Зубов и резко встал, с грохотом отодвинув стул. – Мне осточертело это слышать! Мои друзья!!! Никто не мог!!! Мы знаем друг друга сто лет!!! Ни хрена вы друг друга не знаете! Вам интересно, была ли Стрельникова изнасилована?! Да, была! Кто из вас искромсал ее в клочья? Отвечайте! Кто из ваших дру-

зей, в которых вы так уверены?! Или, может, вы сами, господин доктор?

Вы видели, во что превратили молодую, здоровую девчонку? И после этого будете здесь распинаться насчет безусловной порядочности ваших приятелей? А что вы скажете об Орлове? Не он ли тот самый подонок? Все всё знают о нем и Астаховой! И все молчат! Вам что – вообще плевать? Или вы его специально покрываете?

Булгаков выслушал тираду майора, не прерывая, а потом кивнул.

– Да, наверно так все и выглядит. Все молчат. Вы правы. Поверьте, не просто так молчат.

– Не просто так? – поинтересовался Зубов, – А как?

– Она не хочет, – произнес Булгаков, – Это не мы его покрываем, а она. Он закрыл глаза. „Умоляю, – услышал он ее тихий голос, она уже почти спала, – умоляю, не говори, не говорите им. Я этого не выдержу“. И он пообещал. Хмуро передал просьбу Катрин остальным.

– Я могу идти? Надо посмотреть, как там Катрин.

– Никуда ваша драгоценная Катрин не денется, – сухо уронил майор. – А у меня есть еще вопрос. Вам знаком этот предмет? – он выложил на стол скальпель в пакете. Булгаков мельком глянул на вещдок.

– Это хирургический скальпель, – спокойно, словно салаге с первого курса мединститута, объяснил Сергей.

– Я и сам вижу, – хмыкнул Зубов. – Признавайтесь, ваш

скальпель?

– Бред, – голос Булгакова стал хриплым. – Я не ношу с собой хирургические инструменты.

– Ну как же? – насмешливо поинтересовался Глинский. – Вы же хирург. Всякое может случиться.

– Прошу заметить, – резко ответил Сергей, – времена, когда доктора повсюду ходили с саквояжами, где полагалось быть и скальпелям, давно прошли. Вне работы мы теперь на легке.

– А дома вы держите подобное?

– Пара, – кивнул Сергей. – Но этот навряд ли один из них.

– Почему вы так уверены?

– Видно невооруженным глазом, что этот инструмент новый и чрезвычайно острый. А дома я использую свои скальпели для хозяйственных целей – они все с зазубринами. Понятно?

– Понятно, – кивнул Зубов. – А разве скальпель нельзя наточить?

– Почему же, теоретически можно. Существуют специальные станки для заточки скальпелей. Но у меня такого станка дома нет. Зачем он мне? Понадобится новый скальпель – сопру на работе.

– Идите, – ответил Зубов, подавая ему протокол на подпись. – Нам еще придется встретиться.

– Не сомневаюсь, – буркнул Сергей.

– С чего ты взял, что у него шашни с Астаховой? – спросил

майор Глинского, когда за Булгаковым захлопнулась дверь.

– Ни с чего не взял, – широко улыбнулся тот. – Попытался сделать ход конем.

Майор обдумывал то, что сейчас узнал от Булгакова. А что он, собственно, узнал? Да ничего ровным счетом. Глинский же продолжал развивать интересующую его тему.

– Зуб даю, – проронил он, – все на ней завязано.

– На ком именно?

– Как на ком? На Астаховой, конечно.

– Откуда такие выводы? – нахмурился Зубов.

– Да ты посмотри на них! Пожалуй, лишь Ланской и Рыков относятся к ней подружески. А остальные... Взять эту историю с испанцем...

– Да, его поведение можно истолковать двояко, – согласился майор. – А что? Мотивы у него могли быть самые разные. Не всякий ввяжется по собственной инициативе в подобную авантюру – заставить ревновать своего друга, да еще так, что у того крышу снесло.

– А тебе не показалось, что Кортес без особой симпатии относится к Астаховой? Вроде как подруга, вроде как красавица, а в глазах холод арктический. Не любит он ее. Да и Орлова тоже.

– Да. чудно как-то. – пробормотал Зубов, почесав в затылке. – Хлебнем, я чувую, проблем с этой теплой компанией. А доктор как тебе?..

– У него даже выражение лица меняется, когда он об Аста-

ховой говорит, – Глинский ухмыльнулся. – Смешно получилось с подружкой.

– Да, забавно. Но что это доказывает? Астахова – женщина, бесспорно, красивая, такие вызывают сильные чувства и не всегда позитивные... Не каждая выдержит подобное напряжение в отношениях, а общаются все в этой компании близко. Или она кайф от этого ловит, а? Все пятнадцать лет?

– Может, и ловит. Надпись на стене – отдельная песня. Ну все, смотри, все замыкается на ней.

– Ты, по-моему, тоже на ней замкнулся, – добродушно пошутил Зубов.

– Да нет... – отмахнулся Глинский и мечтательно посмотрел в потолок. „Да... – подумал он, – какая грудь... какие ноги... какие глаза... Идиот!“ – выругал он сам себя, а вслух подвел итог:

– И все-таки – все замыкается на Астаховой. Интересно, что же с ней на сей раз случилось?

Майор решительно поднялся:

– Мы имеем полное право взглянуть. Подумаешь, спящая принцесса!

Опера вышли из кабинета. Заглянув в гостиную, где эксперты завершили долгую нудную работу, они остановились перед спальней.

Осторожно приоткрыв дверь, Глинский заглянул внутрь.

– И правда, спит, – прошептал он, обернувшись к Зубову. – Зайти?

– Разумеется, – ответил майор и втолкнул напарника в комнату.

Заботливая рука укрыла женщину голубым покрывалом, прежде заменявшим ей юбку. Зубов бесцеремонно сдернул его, и они увидели, в каком ужасном состоянии находятся ее ноги. Катрин продолжала вздрагивать даже во сне.

– Как вам не стыдно? – услышали они возмущенный голос и, как по команде, повернули головы. Булгаков выходил из ванной, вытирая мокрые руки полотенцем.

– Я же сказал – ее нельзя беспокоить, – зло бросил он.

– Кто? – каменным голосом спросил майор, кивая на спящую Катрин.

– Что – „кто“? – отозвался Булгаков, отшвыривая полотенце в сторону.

– Я спрашиваю, – тем же тоном продолжал Зубов, – кто довел эту женщину, что ее пришлось накачивать успокоительным? Следы чьих побоев у нее на лице? А происхождение весьма характерных гематом на *ее ногах вы, господин доктор, наверняка* затруднитесь объяснить.

Что Булгаков он мог сказать? Что его приятель Орлов и есть насильник? И не потенциальный, а самый что ни есть настоящий? Это произнести было невозможно.

– Будите ее, – потребовал Зубов. – Я заставлю ее написать заявление.

– Не сейчас, – Булгаков встал на его пути.

– Товарищ майор, у нас еще два свидетеля не опрошены, –

вмешался в разговор Глинский и поймал на себе благодарный взгляд Сергея. Виктор добавил:

– Пусть Астахова спит. Она же никуда не денется, правда, доктор?

Булгаков мрачно кивнул.

– Ладно, – согласился майор. – Сколько она еще будет спать?

– Часа два, – ответил Сергей.

– Успеет, – коротко сказал Зубов. – Сейчас поговорим с ее дружкой – как бишь его?

– Орлов... – буркнул Булгаков. – Андрей Орлов.

Виктор Глинский с любопытством рассматривал развалившегося перед ним на стуле Андрея Орлова. „Не красавец, – недоумевал он, – и что она в нем нашла? Обаяние? Интеллект? Ну, наверно, что-то нашла, а иначе – что ее держит подле этого жестокого человека столько лет?“ Но будь на месте капитана милиции Виктора Глинского женщина, она, несомненно, отметила бы пронзительные серые глаза под густыми бровями вразлет, резкие черты лица, дерзкий рот, скалящий в усмешке белые зубы, темно-пепельные, коротко стриженные волосы, худощавую фигуру. И ни одна черта не выдавала в нем животное, способное ударить того, кто слабее.

– Полное имя?

– Орлов Андрей Юрьевич.

– Род занятий, место работы.

– Заместитель директора по науке в московском филиале E-world security.

Еще один айтишник! Зубов хмыкнул. И фирма-то тоже нехилая. Не конкурент, конечно, рыковской транснациональной корпорации, но занимается информационной безопасностью. Или делает вид, что ею занимается?

– Расскажите, что вам известно о происшедшем вчера.

– Вы об убийстве? Ничего не известно, – Орлов нахально смотрел в глаза майору.

Зубов усмехнулся:

– А Полину Стрельникову сюда, к месту ее гибели, привел Вася Пупкин.

– Не вижу причин для иронии, – скривился Орлов. – Если вас интересует что-то конкретно, то задавайте конкретные вопросы.

– Ах, извините, – с ядовитой ухмылкой поклонился майор. – Тогда извольте ответить, где и при каких обстоятельствах вы познакомились с убитой, а также не забудьте припомнить причину, по которой вы притащили ее сюда, после чего Полину Стрельникову изнасиловали и зарезали. Что ж, я задал вам вполне конкретные вопросы. Постарайтесь ответить на них так, чтобы у меня не осталось ни малейших сомнений в вашей правдивости. А то у меня руки чешутся задержать вас по подозрению в убийстве.

– По какому праву вы со мной так разговариваете? – высокомерно вздернул брови Орлов.

– Да неужто мы вас прогневали, – ахнул дурашливо Глинский. – Ну, простите нас, коли обидели... Что-то на нас сегодня свидетели обижаются. Нежные все стали, трепетные.

– Вы будете отвечать? – Зубов старался сохранять максимальное спокойствие.

– Хорошо, – ответил Орлов, закуривая. – Пишите. Я познакомился с Полиной около „Арбатской“, у кинотеатра, где покупал сигареты. Я спросил у нее „Девушка, вы не меня ждете?“ Такая вот избитая фраза.

– Зачем? – недоуменно спросил Виктор. – Вы же знали, что Екатерина Астахова...

– А кто такая Екатерина Астахова? – медленно, с издевкой произнес Орлов, разделяя слова. – Она что – моя жена? Я имею право знакомиться с кем угодно и когда угодно, и Астахова не будет иметь к этому никакого отношения. Я ясно излагаю?

– Яснее некуда. И, возможно, вы действительно были в своем праве, если б не маленькая деталь, которую вы почему-то постоянно упускаете – девушка убита и именно вы являетесь косвенной причиной ее смерти. Если не убили ее сами.

– Что такое вы говорите? – возмутился Орлов. – Вы же знаете, у меня есть алиби. Я всю ночь провел с Катрин. И она это подтверждает.

– Она так говорит, – кивнул Зубов. – Но у меня есть веские основания не верить ей.

– Какие еще основания?

– Об этом мы еще поговорим, – Зубов решил поддержать наглеца в напряжении. – Пока продолжим о Полине Стрельниковой. Итак, вы увидели красивую девушку у метро, задали ей этот дурацкий вопрос – а дальше?

– Дальше она игриво ответила „Может, и вас“.

– И что?

– Я сказал, что еду к другу и пригласил ее поехать со мной.

– Она согласилась сразу?

– Без колебаний, – усмехнулся Орлов, – как будто мы знакомы сто лет. Я взял такси, и через десять минут мы были у Антона. Так что нам и поговорить – то не удалось.

– За те десять минут она успела вам хоть что-нибудь рассказать о себе?

– Ерунду какую-то. Говорила, что она студентка, изучает языки... Врушка. Никакая она, на фиг, не студентка. Английский на уровне детского сада.

– А вы говорите по-английски? – спросил Зубов.

– Свободно, – коротко ответил Орлов.

– И где, позвольте полюбопытствовать, вы учили язык? – продолжал въедливо майор.

– Я его не учил, – отрубил Орлов.

– Как это? – удивился Зубов.

– А вот так. Это, можно сказать, мой второй родной язык. Детство я провел в Штатах с родителями, ходил там в школу.

– Понятно. А позже девушка не проговорила о роде ее

занятий?

– Да я что, слепой, чтобы не догадаться сам! – раздраженно воскликнул Орлов. – На ней же словно клеймо стояло! Я же не просто так к Полине подкатил, поймите!

– Не просто так? – поинтересовался Глинский. – А, собственно, как? Вы ей деньги предложили?

– Какие деньги? Нет, про деньги и речи не заходило... – растерялся Орлов.

– Почему? – удивился Зубов.

– Ну как вы себе это представляете?.. Лично я не привык покупать женщин за деньги, – несмотря на то, что Орлов чуть замялся, отвечая на этот вопрос, в голосе его звучало превосходство Дон Жуана над ничтожным Лепореллой²⁴. Глинскому стало противно, словно он дотронулся до чего-то осклизлого.

– Я хотел показать одной самовлюбленной стерве, что она не пуп земли, и всегда найдется женщина, готовая разделить со мной постель, – продолжал Орлов сквозь зубы.

– Самовлюбленная стерва... – протянул Глинский. – А Стрельникова оказалась разменной пешкой.

Орлов отрешенно молчал, но взгляд его наливался кровью.

– В вашем гамбите перехватили инициативу, – констатировал Глинский насмешливо. – Самовлюбленная стерва су-

²⁴ персонаж оперы В.А.Моцарта “Дон Жуан“, имя которого стало ставший нарицательным для слуги

мела показать вам, что вы тоже не один такой неповторимый. Партию вы, господин Орлов, просрали.

– Я смотрю, она и вам уже въелась в печенку, – сощурился на него Орлов. – Вы бы уж точно не отказались? Так в чем дело? Вперед – я не возражаю. А этой сучке уж точно плевать – с кем и где.

Глинский на мгновение потерял дар речи от такой наглости.

– Что вы себе позволяете? – загремел Зубов. – Следите за тем, что говорите!

– А, – отмахнулся Орлов, – как мне все надоело!

– Повторяю, следите за речью, – грозно нахмурился Зубов.

– Плевать, – Орлов сжал руки так, что суставы его пальцев побелели. – Мне приходится постоянно видеть, как на нее пялятся мужики. А чаще всего – мои собственные друзья.

– Кто конкретно? – спросил майор.

– Я не хочу об этом говорить. И какое это имеет значение? Убили-то не Катрин... – тихо произнес он и добавил уже чуть слышно. – К сожалению...

– Вы хорошо подумали, прежде чем говорить такое? – ледяным тоном спросил Глинский.

– Подумал ли я? – простонал Орлов. – Поверьте, у меня было время подумать. И иногда мне кажется. Да нет, – покачал Орлов головой. – Бред.

– Что, так достала? – ехидно спросил Глинский.

– Полюбивший Катрин сойдет с ума от ненависти к ней, – с вялым презрением ответил Орлов.

Глинский брезгливо смерил его взглядом:

– А избили вы ее от любви или от ненависти?

Орлов сглотнул и пробормотал, устремив на капитана неподвижные, полные злобы глаза:

– Булгаков донес?

– Никакие доносы не нужны. Мы ее видели. Она избита.

Орлов насупился как сыч.

– Решили в молчанку поиграть? – усмехнулся Зубов. – Неконструктивное поведение. И, по меньшей мере, странное. Судите сами: в дом, где вас ждет... или должна ждать женщина, которую вы вроде как любите, приводите постороннюю девушку! Обозлившись, что вам не удалось докопаться Астахову этим, покидаете благородное собрание, оставив несчастную Полину – на кого? Кто должен был ею заниматься?

– Да черт бы ее побрал, эту Полину, – выпалил Орлов, как только Зубов остановился, чтобы перевести дух. – Когда появилась Катрин, я проклял тот момент, когда встретил эту дуру.

– То есть?

– Катрин! – Орлов глубоко вздохнул – так, что вздох этот больше походил на стон, – такая красивая, такая чувственная. Я понял, что никого не хочу, кроме нее. А потом она танцевала с Мигелем. Вы бы видели! Порнуха в ритме танго.

Я слетел с катушек, а потом сбежал. Да, наверно, чтобы не убить кого-нибудь – Катрин или, быть может, Мигеля... Но убивать Полину у меня не было никаких причин...

– Это вы так говорите. Кто знает, может, все сказанное вами – сплошная ложь? Может, вы знали Полину давным-давно и просто воспользовались случаем, чтобы прикончить ее – по какой-то неизвестной еще нам причине?

С лица Орлова исчезли последние краски.

– Что вы имеете в виду? – чуть слышно прошептал он.

– Я имею в виду – не рассчитывайте выйти сухим из воды!

Вам не удастся.

Орлов подскочил, словно его ударило электрическим током:

– Да что вы понимаете! – заорал он. – Не лезьте, куда вас не просят!

– Молитесь, – загробным голосом сказал Глинский. – Молитесь, чтобы Астахова не заявила об избиении.

Зубов ухмыльнулся в усы. Он то уже понял, что ждать от этой красотки заявления – пустое занятие.

– И на вашем месте я не был бы столь уверен, что она не подаст такого заявления, – продолжал Глинский тем же тоном.

Орлов злорадно взглянул на него:

– Да какое избиение? Вы о чем говорите? Ну, заехал ей по носу в порыве страсти. А так – все по обоюдному согласию. Она меня любит.

– Любит так любит, – прервал его Зубов. – Продолжим по существу дела. Куда вы отправились, покинув этот дом?

– Никуда... – пробубнил Орлов. – Ходил тут по окрестностям... Потом вернулся, сидел около подъезда...

– Откуда вы знали, что она выйдет к вам или позовет вас?

– А как иначе? – голос Орлова звучал хвастливо. – Она бы не успокоилась, пока я не вернулся.

– Так почему вы не вернулись в квартиру? – спросил Зубов, заранее предвидя его ответ.

– Я ждал, когда Катрин сама меня позовет. Она так предсказуема, – самодовольно ухмыльнулся Орлов.

– А как вы попали в подъезд? Вы ведь не звонили в домофон?

– Не звонил. Я знаю код. Так-то обычно я им не пользуюсь, но совершенно не хотел перебудить весь народ.

– То есть, когда вы поднялись в квартиру, все спали?

– Все уже разбрелись по комнатам, правильнее будет так сказать... Чем они там занимались, понятия не имею... Катрин сидела на кухне одна и пила. Надеюсь, вы избавите меня от необходимости описывать то, чем мы занимались?

– Мы в курсе... более или менее... – хмыкнул Глинский. Почему-то ему не хотелось признаваться в том, что беседа с Катрин оказалась неудачной.

– Более или менее? – недоуменно посмотрел на него Орлов и пробормотал: – Понятно.

– Тогда вы тут единственный, кому хоть что-то понятно, –

ржавкнул на него Зубов. – Моя бы воля – вы бы не здесь сейчас сидели. Покажете, что у вас на плече?

Орлов помрачнел:

– Что? Вы о чем говорите?

– Нам известно, у вас на плече синяк – очень подозрительный. Покажете?

– У меня есть выбор? – произнес Орлов чуть слышно.

– Есть, – легко согласился майор. – Можем подождать постановления суда.

Оно вам надо?

Орлов, не ответив, расстегнул рубашку и чуть спустил рукав с правого плеча:

– Вам это хотелось увидеть?

– Н-да, – майор привстал, чтобы получше рассмотреть след от укуса. – И кто это вас так?

– Взбесившаяся лисица по имени Катрин, – Орлову показалось, что майор ухмыльнулся. – Довольны?

– О том, насколько я доволен, вы узнаете чуть позже, – Зубов опустил на место. – И причем, первый из всей вашей компании.

Орлов на его угрозу отреагировал вяло, только спросил, вытирая пот со лба:

– Вам что, тот извращенец все рассказал? Кстати, кто он? Я так и не разглядел.

– Извращенец?.. Вы о ком?

– Как о ком? О том придурке, который наблюдал за нами.

Опера переглянулись. Они опросили почти всех, всю компанию, кроме рыженькой медсестры – и никто даже и не заикнулся о том, что видел эту парочку, выяснявшую отношения на кухне – да еще, судя по всему, весьма экспрессивно. Итак, был некто, кто их видел. Интересно.

– Кого вы имеете в виду? – спросил капитан. – Астахова ни о чем таком не упоминала.

– О-о, – с некоторой натяжкой рассмеялся Орлов, – неужели она упустила такую пикантную подробность?

– Нельзя ли пояснить? – попросил Зубов.

– Когда мы занимались любовью, я краем глаза увидел силуэт человека за дверью. Сколько времени он подсматривал за нами, я не знаю. Точно, маньяк.

– Пardon, – Глинский осторожно подбирал слова, – вы говорите „он“ – значит ли это, что там стоял именно мужчина?

– Да, мужчина, – убежденно проговорил Орлов и задумался.

– Пытаетесь вспомнить, кто именно? – догадался Глинский.

– Пытаюсь... – Орлов наморщил лоб, вызывая в памяти ночной призрак. – Нет... Не могу сказать. На кухне свет горел. А в холле нет. Один из них, больше-то некому.

– Фигура высокая? – попытался помочь ему Глинский.

– Трудно сказать... Я его не разглядывал, рывкнул на него, чтобы убирался.

– И он убрался? – спросил Зубов

– Еще бы, – кивнул Орлов. – Но сразу или нет, кто его разберет – когда я повернул голову в следующий раз, за дверью уже никого не было.

– А Астахова видела этого зрителя? – спросил Глинский. Орлов снова кивнул.

– Она сможет его опознать?

Орлов пожал плечами, а потом с сомнением заметил:

– Не думаю. Она не могла его разглядеть – не до этого ей было.

– Ладно, с этим мы еще разберемся, – сказал Зубов. – И последний вопрос – это вы затерли кровь на полу на кухне? Отпираться бессмысленно – кроме вас некому.

Орлов побледнел, и в первый раз наглая усмешка сползла с его лица.

– Я вас спрашиваю! – повысил голос Зубов.

– Ну а если я, то что? Арестуете меня?

– Когда вы это сделали?

– Господи, – Орлов обхватил голову руками. – Какая разница. Когда Катрин заснула. К тому времени уже рассвело. Пошел на кухню, взял бумажные полотенца, протер пол. Иначе с утра Анна бы.

– Ясно, – оборвал его Зубов. – Когда вы ходили, э-э. подтирать за собой, вы никого не видели?

– Нет, – пробормотал Орлов. – Нет. только этого сукина сына за дверью, часом раньше.

– Интересно все же, кто это, – пробормотал Зубов.

– Это важно?.. – спросил Орлов.

– Посмотрим, – Зубов внезапно замолчал, словно что-то обдумывал, а потом потребовал: – А покажите-ка мне ваш мобильный телефон!

– Зачем? – завелся Орлов. – Вы не имеете права!

– Вам про постановление суда напомнить? – ухмыльнулся майор.

Орлов достал из заднего кармана джинсов телефон и бросил его на стол перед Зубовым. Несколько мгновений майор копался в нем.

– Что это? – спросил он, сунув Орлову под нос его телефон. – Кому вы звонили без десяти семь?

Орлов наморщил лоб:

– Не помню. В семь я уже был у Антона. Мы ждали Катрин.

– Не морочьте мне голову! – повысил голос майор. – Я вас про сегодняшнее утро спрашиваю! Кому вы звонили *без десяти семь утра*?!

– Никому не звонил, – Орлов тупо глядел на экран, – я вообще мобилу на кухне забыл!

– Как удачно, – усмехнулся майор.

– Бред какой-то! – прошептал Орлов побелевшими губами.

– А вам этот номер знаком? – поинтересовался майор.

– Смеетесь? Много номеров вы вот так, на память, знаете?

– Но ведь это не я, а вы его набрали!

– Ложь! – взвился Орлов.

– Мобильники не лгут, – Зубов покачал головой. – Только люди...

– Офигеть! – воскликнул Зубов, когда разговор с Орловым был закончен, и тот вышел из кабинета. – Никто не признался в том, что лично видел, как эта парочка занималась любовью в таком нестандартном месте. Если то, что происходило, можно назвать любовью...

– Ну да! – кивнул Глинский. – На глазах у одного из этих... м-мм... молодых людей насилуют женщину, и не кого-нибудь, а их подругу, которую, по их словам, они все уважают и любят. А он и пальцем не шевельнул, чтобы защитить ее. Повернулся и ушел. А может, не ушел, а продолжал наблюдать. И что там он себе думал – одному Богу известно.

– Либо он в глубине души считает, что Астахова получила по заслугам, либо же решил, что это событие сыграет ему на руку, – закончил его мысль Зубов.

– Может быть, он молчит из деликатности? – возразил Глинский. – Не хочет, чтобы Астахова оказалась вынуждена давать объяснения по такому щекотливому поводу?

– И что это за деликатный урод такой? – злобно произнес майор. – Сначала деликатно смотрит, как женщину насилуют, а потом деликатно молчит? Чушь! Как бы то ни было, увиденная сцена его потрясла...

– Она любого бы потрясла... – криво усмехнулся Глин-

ский.

– Ты не учитываешь больную психику убийцы, – возразил Зубов. – Подобное зрелище вполне могло спровоцировать его на убийство, а уж тем более на изнасилование! А это значит...

– А это значит, что подозреваемых у нас не так уж много... – задумчиво договорил Глинский. – Хотя, если принять за версию, что привидение за дверью и есть убийца, то двоих мы отсеки – Орлова, потому что он был по другую сторону двери и Рыкова, потому что у него алиби по времени, правда, еще не подтвержденное. Но мы знаем совершенно точно, что Орлов способен на насилие. И что получается?..

– Да ерунда получается. Астахова с пеной у рта утверждает, что Орлов не мог подняться с постели без того, чтобы она не проснулась. Но при этом она ни слова не сказала о том, что он вставал и выходил из спальни. Знать, зачем, Астахова не может, но какого лешего она скрывает, что ее любовник вставал в пятом часу? К убийству это отношения не имеет, прямого, во всяком случае. Подведем итог – ни хрена она не слышала, и он мог в любое время выйти из комнаты. Хоть в пять, хоть в шесть, хоть в восемь. Да еще звонил кому – то. Это она тоже не слышала?

– И зачем она его покрывает?

– Любит, – вздохнул Зубов. – Любит, мать ее...

Алену Булгаков нашел на том же месте, подле спящей Ка-

трин. Она отрешенно буравила взглядом стенку над кроватью.

– Тебя зовут, детка. – Она словно очнулась от его голоса.

– Я не хочу туда идти, Сережа, – жалобно произнесла она. – Я не знаю, что мне говорить. Я боюсь сказать что-то не то, а врать я не умею – совсем.

– Что за глупости, – потрепал он ее по щеке. – Говори правду, только правду и ничего кроме правды.

– Я же ничего не знаю... – робко пролепетала девушка, и с надеждой взглянула на Катрин. – А может им сказать, что я нужна здесь?

– Ерунда, – ответил он и подтолкнул ее, все еще упиравшуюся, к двери. – Итак, правду, но в разумных пределах. Например, не стоит особо распространяться о том, чего ты, по идее, не знаешь и не должна знать. Например, ты можешь быть не в курсе отношений Орлова и Катрин, поэтому делай удивленные глаза – вот так, как сейчас. И молчи про то, что он с ней сделал. Ты ведь этого не видела, правда? И Катрин об этом не рассказывала. Как-то так.

Алена со вздохом вышла из спальни. Булгаков занял ее место у изголовья спящей женщины. Откинул упавшие ей на лицо длинные каштановые волосы, погладил по нежной щеке, дотронулся до распухших губ. Катрин, Катрин...

– Итак, Елена Евгеньевна Кутепова, сколько вам лет? – спросил Зубов, рассматривая девушку. Ясно, что она моложе всех в этом доме. И правда, Алена выглядит совсем юной –

белокожая, какими бывают только рыжие, с большими зелеными глазами, в которых мечется отчаянный страх. Она не так красива, как Анна Королева, нет в ней магнетизма Екатерины Астаховой – она еще слишком молода. Но когда-нибудь станет настоящей красавицей – лет через семь-восемь, подумал Зубов.

– Двадцать один. почти, – пробормотала Алена. Она старалась сидеть прямо – чтобы эти люди не заметили ее неуверенность и робость. Пот холодной струйкой стекал меж лопаток – то ли от жары, то ли от страха. А скорее всего – от мысли, что Сергей остался там, в спальне – с той порочной женщиной наедине. Поэтому она едва слышала, что ей говорил Зубов.

– Что вы знаете о происшедшем?

– Ничего. Я знаю, что убита девушка – и все.

– Расскажите, как вы провели это утро.

– К нам зашла Анна около одиннадцати. Она попросила Сережу съездить за хлебом. Я поехала с ним. Больше я ничего не знаю.

– Вы слышали, как ваш друг Сергей Булгаков вставал около восьми?

– Он не вставал, – удивилась Алена. – С чего вы взяли?

– Вы можете сказать с уверенностью, что Булгаков никуда не отлучался утром? Вы же спали! – удивился Зубов.

Алена вспыхнула:

– Мы не спали.

– То есть?.. – Глинскому стало смешно.

– Ну... – девушка смутилась. Ее белая прозрачная кожа стала пунцовой. Она краснела так, как краснеют только рыжие женщины – всем телом сразу, включая уши и пальцы ног...

– Дело в том... Дело в том, что мы... проснулись рано, – выдавила она.

– Вы проснулись рано? Во сколько? Чем же вы занимались? – Глинскому нравилось смущать ее, но тут ему показалось, что она сейчас заплачет.

– И вы ничего не слышали? – Зубов решил прекратить это безобразие, но девушка уже испугалась до такой степени, что словно окаменела на стуле. Только губы дрожали. Она не знала, что им сказать. Ну как объяснить, что даже если б рушился дом и рвались снаряды – она бы не услышала, а если б и услышала, то не обратила бы внимания – наверняка.

– А о другом происшествии что вам известно? – спросил майор.

– Вы о чем?

– О том, что случилось с Екатериной Астаховой. Вы в курсе дела?

Алена молчала, соблюдая наказ Булгакова держать язык за зубами.

– Вы не знаете или не хотите говорить? – спросил ласково Глинский.

– Не хочу, – призналась Алена. – Это все не мое дело.

Спросите нашего доктора! – оживилась она. – Сергей вам все расскажет.

– А каким образом Сергея Булгакова касается то, что произошло между Астаховой и Орловым? Ведь он, кажется, только оказал ей медицинскую помощь? – спросил майор с дальним прицелом.

Алене хотелось закричать во весь голос „Не только!!!“ Охваченная безотчетной тревогой, она сходила с ума от мысли, что Сергей сейчас наедине с Катрин. Наверно, он не позволит себе прикоснуться к ней, но Алена живо представляла себе, как он сидит около спящей женщины и смотрит ей в лицо долго и пристально. Накануне она несколько раз перехватывала его взгляд, устремленный на Катрин – и каждый раз ее сердце сжималось от неприятного чувства, именуемого ревностью.

...Она влюбилась в него в первый же рабочий день в отделении. Алена увидела его в тот час, когда ее вымотанная бригада переодевалась после суточного дежурства, а на смену ей пришла новая, еще свежая и бодрая, с шуточками и последними домашними новостями.

Столкнулись они у входа в ординаторскую – девушка, как выжатый лимон, с красными от недосыпа глазами, собиралась домой, а Булгаков входил – притягательный и неотразимый в бледно-голубых джинсах и в светлом хлопковом джемпере. Он скользнул по ней плотоядным синим взглядом, а она замерла, будто пригвожденная к месту. Секунда пона-

добилась, чтобы Алена поняла: „Это мой мужчина. Он будет моим“. И это стало ее навязчивой идеей. Она сделала все возможное, чтобы перевестись к нему в бригаду. Это оказалось сложно – ни одна медсестра не хотела уходить от талантливому красавца-хирурга – но Алене удалось.

В первую же ночь, улучив момент, когда на их долю выпала короткая передышка, Булгаков попробовал обнять юную хорошенькую медсестру, но Алена, изобразив возмущение, выскользнула из кольца сильных рук, при том, что ничего ей так не хотелось, как прижаться к широкой груди и замереть, наслаждаясь его близостью. Но к тому моменту медсестры ей уже понарасказывали о булгаковских похождениях, а подробнее всего – о неприятной манере обращаться с надоевшими подругами.

Кроме всего прочего, ей было еще и страшно – ее любовный опыт ограничивался неловким поцелуем одноклассника на выпускном вечере в училище. Поцелуй получился мокрым и вялым. А уж его рука, которая нагло залезла ей в вырез платья, повергла девушку в шок. Алена отпихнула парня и убежала, недоумевая, что находят все в этом диковатом занятии под названием „любовь“? А потом она встретила Сергея, чтобы понять – она на его пути всего лишь травинка, на которую тот наступит и не заметит. Он даже не обиделся, когда она его оттолкнула. Просто не воспринял всерьез.

Тем не менее, Булгаков больше не приставал к ней. Время текло, но ничего не менялось. Максимум, что он позволял

себе, и то крайне редко – это легкое прикосновение, мягкую улыбку – отчего она, как правило, краснела словно мак. Но вчера судьба даровала ей второй шанс.

Алена не поверила своей удаче, когда Булгаков пригласил ее на вечеринку. Поломавшись для порядка, она согласилась. Во всяком случае, это хоть какой-то прогресс, подумала она, не понимая, что окажись на ее месте любая другая хорошенькая медсестра, то приглашение все равно состоялось бы. Но влюбленность застит глаза, как известно.

Кавалером Сергей оказался безупречным. Правда, увидев Катрин, Алена несколько приуныла, но весь вечер Сергей добросовестно ее развлекал. Вокруг что-то происходило, непонятное, если не сказать – дикое, но Алена старалась ни на что не обращать внимания. Полностью поглощенная возлюбленным, она гасила в себе неприятные чувства, когда ей удавалось перехватить его редкие взгляды в сторону Катрин.

Но когда Сергей, пошептавшись о чем-то с Антоном, хозяином дома, увлек ее в сторону другой комнаты, как потом оказалось, спальни для гостей, ее сердце ухнуло в пятки. Она и не заметила, как оказалась опрокинутой на постель. Мгновенный страх и почти такая же мгновенная боль, от которой она непроизвольно вскрикнула. Несколько ошалев от того, что он лишил ее девственности, Сергей замер и прошептал: „Елки! Почему ты не сказала?“ Алена перевела дыхание и так же тихо ответила ему вопросом: „Это что-то меняет?“ Оказалось – ничего не меняет. Он только стал чуть

более осторожным, чем тронул ее до слез. Заниматься любовью оказалось не настолько страшно, как Алена представляла себе, а то, что она отдалась любимому человеку, придавало событию некую торжественность.

Утром, открыв глаза, она долго лежала, боясь шелохнуться, дабы не разбудить Сергея. Алена с нежностью его рассматривала. До чего же он красив! Она никогда не видела его так близко. За ночь на лице Булгакова выступила щетина – темная, как ресницы и брови, гораздо темнее светлорусых волос... Мощные рельефные плечи и грудь, как у античной мраморной статуи. Алена думала о том, что она ему скажет, что он ей ответит... Девушка готовила себя к тому, что он посмотрит на нее, и не сразу поймет, где он и кто она – недаром про него говорят такое!.. Но тут Сергей пошевелился, что-то пробормотал, и она поняла, что он не спит...

Голос майора вернул ее на землю:

– Алена, так вас, кажется, называют? Вы же опытная медсестра, – незамысловато польстил он ей. – Вы не могли бы описать характер повреждений, полученных Астаховой?

– Не могла бы, – чуть слышно отозвалась она.

– Очень жаль, – вкрадчиво сказал Зубов, – мне хотелось бы помочь бедной женщине.

„А вам не приходит в голову, – мелькнула у Алены нехорошая мысль, – что эта ваша Катрин получила по заслугам? И что это они все с ней так носятся? Катрин – то, Катрин – се.“ Но тут же Алена упрекнула себя за подобные мысли –

нет, какой бы Катрин ни была, она не виновата в том, что ее любовник оказался таким мерзавцем.

– Вы можете помочь ей только одним способом, – поджала она губы, – оставьте ее в покое.

– И это говорите вы – медицинская сестра? – поразился Зубов. – Да как вы можете!

– Если эта женщина просит не вмешиваться, ее желание стоит уважать, – настаивала Алена. – У нас свобода личности.

– Разумеется, – усмехнулся Глинский. – Итак, предоставим свободной личности по имени Андрей Орлов право истязать беззащитную жертву?

– Если она не хочет в этом признаваться вам – это ее дело, – повторила Алена.

– Это ее право. Ведь, в конце концов, он же ее не убил, ведь так?

– Не убил, – согласился Зубов. – Значит, пусть все остальное сойдет ему с рук?

– Во всяком случае, если кто-то и расскажет вам об этой женщине, то не я.

„Этой женщине, – мелькнуло у Глинского в голове, – она избегает называть Астахову по имени. Неспроста это“.

– Предельно откровенно, – подытожил Зубов. – Вас бы в партизанки-подпольщицы, а, Елена Евгеньевна? Вы мастерски уходите от ответов.

– Что вы со мной, как с ребенком? – нахмурилась Алена. –

Я уже не маленькая.

– Конечно, нет, – улыбнулся Зубов, – вы девушка взрослая, и нас интересует ваше зрелое мнение. Зачем вам выгораживать Орлова?

– Я его не выгораживаю, – покачала она головой. – Мне нет до него никакого дела.

– Ну-ну. А стыдно вам потом не будет?

– За что стыдно? – удивилась Алена. – Я просто хочу, чтобы мне доверяли.

– Кто? Сергей Булгаков? – усмехнулся Зубов. Алена закусила губу.

„Влюбилась, – подумал Глинский. – А он? „Эта женщина“, говоришь“.

Алена упрямо сжала губы. Больше всего на свете ей бы хотелось, чтобы от нее отстал этот зануда-майор. Что ей до Катрин и ее проблем! Ей это и неинтересно, и неприятно.

– Идите, Алена... – сказал Зубов, поняв, что толку от девчонки больше не будет никакого. – Молитесь, чтобы Орлов не надругался над ней еще раз – боюсь, это обременит вашу совесть...

Когда за Аленой закрывалась дверь кабинета, зазвонил мобильник Зубова.

– Сергеев, – прокомментировал он, нажимая на кнопку ответа. – Да? Вот как? Почему я не удивлен? Понятное дело, задерживаем. Присылайте транспорт.

Он сунул мобильник в карман и стал собирать бумаги со

стола.

– Что? – спросил заинтригованный Виктор.

– Сергеев получил распечатку звонков Стрельниковой. Именно Орлов звонил ей без десяти семь.

– Я выхожу рано, – сообщила женщина лет шестидесяти, открывшая дверь капитану Зимину. – Хотя, я знаю, профессор Смоленский со второго этажа выгуливает Виконта около пяти, не позже. Не спится ему. И мои обормоты меня поднимают ровно в пять тридцать, никогда выспаться не дают.

Обормоты крутились рядом – два крупных бесцеремонных белых пуделя.

– Красавцы, – улыбнулся Зимин женщине, не только из желания польстить возможному свидетелю, но и вполне искренне – собаки были, в самом деле, хороши: чистенькие, ухоженные, элегантно подстриженные. – Это кобель и сука?

– Ну что вы, – замахала руками женщина, – разнополых собак нельзя держать в одном месте, сами понимаете! Это отец и сын. Поспокойнее – Аттила, а этот бешеный – Джонни.

– Какой славный, – погладил Зимин белую голову, по-хозяйски расположившуюся у него на коленях.

– Ох, он такой ласковый, и Джонни в него пошел. Заберется на колени – ну как кошка!

Евгений понял, что контакт установлен, и можно приступать к делу.

– И где вы с ними гуляете? – спросил он, доставая блокнот.

– Рядом, во дворе, – ответила она.

– Вы вышли ровно в пять тридцать, Наталья Михайловна?

– О нет, я без кофе не человек. В пять тридцать встала, душ, чашка кофе – вышла около шести.

– Вы никого не встретили по дороге? Никто не выходил из дома – не из жильцов?

Наталья Михайловна задумалась.

– Нет. По-моему, нет... Хотя подождите! Мы с ребятами вышли из лифта, а он спускался по лестнице. Да, я услышала шаги, подумала, кого несет в такую рань. Профессор все равно на лифте спускается, ему даже с третьего этажа трудно пешком. Да, точно! Он спускался по лестнице.

– Как он выглядел?

– Очень симпатичный парень.

– Ну, это не описание, – улыбнулся Зимин.

– Конечно, – серьезно кивнула хозяйка, – но я не умею описывать людей. Молодой мужчина, симпатичный... нет, слово не то. Очки круглые, в золотой, по-моему, оправе.

– Блондин?

– Блондин. Или светлый шатен. И внешность – не простая. Губы, – она провела ладонью по лицу, – такие, прихотливо очерченные. Да, и волосы у него длинные, волнистые.

– Как он был одет?

– В светлый смокинг. Но такое впечатление... Как бы по-

точнее объяснить? Словно он не ночевал дома.

– В чем это выразалось? – заинтересованно спросил Зимин.

– Ну, он был не то чтобы заросший... Но видно, что утром не брился. Костюм элегантний, но брюки не мешало бы подгладить. А смокинг в восемь утра – это нечто. Да, вот еще! Ни бабочки, ни галстука – ворот рубашки небрежно так расстегнут.

– Все правильно, Наталья Михайловна, вы видели именно того, кого должны, – кивнул капитан.

– А что, это вор? – забеспокоилась она. – Что он натворил?

– Скорее всего, ничего. А как он шел, скажите, торопился или не спеша?

– Он сбегал по лестнице, но не потому, что спешил, а потому, что молодой. Молодые всегда не ходят, а бегают. Я посмотрела ему вслед и обратила внимание, что у него красивые и ухоженные волосы. Хотя я терпеть не могу мужчин с длинными волосами....

– Понятно. Скажите, Наталья Михайловна, а кто из соседей гуляет с собаками около восьми часов утра?

– В восемь? Так-так, дайте подумать! У нас в подъезде, – она быстро прикинула, – шесть собак... Но сейчас все на дачах. Осталась я и профессор Смоленский. Он гуляет еще раньше меня и совсем недолго – его Виконт старый, и ему тяжело ходить. Вот и все мы – собачники. Еще несколько человек бегают тут по окрестностям, Вика, например. Милая

девочка, вежливая, правда, у нее вечно в ушах затычки, и она ничего вокруг не слышит.

Итак, расписание собачьего променада только подтвердило алиби Олега Рыкова, но никоим образом не пролило света на то, кто убил Полину Стрельникову – красотку в мини-юбке, которую никто не знал, да и знать не хотел.

– Нет, никого не видела, – дверь Зимину открыла девушка в спортивном трико и с повязкой на лбу. Видимо, он оторвал ее от физических упражнений. – Я бегаю по утрам. И сегодня бегала. Во сколько? Выхожу я всегда ровно в восемь и бегаю полтора часа.

– И вы не видели никого, выходящего из дома или входящего в дом? – недоверчиво спросил Зимин. – Ни соседей, никого?

– Нет, в такое время в воскресенье в доме два с половиной человека. Спят все до полудня. А большинство по дачам расползается.

– А собачники? – поинтересовался капитан.

– Ах, собачники! – протянула девушка. – Да, собачники, конечно, вылезают. И я видела сегодня Наталью с ее псарней. Я от их лая всегда просыпаюсь ровно в шесть. Ползу, чтоб закрыть балкон – гавкают они безбожно. С балкона я их и видела. А когда выходила на пробежку, с почтальоном столкнулась.

– С почтальоном? – оживился Зимин. – С каким почта-

льоном?

– Какие бывают почтальоны! – раздраженно сказала девушка. – Обыкновенный почтальон.

– Вика, по воскресеньям почту не носят. С чего вы взяли, что это почтальон? Вы с ним знакомы? Как он выглядел?

– Нет, я его не знаю. Да я особо не разглядела... Просто подумала – вот почтальон.

– Ну а почему вы так подумали? Он что, газеты раскладывал?

– Да! – почему-то обрадовалась Вика. – Я видела его со спины – он раскладывал газеты по почтовым ящикам.

– Вика! – устало протянул Зимин. – Но по воскресеньям не носят газет! Вы видели, что он клал в ящики именно газеты? Почтовый ящик потом проверяли?

– Нет... Я редко туда заглядываю. Газет я не выписываю. Переписку веду по электронке. Но если хотите, могу посмотреть. Сходить?..

Через пять минут Вика вернулась с охапкой рекламных листов и протянула их капитану.

– Понятно. Их точно положили сегодня утром?

– Я не знаю, – капитан уже надоел девушке и так же надоело его однообразные вопросы.

Но Зимин оказался настойчив. Перспектива и отсюда уйти несолоно хлебавши вызывала в нем досаду.

– А у этого почтальона была какая-нибудь сумка? – хмуро поинтересовался он.

– Была сумка. Через плечо у него висела, – кивнула Вика.

– А одет он во что был? Как выглядел?

– Он был в плаще. Светлый плащ, длинный, с капюшоном, – Вика наморщила лоб. – А лица его я не видела, он капюшон глубоко надвинул.

– А молодой он или старый? Вы ведь спортсменка, Вика! Вы не могли не обратить внимание на его фигуру.

– Он немного сутулился! – обрадовалась Вика. – Уверена, он немолод. Да, это был высокий старик!

Зимин чуть не ругнулся от разочарования. Какой еще там старик! Опять мимо...

14 июня 2010 года, Москва, 25 °С

Полковник Лежава с утра был явно не в духе.

– И что, этот звонок – единственная улика против этого... Орлова? Какие еще основания?

– Оснований полно, Георгий Шалвович, – спокойно ответил Zubov, – и улики на него есть, косвенные, но есть. А потом – сам-то я ничего не решаю. Следователь вынес постановление – мы его задержали. Усё.

– Дурачка-то не валяй, майор, – сощурился на него полковник. – Следователю кто данные предоставлял? Из рассказанного тобой я так понял, что Орлов не мог совершить этого преступления. И что же могут быть за основания для его задержания? Капитан, – он повернулся к Глинскому, который скромненько сидел в сторонке, – может быть, вы поясните?

– Без него не обошлось, – подал голос Виктор, – он избил и изнасиловал женщину всего за несколько часов до убийства.

– Чего-о?!

– Запутанная история. Попытка разобраться закончилась провалом, – сказал Зубов, с грустью вспоминая бесплодные попытки убедить Катрин не спускать Орлову гнусного поступка. – Одна из свидетельниц по этому делу, Екатерина Астахова, находится в интимной связи с ним полтора десятка лет. Но о том, что произошло, мы узнали не от нее, а от других свидетелей.

– И что? – нахмурился полковник. – Заявление от потерпевшей есть?

Зубов с Глинским переглянулись. Их доклад начальству становился похожим на дурацкую детскую игру „да и нет – не говорить“. Ни на один вопрос полковник еще не получил внятного ответа.

– Товарищ полковник, – начал майор, – не станет она писать заявление... Она вообще отказалась говорить с нами на эту тему.

– Так я и знал, – язвительно усмехнулся Лежава. – Очередной детский сад. И какой же у Орлова мотив убивать девушку?

– Мотив железный! Ревность, например! – с воодушевлением начал Глинский.

– Стоило Астаховой перемигнуться с Кортесом – на тебе по морде! А тут – телка с ним пришла, и прыг в постель к

Рыкову. Так получи!

– Откуда Орлов мог знать, что она с Рыковым? – проворчал Зубов, – Никак не мог.

– Астахова злорадно сообщила? – предположил капитан.

– Могла, – кивнул майор, – выпалила, как только тот на порог – ага, а твоя-то уже с другим трахается! Вполне могла.

– И что? Сразу резать, как свинью? – недоверчиво поморщился Лежава.

– Он собственник, – уверенно заявил капитан. – Вполне мог! Тот факт, что Стрельникова не убивалась по нему, а прыгнула в постель к другому, вызвало у него неконтролируемую ярость...

– Мне представляется более правдоподобным несколько иной мотив, – перебил его майор. – Ему надо было выместить свою ревность и злость на Астахову. Он хотел убить ее, но не смог...

– Просто избил и изнасиловал, – подхватил Лежава, – а потом искромсал Стрельникову. Да, вполне вероятно. Как мотив – вполне. Следовательно назначит судебно-психологическую экспертизу на предмет аффекта. А кроме инцидента с изнасилованием, есть за что зацепиться в отношении Орлова? Исключая, конечно, звонок?

– Мы не можем исключить звонок, – упрямо пробурчал майор, – он звонил жертве аккурат перед убийством. Телефон, видно, спросил заранее. Зацепила она его.

– Он утверждает, что забыл телефон на кухне, – возразил

Виктор, – Королева и Кортес подтвердили это.

– Они подтвердили, что он забрал мобильник с кухни утром. А когда он его там оставил, они знать не могут.

– Не могут, – согласился Виктор.

– Что еще? – потребовал полковник.

– Мы нашли бокал около трупа – пробормотал капитан, – с его пальчиками. Но бокал могли и подбросить.

– Могли, – Зубов согласно кивнул.

– И все? – поинтересовался полковник.

– Увы, – грустно сказал Глинский, – у него почти стопроцентное алиби.

– Что значит почти? – поинтересовался полковник.

– Я не доверяю алиби, подтверждаемому любовниками, – ответил Зубов.

– И все же это алиби... – протянул Глинский со вздохом.

– Подтвержденное, кстати, не кем-то, а Астаховой, которая, как выяснилось, спала как сурок. Как пьяный сурок, – произнес скептически майор. – А это, как я говорил, уже и не алиби.

– Понятно, – полковник потер переносицу. – Вы, мои дорогие, забываете о том, что дело опера – искать и устанавливать факты, а решать, насколько эти факты достаточны для привлечения к уголовной ответственности – дело наших коллег из следственного комитета. А теперь внятно – что у нас есть по этому делу?

Глинский открыл папку:

– Как только будет готово заключение по биологическому материалу, то, возможно, начнет складываться какая-то картина. А так – преступник работал в перчатках. Возможно, медицинских.

– Почему так думаешь?

– Следы талька на трупе. Медицинский след несомненный. Два медика в окружении жертвы... И скальпель в качестве орудия убийства...

– Сомнительное умозаключение, – поморщился полковник. – А если б мы нашли топор? Кого бы тогда искали? Плотника? Ну ладно, давай по направлениям работы.

– Мы послали запрос в таксопарки на предмет подтверждения алиби Рыкова еще вчера. Пока результата нет. Но прошло мало времени... Плотно занимаемся самой Стрельниковой – может быть, она все-таки кого-то знала из этой компании раньше, но этот кто-то тщательно факт сей скрывает.

– Не лишено смысла, – одобрительно кивнул Лежава.

– Надо провести следственный эксперимент, – заявил Глинский, – проверить, насколько приглушенными должны быть звуки в гостиной во время преступления, чтобы никто ничего не слышал.

– Это нужно сделать в первую очередь, – подал голос Зубов. – Я не исключаю круговую поруку в этой теплой компании. Они довели меня до белого каления, утверждая, что никто из их добрых друзей не способен... они знают друг

друга сто лет и так далее... Может, угробили девушку все вместе...

– Но на самом деле ты ведь так не думаешь?

Зубов пожал плечами:

– Допускаю, как невероятную гипотезу. И вот еще что. Я хочу попросить следователя поднять дело о хищении наркотиков в Склифе.

Лежава повертел в руках очки. Пользоваться ими он стал совсем недавно и до сих пор стеснялся, как школьник. Но они совершенно неожиданным образом стали помогать ему в его размышлениях – методично складывая и раздвигая дужки, он неизменно наводил порядок в мыслях и расчетах. Сейчас же его мысли занимало это страшное убийство. Лежава ненавидел душегубство вообще, убийства женщин – в частности, а сексуальное насилие он, чистокровный грузин, воспринимал как личное оскорбление.

Глядя на него, Зубов подумал о том, что еще минут пять – и очкам хана, но тут полковник словно очнулся и поднял на него усталые глаза.

– Склиф... Кажется, припоминаю. Там свистнули приличную партию наркотиков. И сделал это какой-то местный наркоман, из своих?

– Врач-анестезиолог, – с готовностью подтвердил Зубов. – Причем наркотики так и не нашли. Скорее всего, он их продал, поскольку если б он их все употребил сам за такой короткий срок, несомненно, копыта бы откинул. Но Юрий

Смолин, так звали того наркошу, наотрез отказался сообщить, куда он дел такое количество фентанила и морфина. Но поскольку один из свидетелей работает в реанимационном отделении Склифа, то можно предположить связь...

– Не обязательно прямую связь, – задумчиво отозвался Лежава. – Ты там, смотри, осторожно. Если его сообщник все-таки работал там и продолжает работать – важно его не спугнуть. Там может быть многоуровневая цепочка сбыта, Не наломай дров.

– Постараюсь не наломать, – кивнул Зубов.

– Будь добр, уж постарайся, – проворчал Лежава. – А что там с этим диском? Можно подробнее? – попросил полковник.

– „Травиата“ в постановке Ла Скала, – доложил Виктор. – Презентовал Мигель Кортес и как-то там его еще, не выговорю без шпаргалки... Во время вечеринки не прослушивалась и, по словам свидетелей, даже не распечатывалась. При осмотре места происшествия мы нашли в проигрывателе аудиодиск. За диваном обнаружили целлофан, надрезанный, по-видимому, тем же скальпелем, а под столом – коробку со вторым диском со следами крови. Результатов экспертизы по этому пункту еще нет, но я почти уверен, это кровь Стрельниковой.

– Поторопите экспертный отдел, – попросил Зубов. – Хотелось бы действовать наверняка.

– Так же срочно надо провести ДНК-экспертизу на пред-

мет идентификации спермы, обнаруженной в трупe. Ну, хоть к завтрашнему утру. А лучше сегодня, – Виктор просительно заглянул полковнику в глаза.

– Можно подумать, мой звонок что-то решает, – хмыкнул Лежава. – Позвоню, конечно.

– Я сейчас еду к ее матери, а затем с ордером на обыск домой к погибшей Стрельниковой, – сказал Зубов и поднялся. – Разрешите идти?

Мать Стрельниковой жила в старом шестиэтажном доме на Тверском бульваре. Печальная женщина лет сорока пяти, она недавно вышла замуж, и ее супруг, немолодой состоятельный армянин, расселил коммуналку, комнату в которой она занимала. Теперь семье Малакян принадлежала четырехкомнатная квартира с видом на бульвар и на театр. Правда, ремонт все еще шел, и Зубову пришлось перешагивать через стопки кафельной плитки, свернутые куски коврового покрытия и прочее строительное барахло. Среди всего этого разгрома, на стуле, словно окаменев, сидела Наталья Борисовна Стрельникова-Малакян. Она не плакала, но безжизненное лицо ее походило на античную маску трагедии.

– Это я во всем виновата, – проговорила она, – напрасно я согласилась, чтобы Сурик покупал Полечке квартиру. Но он так хотел сделать моей девочке приятное...

Сурен Саркисович Малакян, невысокий, плотный и почти полностью седой человек лет шестидесяти, обнимал жену и

приговаривал с легким акцентом:

– Поплачь, дорогая, поплачь...

Но Стрельникова тупо смотрела перед собой. Майор понимал, что расспрашивать несчастную женщину, по крайней мере, безжалостно, но выхода у него не было.

Он порылся в папке с документами.

– Наталья Борисовна, – обратился к ней Зубов, – посмотрите этот список, пожалуйста. Может быть, вы встретите здесь знакомое имя? Может, дочь что-нибудь говорила вам о ком-то из них?

Стрельникова пробежала глазами список и равнодушно вернула его майору.

– Нет, я не знаю этих людей. Простите, мне трудно сосредоточиться... Нет, я их не знаю...

– Не торопитесь, Наталья Борисовна. Неужели среди знакомых вашей дочери нет мужчин по имени Андрей? Сергей? Допустим, Мигель – имя редкое в наших широтах... Олег, Антон?

– У Полечки много знакомых мужчин... слишком много... – прошептала женщина безучастно, – но она меня с ними не знакомит. Не знакомила.

– Понятно, – вздохнул майор. – А девушки? Вы знаете каких-либо ее подружек? На работе? Она и школу-то не так давно окончила, может, общалась с кем-нибудь?

– Нет... не помню... – медленно проговорила Стрельникова. – Может, и есть какие подружки – на курсах, например.

– На курсах? – встрепнулся Зубов. – На каких курсах?

– Курсы английского языка, – пояснила она. – В феврале она поступила на курсы. Может, она там с кем-нибудь познакомилась?

– Еще кто-нибудь? – с надеждой спросил Зубов.

– Не знаю... – проговорила Стрельникова. – Разве что Оксана Кияшко, ее школьная подруга. Вот она бы вам много чего могла рассказать про Полечку. Та с ней делилась секретами. А вот со мной перестала. Как я вышла замуж, точно черная кошка между нами пробежала, – она издала долгий, тоскливый стон, более похожий на вой раненого зверя и уронила голову на руки. Теперь женщина сидела, раскачиваясь из стороны в сторону, и выла, выла, выла...

– Нам необходимо проехать сейчас на квартиру вашей дочери и провести осмотр помещения, – сказал майор. – Мне жаль, что приходится тревожить вас этим...

– Я понимаю, – кивнула она. – Я понимаю. Здесь пешком совсем недалеко.

– Я на машине, – поднялся Зубов. – Где она жила?

– На Новом Арбате, дом шесть. Она прописана по-прежнему здесь, но жила на Новом Арбате.

– На Новом Арбате? – Зубов напрягся. – Простите, мне нужно позвонить.

Глинский трубку схватил сразу же, словно ждал его звонка.

– У меня ЧП, – негромко произнес майор. – Посмотри

там, где адреса свидетелей записаны. Кто-то из них живет на Новом Арбате. Кто?! Ничего себе. А дом? Шестой?

Могло ли быть это простым совпадением?

– Слушай, Виктор, – горячо зашептал Зубов в трубку. – Этого молодца уже выпустили? Узнай, я подожду... Нет? Придержи его у себя... Тяни время... О детстве там расспроси, еще чего-нибудь. Не знаю, сколько!!! Мы сейчас поедem осматривать квартиру, а потом я зайду к... Ну ты понял?.. Пока я тебе не позвоню, не отпускай его, понял, генацвале?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.